

ГОД, КОГДА Я ВЛЮБИЛАСЬ

САННИВЕЙЛ #2

BOOK IN STYLE

Автор бестселлеров по версии New York Times и USA Today

ДЖЕССИКА СОРЕНСЕН

Изабелла Андерс узнала, что Линн и ее отец хотят отправить ее в исправительную школу. Но благодаря бабушки Стефи, отец Изы соглашается позволить ей переехать к бабушке.

Иза только рада переезду. И после неофициального свидания с Кайлером она думает, что ее жизнь начинает меняться к лучшему. Но потом она узнает правду о том, что на самом деле случилось с ее матерью.

Не готовая полностью признать, что ее мать — убийца, Иза обращается за помощью к Каю. Кай соглашается, но, чтобы защитить Изу, он держит некоторые наиболее жестокие подробности о деле ее матери при себе, пока не сможет узнать больше.

Но когда таинственная синяя машина начинает следить за ними, а Иза получает смс с угрозами от неизвестного абонента, Кай понимает, что кто-то твердо намерен уничтожить Изу. И он, возможно, не сможет защитить ее.

Джессика Соренсен
Год, когда я влюбилась
Серия: Саннивейл #2

Переводчик: Юлия Корнилова

Редактор: Юлия Цветкова

Вычитка: Любовь Анисимова

Обложка: Екатерина Белобородова

Оформитель: Юлия Цветкова

Переведено специально для группы: vk.com/book_in_style

Изабелла

Прошло всего несколько минут с тех пор, как Линн бросила мне в лицо, что Белла — моя настоящая мама — была ужасным человеком, за что теперь гниет в своей могиле. Всего несколько крошечных минут, но мне кажется, что прошла целая вечность, как будто я вошла в портал, в котором время движется с замедленной скоростью.

У меня появляется слишком много времени, чтобы подумать о том, что, возможно, моя мама умерла, о том, как разозлился отец, когда я спросила о ней, о Линн и о том, как я толкнула ее после того, как она мне все высказала. Я выбежала из дома, не дожидаясь ее реакции. Пребывая в полнейшей истерике. Но слава проклятым звездам, что Кай нашел меня, иначе кто знает, что бы я наделала. В том душевном состоянии, в котором я находилась, я ничего так не хотела, как избавиться от боли, и была готова на все, чтобы она прекратилась.

Но каким-то чудесным чудом — серьезно, этот парень какой-то гениальный волшебник по отвлечению внимания — Каю удастся меня успокоить. Он ведет меня внутрь своего дома, велит сесть на диван и ставит «Зомбиленд». Затем приносит мне миску попкорна и коробку молочных конфет и устраивается рядом на пол.

Я толком не объяснила Каю, что произошло, по крайней мере, не во всех деталях, но я вижу, что ему чертовски любопытно, по тому, как он продолжает смотреть на меня вместо того, чтобы обратить внимание на фильм. Это фильм о зомби. Никто так не отвлекается во время фильма о зомби, если только он о чем-то глубоко не задумывается. Или он полный чудака.

— Я не знаю, что делать, — бормочу сквозь зевок, когда на экране телевизора появляются титры. Я перекатываюсь на бок, чтобы посмотреть на Кая сверху вниз. Его светло-русые волосы зачесаны набок, а щека покраснела в том месте, где он прижимался лицом к подушке. — Не уверена, что смогу вернуться домой или могу ли вообще теперь называть это место домом. После того, как я толкнула Линн... — качаю головой. — Я даже не чувствую себя плохо. Каким человеком это делает меня?

Он ложится на спину и поднимает бровь, глядя на меня.

— Ты толкнула Линн? Когда?

— Сразу после того, как она высказалась о маме. — Реальность с новой силой накрывает меня. — Я в таком дерьме, Кай. Мой папа и так был очень зол, когда я попыталась узнать о своей настоящей маме. Он, наверное, уже сменил замки, чтобы я не смогла войти в дом.

Кай покусывает нижнюю губу, размышляя.

— Может быть, это и хорошо. Больше никакой Ханны. Больше никакой Линн. Ты бы, наконец, освободилась от них.

— Да, я знаю. — Переворачиваюсь на спину, убирая пряди своих каштановых волос с заплаканного лица. Уверена, что прямо сейчас у меня потрясающие енотовые глаза, и, вероятно, я выгляжу как настоящая горячая штучка. К счастью, здесь со мной только Кай. После того, как он извинился передо мной за инцидент в седьмом классе и я узнала о том, как он рассказал всем, что Ханна солгала о моем пребывании в психиатрической лечебнице,

я знаю, что могу ему доверять. — Я знаю, что это прозвучит безумно — это звучит безумно даже в моей собственной голове, — но часть меня не хочет, чтобы меня вот так вышвырнули.

Когда он не отвечает, я наклоняюсь, чтобы посмотреть на него.

Он таращится на меня так, словно я только что прилетела с космоса.

— Я собираюсь списать твоё временное помешательство на тот факт, что ты пережила кучу дерьма за последние пару часов, и дам тебе совет. Если ты сможешь выбраться из этого дома, тогда сделай это. Тебе будет лучше самой по себе, чем жить со своей психованной, жестокой семьей.

— Они не издеваются надо мной. Да, они чертовски злые, но они никогда не били меня или что-то в этом роде.

Кай выдерживает мой взгляд.

— Иза, слова иногда могут приносить такой же вред, как и действия.

Я сглатываю комочек в горле, когда вспоминаю, сколько раз Ханна и Линн оскорбляли меня. Как мой отец игнорировал это. Как ужасно я себя чувствовала, какой маленькой и никчемной. Потом я думаю о Кае и о том, как его отец относится к нему.

— Тебе следует последовать своему собственному совету, — говорю я осторожно.

Он равнодушно пожимает плечами.

— Я работаю над этим.

Массирую ноющую грудь рукой, желая избавиться от стеснения.

— Я бы не была сама по себе, если бы съехала. Я бы переехала к своей бабушке Стефи.

— Хорошо. Судя по тому, что ты мне о ней рассказывала, она довольно классная. — Он садится и вытягивает руки над головой, отчего его черная футболка задирается ровно настолько, чтобы я могла мельком увидеть его пресс.

Я стараюсь не глазеть, как какая-нибудь фанатка группы, пляшущая на солиста, но у моего взгляда своя жизнь. Я виню в этом свои гормоны. Когда они берут верх, я теряю самообладание.

— Да, она классная... — *Перестань пялиться на него, Иза. Ты такая странная.* — На самом деле она та самая бабушка, с которой я ездила в поездку этим летом. — Мне, наконец, удастся оторвать взгляд от худощавых мышц Кая и мысленно дать себе пять за то, что восстановила самообладание. Но потом я съезживаюсь, когда обнаруживаю, что он наблюдает за мной с любопытством, написанным на его лице.

Он так просто меня поймал.

Я задерживаю свой следующий вдох в легких, ожидая, что он будет дразнить меня, но, как ни странно, он молчит. Может быть, он дает мне пропуск на свободу из тюрьмы, потому что ему меня жаль. Хотя я не большой поклонник жалости, я воспользуюсь этим пропуском.

— Все равно было бы отстойно переезжать, — говорю я. — Мне пришлось бы сменить школу... Я знаю, что у меня нет кучи друзей, но я только начала входить в хороший ритм.

Он хмурится.

— Зачем бы тебе понадобилось менять школу? Я думал, она живет в Саннивейле.

— Так и есть, но на другом конце города, в сообществе Саннивейл-Бей, которое находится в другом школьном округе. — Я сажусь и опускаю ноги на пол. — Это в тридцати минутах езды от нашей школы, так что мне пришлось бы перевестись.

Он упирается локтями в край дивана всего в нескольких дюймах от моих ног.

— Это займет всего тридцать минут, если водить машину, как пенсионер.

— Бабушке пришлось бы возить меня, — указываю я. — И я не хочу просить ее об этом.

И даже если бы я это сделала, не думаю, что она сможет. Она позволяет Индиго одалживать ее машину для работы и всего такого. Всем было бы намного легче, если бы я просто перевелась. — Я вздыхаю, подсовывая руки под ноги. — Я просто хотела бы не быть такой социально нестабильной.

— Ты не социально нестабильная. Ты просто стесняешься.

— Застенчивость, социальная нестабильность, это все означает, что мне трудно разговаривать с людьми. — Я плюхаюсь обратно на диван. — Я хотела бы справиться с этим, но думаю, что навсегда останусь такой.

— Быть застенчивой не так уж плохо. — Он протягивает руку, чтобы прикоснуться ко мне, но затем отстраняется. — И я могу помочь тебе справиться с этим.

— Не каждый сможет быть такой красивой светской бабочкой, как ты, — я улыбаюсь, наверное, впервые с тех пор, как безумие разверзлось подо мной и попыталось поглотить меня целиком. — Ты как единорог, чувак.

Его лоб морщится.

— Единорог?

Я киваю, поглаживая его по голове.

— Такой же редкий и великолепный. Все тут же поворачивают головы, когда тыходишь в комнату, потому что ты такой красивый, и все хотят быть такими же красивыми, как ты.

Он лучезарно улыбается мне.

— Я довольно удивителен.

Ага. Нет смысла пытаться отрицать, что Кай великолепен. Он это знает. Все девочки, которые учатся в моей средней школе, знают это. Любители единорогов во всем мире знают об этом.

Его ухмылка становится шире, когда он поднимается на ноги и плюхается на подушку рядом со мной.

— У меня есть идея.

Я драматично закатываю глаза.

— О, нет, начинается.

Он прижимает руку к груди, притворяясь обиженным.

— Эй, не все мои идеи такие плохие.

Я фыркаю от смеха.

— Помнишь, как однажды ты подумал, что было бы суперкруто, если бы я села к тебе на колени на этих ржавых качелях, потому что там было только одно место, а ты хотел, чтобы я качалась с тобой?! — Это было еще в седьмом классе, во время нашей мимолетной дружбы. Вспоминая то время, я понимаю, что делала много рискованных вещей благодаря Каю. По какой-то причине мне было трудно сказать ему «нет», даже когда его идеи кричали: «Опасность! Опасность! Ты можешь умереть!».

Он делает виноватое лицо.

— Да, возможно, это была не самая лучшая моя идея.

— Определенно нет. — Я изумленно смотрю на него. — Эта чертова штука сломалась, когда мы были в воздухе. Я чуть не сломала руку и не раздавила твои мужские причиндалы.

Он вздрагивает, его рука опускается на колени.

— Да, я слишком хорошо помню эту часть. — Он что-то обдумывает, прежде чем

повернуться ко мне лицом. — Что, если я пообещаю, что эта идея не принесет тебе никакого физического вреда. Что единственное, что тебе будет угрожать, это слишком привязаться к своему сексуальному соседу.

— Какое отношение к этому имеет Оливер? — Я сдерживаю усмешку, когда говорю об одном из своих ближайших соседей.

Кай прищуривается, глядя на меня, затем нежно дергает за прядь моих длинных каштановых волос.

— Давай кое-что проясним. Единственный сексуальный сосед, который у тебя есть, — это я. Поняла?

Мне в голову приходит мысль о Кайлере Мейерсе, старшем брате Кая, в которого я была влюблена целую вечность. Я должна была быть с ним на свидании сегодня вечером — нашем первом свидании, если быть точной, — но мне пришлось его отменить, потому что я не могла перестать рыдать. Но я не сказала об этом Кайлеру. Я просто сказала ему, что кое-что произошло. Он был очень мил по этому поводу и пригласил меня на свидание в следующие выходные. Конечно, я ответила «да». Надеюсь, что к тому времени буду чувствовать себя лучше.

Не желая обсуждать это с Каем, так как Кайлер для него щекотливая тема, я драматически вздыхаю.

— Отлично, мой единственный сексуальный сосед, какая у тебя потрясающая идея?

Его глаза загораются.

— Я подумал, если бы ты переехала жить к своей бабушке, я мог бы подвозить тебя до школы и обратно.

Мое сердце тает, как теплый шоколад. Возможно, это самая милая вещь, которую парень когда-либо делал для меня. Ну, за исключением того момента, когда он опроверг весь этот слух о смиренной рубашке, который Ханна пыталась распространить обо мне.

— Ты сделаешь это для меня?

— Конечно. Это то, что друзья делают друг для друга, верно?

То, как он говорит «друзья», как будто это забавное слово, превращает меня в чрезмерно внимательную, читающую между строк слишком многое девушку. Почему это прозвучало так, будто он находит забавным, что мы друзья? Или, может быть, я просто переоцениваю это. Почему меня это волнует?

Гормоны, Иза, гормоны. Возьми себя в руки.

— Хотя я оценила твое предложение, я не уверена, что буду чувствовать себя комфортно при этом, — говорю я ему, хотя и не хочу отказываться от его предложения. — Я к тому, что тебе пришлось бы вставать примерно на час раньше, чем обычно.

— Час — не такая уж большая проблема, — настаивает он, беря пульт и выключая телевизор.

— Ты совсем не жаворонок, Кай. На днях ты сказал мне, что терпеть не можешь просыпаться раньше полудня. Что ты превращаешься в капризного монстра.

— Я не говорил «капризный монстр». Я сказал «придурок». И это только по выходным. По будням я встаю примерно в семь тридцать.

— Только когда ты вовремя идешь в школу. Ты обычно опаздываешь.

— Ну, я думаю, мне придется начать приходить вовремя. — Он небрежно пожимает плечами, делая вид, что это не имеет большого значения, хотя так оно и есть.

По крайней мере, для меня.

— Тебе действительно не нужно этого делать, — говорю я. Не хочу заставлять его проехать весь Саннивейл, чтобы забрать мою жалкую задницу и уложиться в график, когда он явно из тех парней, которые делают то, что хотят и когда хотят. — В любом случае, мне было бы полезно пойти в новую школу. Тогда мне придется завести друзей без потрясающего руководства единорога. — Я складываю ладони вместе и кланяюсь ему.

Он усмехается, качая головой.

— Это действительно не имеет значения. — Он сжимает мое колено. — Так что просто прими мое предложение.

Мое колено вздрагивает от его касания и я поспешно прочищаю горло, не зная, что ответить.

Хотя он продолжает называть нас друзьями, я не уверена, что наши отношения настолько просты. Да, мы с Каем друзья, но мы пьяными поцеловались один раз и чуть не поцеловались в другой раз. Хотя поцелуй был коротким, клянусь Богом, фейерверки и взрывы пронзили меня насквозь. Я чувствовала себя так, словно попала в один из этих дурацких романов. Однако, по словам Кая, он целует всех, когда пьян. Но потом он чуть не поцеловал меня в нашем старом убежище, в выдолбленном стволе дерева. И это было, когда он был совершенно трезв. Он не пытался придумать для этого оправдания. Мы просто притворяемся, что этого никогда не было.

— Итак, что ты скажешь? Пожалуйста, просто позволь мне быть твоим шофером, — просит он, возвращая меня к реальности.

Его пальцы все еще на моем колене, очерчивают нежные круги по моей коже, кончики его пальцев движутся выше по моему бедру к низу юбки. Я даже не уверена, что он осознает, что делает это. Наверное, мне следует пошевелить ногой, прежде чем он заберется выше, но я, кажется, не могу ни двигаться, ни дышать. Делать что угодно на самом деле, кроме как по-идиотски таращиться на его пальцы.

Заметив, куда я смотрю, он опускает взгляд на свою руку. Он смотрит секунду или две, прежде чем быстро отстраняется и кашляет в кулак.

— Извини, я...

Неловкое молчание повисает между нами.

Эм... Можно ли назвать его неловким?

Что немного странно, так как обычно Кай владеет ситуацией.

Моя кожа горит в месте прикосновения и я прочищаю горло.

— Не беспокойся.

— Кроме того, начать новый учебный год в выпускном классе — это полный отстой, — продолжает он, как ни в чем не бывало. — У каждого уже будет своя компания. Было бы лучше, если бы ты закончила здесь, а потом просто начала все сначала в колледже.

— Но ты уверен, что хочешь взять на себя такие обязательства?

— Я никогда ничего не говорю вслух, пока не буду на сто процентов уверен, что готов к этому.

— Хорошо. Я принимаю твое предложение быть моим водителем. — Унция веса спадает с моих плеч. Теперь, если бы я могла также просто избавиться от всего остального, жизнь была бы сплошным печеньем и ванильной глазурью. — Но ты же знаешь, что это значит, верно? Я буду командовать тобой постоянно.

Его глаза сужаются до щелочек, но это игривое движение.

— Я беру свои слова о водителе обратно. Как насчет того, чтобы просто друг помог

другому другу.

О, ради всего святого, почему он все время говорит «друг»? Каждый раз, когда он это делает, я вспоминаю наш поцелуй и почти поцелуй, чего не делают друзья.

— Почему ты краснеешь, Иза? — В его глазах искрится веселье.

— Ничего подобного. — Я опускаю голову, тянусь за стопкой DVD-дисков на полу и прячу румянец. — Мы можем посмотреть еще один фильм, прежде чем я разберусь с этим переездом? Мне нужно подумать о том, что я собираюсь сказать всем.

Его взгляд практически прожигает дыру в моей голове.

— Если ты этого хочешь.

Я киваю, беру DVD-диски и выпрямляюсь.

— Я не хочу возвращаться в свой дом. Мне немного страшно.

— Я не виню тебя. — Он бросает напряженный, я-пытаюсь-прожечь-дыру-в-твоей-голове-так-чтобы-я-мог-прочитать-твои-мысли взгляд, смотрит на меня достаточно долго, чтобы я начала нервничать. Это поток свежего воздуха, когда он, наконец, отводит взгляд, выхватывая DVD-диски из моей руки. — Какой из них будем смотреть?

— Я позволю тебе выбрать, так как ты позволил мне выбрать предыдущий.

Он перебирает DVD-диски и заканчивает тем, что выбирает «28 дней спустя».

— Ты действительно хочешь посмотреть еще один фильм о зомби? — спрашиваю я, когда он встает, чтобы вставить DVD в плеер.

Он вставляет диск внутрь.

— Конечно. Зомби — это круто.

Моя грудь снова сжимается, но по-другому, более приветливо.

— Кай...

— Да? — Он возится с кнопками на DVD-плеере.

Мое сердце бешено колотится.

— Спасибо, что позаботился обо мне сегодня.

— В этом нет ничего особенного. — Он пожимает плечами, но, клянусь Богом, я слышу улыбку в его голосе. Он нажимает кнопку воспроизведения, затем возвращается на диван. — Конечно, это своего рода заноза в заднице, заботиться о твоей зависимости от сахара и зомби. — Он садится рядом со мной и игриво толкает меня плечом. — В какой-то момент обстановка стала довольно напряженной. Я боялся, что ты превратишься в Гремлина и откусишь мне руку, если я не позволю тебе добавить карамельки в попкорн, но, думаю, я хорошо разрядил ситуацию.

— Вместе они вкуснее, — протестую я. — От жары они становятся таятельными, липкими и вкусными.

— Таятельными, да? — Он опускает руку на спинку дивана и кладет ладонь мне за спину. — Это звучит как слово, которому место в Невероятном словаре Изабеллы.

Улыбаясь, я тянусь за миской с попкорном, стоящей на столике рядом со мной. Я кладу ее на колени и запикиваю пригоршню в рот, когда начинается фильм.

Но примерно через пять минут мои мысли начинают витать где-то в другом месте, и это впервые у меня во время просмотра фильма о зомби. Но я позволяю своему временному помешательству сойти на нет, так как у меня много чего на уме.

Я хочу верить, что моя мама не умерла, что то, что сказала мне Линн, было ее больным, извращенным способом поиздеваться надо мной. Но даже если моя настоящая мама не

умерла, я беспокоюсь о том, почему все думают, что она такой ужасный человек. Что она могла сделать, чтобы они так говорили? Что случилось четырнадцать лет назад, когда я оставила жизнь, в которой выросла, и переехала жить к своему отцу, Злой Ведьме из дома Андерсов, и ее Злобной дочери?

Внезапно Кай застывает рядом со мной. Мне кажется, он сходит с ума от кровавой сцены на экране, пока я не замечаю, что он смотрит в угол комнаты. Единственное, что там есть, — это миниатюрный гном, так что, если только у Кая внезапно не развился страх перед маленькими существами с глазами-бусинками, я предполагаю, что он переживает из-за чего-то другого.

— Все в порядке? — спрашиваю я его.

Он моргает, глядя на меня.

— М?

— Ты был в отключке. — Я пытаюсь понять его настроение, но иногда Кай бывает таким загадочным. — Мы можем не смотреть, если тебе скучно. — Я начинаю вставать, но он кладет руку мне на ногу, заставляя оставаться на месте.

— Расслабься. Я сказал, что хочу посмотреть фильм, и я это и имел в виду. — Он отпускает меня из своих объятий только тогда, когда я расслабляюсь. — А теперь смотри фильм.

Я подчиняюсь, но десять минут спустя он снова погружается в свои мысли, выглядя крайне обеспокоенным. У Кая какие-то неприятности с парнем по имени Ти, и мне интересно, думает ли он сейчас об этом. Однако он не хочет сообщать подробности. Поверьте мне, я пыталась.

Не могу не думать о том, как несколько часов назад, обнимая меня перед своим домом, он поморщился, как будто ему больно. Когда я спросила его об этом, он пошутил, что мои крошечные ручки имеют крепкую хватку. Но, может, я причинила ему боль?

— Иза, пожалуйста, перестань на меня пялиться. — Его взгляд скользит по мне, и он прикусывает нижнюю губу. — У меня развивается комплекс.

— Я знаю, что это неправда. Никто никогда не заставит Эгоиста комплексовать, — парирую я, используя прозвище супергероя, которое дала ему сегодня ранее, пытаюсь поднять ему настроение.

— Это неправда. — Он пристально смотрит мне в глаза. — У каждого супергероя есть криптонит.

— Ты хочешь сказать, то, как я смотрю на тебя и есть твой криптонит? — скептически спрашиваю я.

Он пожимает плечами, но ничего не говорит, снова отключаясь.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — не унимаюсь я.

Он кивает, затем встает и направляется к двери, как будто бежит от огня.

— Я пойду приготовлю еще немного попкорна. Сейчас вернусь.

Я смотрю на миску у себя на коленях, наполовину наполненную попкорном. Он явно хотел выйти из комнаты, но зачем? Что он скрывает от меня?

Кай

Я просыпаюсь на диване, чувствуя, как чье-то теплое тело прижато к моему. Сначала я чертовски растерян. Затем я улавливаю слабый запах попкорна, и туман в моей голове постепенно рассеивается. Фильмы про зомби. Попкорн. Карамельки. Иза.

Она крепко спит, положив голову мне на руку, ее рука у меня на груди и наши ноги так переплелись, что я не могу сказать, где начинается ее и где заканчивается моя.

Должно быть, мы заснули во время фильма. Я не знаю, хорошо это или нет. Конечно, это сбывшаяся фантазия, проснуться с ней, практически лежащей на мне. Но я должен держать свои чувства под контролем, пока не соберусь с силами и пока она не избавится от этой глупой идеи, что должна быть с Кайлером. Плюс ко всему, ее локоть давит на ребра, которые вчера хрустнули от удара. Я почти уверен, что одно из них может быть сломано, но ничего не могу с этим поделать. Я уже ломал пару ребер раньше, играя в футбол и знаю, что процесс заживления состоит в том, чтобы расслабиться и поменьше двигаться.

Обдумываю, что мне делать, когда Иза издает тихий стон и прижимается ко мне еще ближе.

Нахер. Мне определенно хорошо.

Я протираю глаза свободной рукой и расслабляюсь, гадая, который час. Солнечный свет проникает сквозь щели в занавесках, так что должно быть не меньше семи часов. Наверное, мне следует разбудить ее и объяснить, что мы заснули. Но мне слишком приятно держать ее в объятиях, и в итоге я просто лежу и смотрю, как она спит, обвив меня.

Она выглядит такой расслабленной, ее лицо покоится на сгибе моей руки, губы приоткрыты, когда она тихо дышит. Я хотел бы позволить ей лежать так весь день, но, в конце концов, она проснется и мне придется сказать, что ее мама жива, но находится в тюрьме в Вирджинии по обвинению в убийстве.

Заправляю выбившуюся прядь волос ей за ухо, затем провожу костяшками пальцев по щеке. Ее кожа такая мягкая и теплая.

— Что, черт возьми, происходит? — Раздражающий голос Кайлера прерывает этот момент

Я разочарованно хмыкаю. Здорово. А вот и драма.

Бросаю на него взгляд «заткнись, черт возьми».

— Говори потише, ты ее разбудишь.

Лицо Кайлера становится багрово-красным.

— Почему она здесь с тобой, когда должна была быть на свидании со мной вчера вечером?

Я колеблюсь. Не уверен, как много Кайлер знает о том, что происходит с Изой. Чем дольше я молчу, тем краснее становится лицо Кайлера. Я подумываю о том, чтобы не произнести ни слова, позволив ему придумать всевозможные идеи о том, что мы с Изой делали прошлой ночью. Не похоже на то, что они официально вместе. Они еще даже не были на свидании. Но я не думаю, что если Иза проснется от ора Кайлера — это отличная идея.

— Может, ты успокоишься? — говорю я, сопротивляясь и закатывая глаза. — Прошлой ночью мы смотрели фильм и заснули. Ничего не произошло.

Он ошеломленно скрещивает руки на груди.

— Она отшила меня, чтобы остаться здесь и посмотреть с тобой фильм?

— Нет, ты определенно тупица. — Я осторожно вынимаю руку из-под Изы и встаю, морщась, когда мои ребра протестующе стонут. — Вчера произошло кое-что, что расстроило ее, поэтому мы потусовались и я отвлек ее марафоном фильмов о зомби. — Когда он продолжает выглядеть раздраженным, я добавляю: — Ничего не было. — Я хочу добавить, что даже, если бы что-то и было, это его не касается.

У него сжимается челюсть.

— Почему она не сказала мне?

Прижимаю локоть к боку, надеясь хоть немного уменьшить боль в ребрах.

— А?

— Когда случилось то, что ее расстроило. Почему она пришла за помощью к тебе, а не ко мне?

— Она не приходила ко мне. Я как раз был там, когда все произошло. — Меня почти убивает, когда я говорю ему, что Иза не выбирала меня вместо него. Я был просто тем, с кем она столкнулась первым делом.

Сколько я себя помню, Кайлер всегда получал все, что хотел и когда хотел: от подружек, должностей в команде, до того, чтобы все в нашей школе поклонялись ему. Он всегда был лучше меня в спорте и встречался с девушками, которые мне нравились. Я положил конец первенству в спорте, уйдя, и это было огромным облегчением. Устав жить в его тени, хотел найти свое собственное хобби, которое не включало бы сравнение с моим старшим братом. Что касается свиданий с девушками, которые мне нравились, конечно, это меня бесило, но я справился и с этим.

Иза, однако... Она другая. Она действительно самая милая, крутая, самая красивая девушка, которую я когда-либо знал. Я просто хотел бы понять это еще в седьмом классе. Но я был глупым ребенком, который хотел вписаться в толпу. Тем не менее, она нравилась мне еще до того, как понравилась Кайлеру, до того, как она начала краситься и одеваться более женственно. Я знаю, что она ему нравится только потому, что он думает, что она горячая штучка. Он даже ничего о ней не знает.

Кайлер постепенно расслабляется.

— Значит, возможно, она бы поговорила со мной, если бы сначала не столкнулась с тобой. — Высокомерная улыбка появляется на его лице.

Мне хочется ударить его, но я не хочу, чтобы Иза проснулась от вспыхнувшей драки. К тому же, более чем вероятно, что мой отец придет и в ответ надерет мне задницу. Он меня сейчас терпеть не может и ищет любую причину, чтобы наказать меня. Думаю, он хочет вышвырнуть меня из дома.

— Тебе восемнадцать лет, — сказал он мне пару месяцев назад, когда я вернулся домой навеселе. — Может быть, тебе пора съехать.

Я хотел возразить, что не готов съезжать, но моя гордость помешала.

— Может быть, и стоит.

Он одарил меня тем же снисходительным взглядом, который всегда бросает, когда собирается доказать, насколько я неудачник.

— Ну, тогда тебе лучше начать подыскивать место. — Он швырнул газету на кухонный стол передо мной. — Удачи в попытках найти его, такому придурку, у которого нет денег.

— Дорогой, следи за своим языком, — вмещалась моя мама, складывая фрукты в

блендер. — Кай, я думаю, твой отец хотел сказать, что если ты не сможешь взять себя в руки, нам, возможно, придется пойти более радикальным путем. Мы любим тебя, но я не собираюсь стоять и смотреть, как ты растрачиваешь свою жизнь впустую.

— Это так чертовски глупо. — Я отшвырнул газету и поднялся на ноги. — Кайлер все время напивался, когда был в моем возрасте, и вы, ребята, никогда ничего ему не говорили.

— Кайлер также был капитаном футбольной и баскетбольной команд и был учеником на доске почета. — Отец посмотрел на меня с отвращением. — Ты даже в школе теперь почти не появляешься. Ты впустую тратишь свою жизнь на вечеринки, возвращаясь домой в хлам каждые выходные. Если ты продолжишь идти по этому пути, то закончишь тем, что превратишься в бездельника, зарабатывающего на жизнь на автозаправке.

— Никто уже не работает на заправках, — пробормотал я и вышел из кухни, прежде чем он смог наброситься на меня еще больше.

— Ммм... — испуганный голос Изы выдергивает меня из воспоминаний.

Я оглядываюсь на нее через плечо.

Она сидит, поправляя волосы и ее взгляд мечется между мной и Кайлером.

— Что случилось? — Ее глаза останавливаются на мне. — Мы что, заснули, смотря фильм?

Я киваю.

— Очевидно, даже ты можешь устать от зомби.

Она закатывает глаза, как будто это самая глупая вещь, которую она когда-либо слышала.

— Я не устала от зомби. Просто устала. — В ту секунду, когда она замечает Кайлера, она из игривой превращается в застенчивую. — Привет.

— Привет... Итак, ты отменила наше свидание прошлой ночью, чтобы поспать с моим братом? — Он подмигивает ей. — Кажется, у меня это впервые.

Щеки Изы порозовели.

— Я не спала с ним. Точнее спала, но не нарочно. Мы просто заснули, пока смотрели фильм.

Кайлер хихикает, затем протискивается мимо меня и садится рядом с ней на диван.

— Расслабься, я просто подшучиваю над тобой. Кай рассказал мне, что случилось.

— О, хорошо. — Она отводит от него взгляд и проводит пальцами под глазами, пытаясь стереть размазанный макияж. — Извини, что мне пришлось отменить наше свидание, но много всего случилось, и я была слишком расстроена.

— Все в порядке. — Он убирает прядь волос с ее лица. — Ты хочешь об этом поговорить?

Я стою там, надеясь, что Иза увернется от его прикосновения, но вижу, что ей это нравится по тому, как трепещут ее ресницы.

Не хочу ждать, пока она ответит. Не думаю, что смогу вынести, если она расскажет ему о своей маме и о том, что происходит с ее семьей, как она рассказала мне.

— Мне нужно идти. — Отступаю к двери, засовывая руки в карманы. — Вы, ребяташки, повеселитесь. И не делайте ничего такого, чего бы я не сделал.

Иза бросает на меня умоляющий взгляд, как будто не хочет, чтобы я уходил. Я почти готов остаться. Но когда Кайлер кладет руку ей на колено, я знаю, что если останусь здесь, то потеряю все свое самообладание.

Выйдя из гостиной, иду на кухню, чтобы взять что-нибудь поесть. Вытаскивая из

морозилки пару штурделей для тостера, проверяю время на часах. Дерьмо. Я уже должен быть у Большого Дуга. Вчера вечером я рассказал ему о том, во что ввязался с Ти. Он сказал мне прийти сегодня, потому что у него есть для меня работа, и я смогу быстро заработать немного денег. Я уже выполнял кое-какие поручения для Большого Дуга раньше, но остановился, когда нас чуть не поймали при взломе камеры видеонаблюдения банка. По сей день я все еще не понимаю, зачем мы это делали. Но если бы нас поймали, я мог бы оказаться в тюрьме. Вот почему я ненавижу то, что мне приходится возвращаться в тот мир. Но на данный момент не вижу другой альтернативы.

Я засовываю штурдेलю в тостер, выпиваю обезболивающее и направляюсь к лестнице.

Когда я заворачиваю за угол в коридор, Иза выходит из гостиной. Мы с ней сильно сталкиваемся.

— О, черт, — ругаюсь я, сгибаясь от боли, пронзающей мой бок.

— О, Боже мой. Мне жаль. Я не видела... — Она замолкает.

Я смотрю на нее, гадая, почему она замолчала.

Ее яростный взгляд прикован ко мне, а руки уперты в бедра.

— Что, черт возьми, это за взгляд? — Я стараюсь говорить непринужденно, но мой голос звучит напряженно. Я заставляю себя выпрямиться и держать руку на боку. — Хорошо, что я теперь сделал?

Ее внимательный взгляд скользит по моему раненому боку.

— Я знала, что ты не в порядке. Почему ты мне не сказал?

— Да, мне больно, потому что мы только что врезались друг в друга, — вру я, отступая в сторону, чтобы протиснуться мимо нее.

Она делает шаг и преграждает мне путь, раскинув руки в стороны.

— Ни за что. Ты никуда не пойдешь, пока не скажешь мне, в чем дело.

Я сдерживаю свое веселье по поводу того, насколько непреднамеренно мило она сейчас себя ведет.

— А что, если я этого не сделаю? Что ты будешь делать?

Она обдумывает это секунду или две, затем ее рука устремляется вперед. Она хватается нижней частью моей рубашки и приподнимает, чтобы заглянуть под нее.

Наверное, мне следовало остановить ее, прежде чем она увидит огромный синяк на моем боку, но, когда ее костяшки пальцев касаются моего живота, я слишком взволнован, чтобы обращать на это внимание.

— О, Боже, Кай, — выдыхает она при виде пурпурно-синих отметин, усеивающих мою грудную клетку, протягивая руку и осторожно касаясь кожи.

Мои мышцы сжимаются от соприкосновения, и она тут же дергается назад, но я ловлю ее руку и прижимаю к своему боку.

Ее взгляд поднимается к моему лицу, неуверенность наполняет ее глаза.

— Кто причинил тебе боль?

— Это не имеет значения. Я ввязался в крошечную, небольшую драку. — Я подмигиваю ей. — Видела бы ты другого парня.

— Это был... — Она с трудом подыскивает слова, ее пальцы дрожат на моей коже. — Этот парень Ти сделал это с тобой?

Я открываю рот, чтобы солгать, но потом понимаю, что не хочу лгать ей больше, чем уже солгал.

— Да, и...

— Эй, я тут подумал, раз ты еще не готова идти домой, то мы могли бы позавтракать, — говорит Кайлер, выходя из гостиной.

Иза отступает от меня на шаг.

— Ты уверен? Я не хочу тебя задерживать, — говорит она Кайлеру.

Я скриплю зубами. Если Кайлер знает, что она не хочет возвращаться домой, значит ли это, что она рассказала ему, что произошло? Ревность горит во мне, и я так сильно ненавижу это чувство. Я потратил слишком много лет, нося его с собой. Отчасти поэтому я решил бросить спорт, изменить свою жизнь и себя.

Пробормотав «всего хорошего», я тащу задницу к лестнице. Я почти ожидаю, что Иза окликнет меня, но она этого не делает. Наверное, это к лучшему. Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы выбраться из этой передрыги с Ти прямо сейчас, прежде чем я даже попытаюсь начать какие-либо романтические отношения с Изой. По крайней мере, я пытаюсь убедить себя в этом, но в глубине души все, чего я хочу, — это вернуться, схватить Изу и поцеловать ее. И на этот раз по-настоящему, когда мы оба трезвы и можем наслаждаться этим.

Когда я вхожу в свою комнату, мой телефон жужжит из внутреннего кармана черных джинсов. Я достаю его, роясь в комод в поисках чистой рубашки.

Ти: Если ты не достанешь мне мою штуку через три недели, вчерашний день покажется тебе гребаной прогулкой.

Я с трудом сглатываю. Тысяча! Ублюдок! Я и не подозревал, что Брэдон так много ему должен. Где, черт возьми, я должен найти тысячу баксов за три недели? Я ни за что не смогу столько заработать за три недели, работая на Большого Дуга. Понятия не имею, что делать, но мне лучше придумать план. И быстро.

Изабелла

Кай убегает от нас с Кайлером, как будто мы переносим какую-то вирусную болезнь и собираемся заразить его. Я открываю рот, чтобы крикнуть ему вслед, потому что не собираюсь отпускать его, пока он не объяснит, в какую беду он попал, но Кайлер хватается меня за руку и направляет в сторону кухни, прежде чем у меня появляется шанс.

В другое время я обязательно обратила бы внимание на тот факт, что Кайлер Мейерс держит меня за руку, но мои мысли заняты Каем и его синяками. Они выглядели очень плохо, и ему, кажется, было очень больно. Интересно, не сломаны ли у него ребра?

— Просто отпусти ситуацию, — говорит Кайлер. — Когда он становится таким, тебе лучше оставить его в покое.

— Становится каким? — Интересно, знает ли Кайлер, что происходит с Каем?

Кайлер пожимает плечами, ведет меня в прихожую, а затем отпускает мою руку.

— Нервным и замкнутым. Он был таким с тех пор, как мы были детьми. Он попадает в беду, а потом дуется из-за этого и делает всех несчастными.

Я начинаю надевать туфли.

— Ты знаешь, почему он расстроен?

Он садится на деревянную скамейку, чтобы надеть кроссовки.

— Кто знает? В последнее время он ведет себя как настоящий засранец. Мои родители думают, что он под кайфом. Я слышал, как они говорили о том, чтобы отправить его в реабилитационный центр или что-то в этом роде.

Я переношу свой вес, чувствуя себя неловко, разговаривая с Кайлером о Кае, как будто я предаю Кая.

— Кай не принимает наркотики, Кайлер.

Он поднимает глаза от завязывания шнурков, убирая пряди светло-каштановых волос со лба.

— Откуда ты это знаешь?

— Он сказал мне, что больше этим не занимается. — Но Кайлеру не нужно знать об этом больше.

— И ты просто поверила ему?

— Он мой друг. Он не стал бы мне врать.

Кайлер с сомнением смотрит на меня, похоже, недовольный моим ответом. Но он отбрасывает раздражение в сторону и поднимается на ноги.

— Может быть, ты и права. Может быть, он и не принимает наркотики, но с ним определенно что-то творится.

Я держу губы сжатыми. Мне кажется неправильным говорить с Кайлером о Кае. Если я узнаю, что происходит с Каем, и это действительно будет что-то плохое, тогда это совсем другая история. Я сделаю все, что должна, чтобы помочь ему, даже если для этого придется обратиться за помощью к его семье.

— Где ты хочешь позавтракать? — спрашивает он, хватая куртку с вешалки.

— Где угодно. — Бросаю взгляд на свою мятую одежду. У меня изо рта пахнет гнилой брокколи, и я уверена, что мой макияж размазан по всему лицу. — Могу я сначала пойти домой и переодеться?

— Конечно. — Он открывает дверь и жестом предлагает мне выйти первой. — Но я думал, ты не хочешь возвращаться домой?

Совершенно верно. Я не хочу идти домой и, честно говоря, сомневаюсь, что мне это позволят. И все же мне нужно забрать свои вещи. Если бы только был способ попасть в мою комнату, не заходя в дом...

Я осмеливаюсь взглянуть на подъездную дорожку своего дома. Машина Ханны припаркована позади машин Линн и моего отца. Они все дома, наверное, сидят за кухонным столом и завтракают.

Кайлер присоединяется ко мне, закрывая за собой дверь.

— Иза, могу я... Ты не против, если я спрошу, почему ты не хочешь идти домой?

Я ничего ему не говорила и действительно не хочу этого делать. Хотя я и сильно, на грани преследования, влюблена в Кайлера, я не знаю его достаточно хорошо, чтобы безоговорочно доверять ему. Мне этого хочется. Безумно. Но установление доверия требует чего-то большего, чем просто знакомство с великолепным, популярным парнем, который живет по соседству, несколько раз разговаривал со мной и однажды подарил розу.

— Я поссорилась с родителями. — Решаю приоткрыть немного правды. Я смотрю на перила террасы, примыкающей к моей спальне. Если бы только у меня были крылья Пегаса или феи, чтобы я могла взлететь прямо туда, или, возможно, руки Человека-паука, чтобы взобраться на стену... Подождите минутку... — У вас случайно нет лестницы?

Он прослеживает мой взгляд, и выражение его лица резко меняется.

— Ты серьезно хочешь забраться туда только для того, чтобы избежать встречи со своими родителями?

Я качаю головой вверх-вниз.

— Так будет лучше. Поверь мне. — Да, это может быть немного радикально, но это намного лучше, чем иметь дело с драмой, поджидающей меня в этом доме.

— Если это то, чего ты хочешь, то ты это получишь. — Он потирает руки, пятясь вниз по ступеням и направляясь к гаражу. — Лестница у тебя будет.

Я благодарно улыбаюсь ему, затем сажусь на перила и жду, когда он вернется. Легкий осенний ветерок колышет воздух, и облака затемяют небо. Сейчас начало октября и некоторые соседи уже достали украшения, включая двор Мейерсов. Надувные тыквы и пластиковые надгробия покрывают передний двор, а на баскетбольном кольце сидит гигантский паук. Я помню то время, когда я сидела на своем балконе, наблюдая, как Кайлер играет в баскетбол и жалела, что я не с ним. И вот теперь я здесь. Забавно, как меняется жизнь. Эта мысль дает мне крошечную каплю покоя в море депрессии, бурлящем внутри меня.

Будь оптимисткой, напоминаю я себе. Линн, возможно, и говорила все эти ужасные вещи о маме, но, как сказал Кай, она не самый надежный источник. Поэтому, пока передо мной не будет реальных фактов, я не могу поверить, что моя мама умерла или что она была плохим человеком. Я только начинаю расслабляться, когда боковая дверь моего дома распахивается и выходит Ханна. Она слишком занята перепиской, чтобы заметить, что я сижу на крыльце Мейерсов. Но когда она бросает телефон в сумочку и тянется, чтобы открыть дверь машины, ее взгляд скользит по двери соседней и останавливается прямо на мне. На ее лице мелькает целая серия эмоций — замешательство, шок, гнев, — а затем ее губы кривятся.

Она подходит к забору, ухмыляясь.

— Ты же знаешь, что преследование незаконно, верно?

На автомате обхватываю себя руками, начиная съеживаться. Но затем я заставляю себя поднять подбородок. Нет, так больше не может продолжаться.

— Это лучшее, что ты можешь придумать?

В ее глазах мелькает шок.

— Ты сегодня смотрелась в зеркало? Ты выглядишь дерьмово. С другой стороны, ты всегда выглядишь дерьмово.

Гнев кипит во мне, как лава. Обычно я прикусываю язык и пытаюсь быть выше, но после всего, что произошло вчера, моя сила воли ослабевает. Я в ярости. На нее. На Линн. На моего отца за то, что он лгал мне, за то, что никогда не заступался за меня, за то, что позволял мне жить с людьми, которые каждый день в течение многих лет принижали мою самооценку.

— В чем твоя проблема? — Я спрыгиваю с перил и, сойдя с крыльца, направляюсь к забору. — Я никогда ничего тебе не делала, но ты всегда ненавидела меня.

Она издает презрительный смешок.

— Твоя мать чуть не разрушила брак моих родителей. Я имею полное право ненавидеть тебя.

Мои мышцы сводит в узлы. Как давно она знает о моей маме? Как много она знает?

— Они не только твои родители. Твой отец все еще мой отец, Ханна.

— Если бы у него был выбор, он бы не был твоим. — Она откидывает свои светлые волосы с плеча. — Все, что ты делаешь, это напоминаешь ему о самой большой ошибке в его жизни. Неудивительно, что он даже не может смотреть на тебя. — Ее брови поднимаются, когда она оценивает меня, лицо искажается от отвращения. — Впрочем, как и большинство людей. Ты ничего не стоишь. Я это знаю. Моя мама это знает. Мой отец это знает.

Вся ярость, которую я сдерживала почти восемнадцать лет, взрывается. Прежде чем осознать, что делаю, я поднимаю ногу, чтобы перелезть через забор.

Глаза Ханны распахиваются от удивления, и она отступает назад, в результате чего ее каблук застревает в траве. Я даже на сто процентов не уверена, что собираюсь с ней сделать: дать ей пощечину, повалить на землю, испортить ей волосы, заставить ее смотреть, как я обрываю ее наманикюренные ногти. Но прежде, чем я успеваю перелезть через забор, чьи-то руки обнимают меня за талию и мягко тянут назад.

— Как бы я ни думал, что она заслуживает того, что ты собираешься сделать, — шепчет Кай мне на ухо. — Она не стоит тех неприятностей, которые ты получишь за то, что надерешь ей задницу.

Ханна усмехается.

— Как будто она может надрать мне задницу.

Держа одну руку обвитой вокруг моей талии, Кай подходит ближе и ухмыляется Ханне.

— Тогда почему у тебя такой вид, будто ты вот-вот обделаешься?

Ханна сердито смотрит на Кая.

— Ты такой засранец, Кай. Почему ты вообще здесь? Никто не просил тебя приходить сюда и быть еще большим придурком.

— А почему ты здесь? — Он язвит. — Никто не просил тебя приходить и ругаться на Изу таким противным голосом. — Когда ее глаза мечут кинжалы в Кая, он удовлетворенно улыбается. — Итак, вот мысль: почему бы тебе не уйти, прежде чем я расскажу Изе о том, что ты делала два года назад и дам ей все карты в руки, чтобы превратить твою жизнь в

сущий ад.

Понятия не имею, о чем он, но я так благодарна ему за то, что он заступает за меня, что мне хочется повернуться и обнять его.

Выражение лица Ханны мрачнеет, ее голос понижается на октаву.

— Ты мне угрожаешь?

— Не столько угрожаю, сколько предупреждаю тебя, что я расскажу всем твой маленький грязный секрет. — Он сверкает на нее своими жемчужно-белыми глазами. — Но если ты хочешь посмотреть на это так, то давай прямо сейчас.

Пар практически вырывается из ушей Ханны.

— Мне никто не смеет угрожать. Ты дорого за это заплатишь. — Она поворачивается, чтобы уйти, но затем замечает Кайлера, выходящего из гаража с лестницей. Она превращается из Ледяной королевы в сладкую сахарную вату, нацепляя приторно-сладкую улыбку. — Привет, Кайлер. Я не знала, что ты был дома в эти выходные. Ты говорил, что собираешься в поездку со своими друзьями.

Рука Кая падает с моей талии, и он отодвигается на некоторое расстояние между нами.

Кайлер ставит лестницу рядом с забором и отряхивает руки, его взгляд скользит по нам троим.

— Я... эм... Были такие планы, но мои друзья... сбежали в последнюю секунду.

Думаю, что он, возможно, лжет ей, и, хотя это может немного сбить меня с толку, я нахожу странное чувство счастья в этом факте.

— О! — На короткую секунду в ее глазах вспыхивает ярость, но быстро исчезает и преувеличенная улыбка возвращается. — Хорошо, тогда, я думаю, ты все-таки можешь пригласить меня сегодня на свидание.

Кайлер напряженно массирует затылок.

— На самом деле, я уже строил планы кое с кем другим.

Ее улыбка исчезает.

— С кем? — огрызается она. — Лучше бы это была не та шлюха, Карисса.

— Это не она... — Кайлер беспокойно переминается с ноги на ногу.

Я не уверена, стоит ли принимать его нерешительность на свой счет. Ему стыдно, что он встречается со мной? Или он избавляет меня от ада, который последует, когда Ханна узнает?

Кайлер бросает на меня косой взгляд и в его глазах читается безмолвный вопрос: что я должен ей сказать? Я не знаю. Хотя я не хочу делать из нашего свидания... встречи... просто завтрака... что бы мы ни делали сегодня, секрет. Я также не хочу давать Ханне больше причин мучить меня.

Однако мне так и не удается решить, что ответить, потому что Ханна замечает, что Кайлер смотрит в мою сторону и ящик Пандоры распаивается.

— Ты, блин, издеваешься надо мной! — кричит она так громко, что сосед через улицу отрывается от полива своей лужайки. — С ней! С... этой неудачницей!

— В чем, черт возьми, твоя проблема? — Кайлер говорит, в то же время как Кай предупреждает: — Думаю, просто угрожать тебе было недостаточно. — Я думаю о том, чтобы снова перепрыгнуть через этот забор, наброситься на нее как ниндзя и надрать ей задницу. Кай, должно быть, тоже это чувствует, потому что его пальцы обхватывают мою руку и он прижимается ко мне.

Ханна качает головой, кипит от злости.

— Не притворяйтесь, что вы двое не думали об одном и том же. До тех пор, пока она не вернулась этим летом, вы оба все время смеялись над ней.

Становится так тихо, что я слышу, как на улице включаются разбрызгиватели мистера Нормберта. Я чувствую себя такой маленькой, как эти крошечные сказочные статуэтки, которые собирала моя бабушка Стефи, когда дедушка был еще жив. Она выставляла их перед своим домом, возле клумбы с тюльпанами. Я думала, что они такие милые, и обычно сидела там, и притворялась, что они мои волшебные друзья, которые исполняют желания. Однажды Ханна поймала меня, назвала ненормальной и топтала их до тех пор, пока они не превратились в битое месиво.

— Что касается меня, это не так. — Кай медленно продвигается к забору, приближаясь к Ханне. — Ты знала, что я думаю об Изе, по крайней мере с тех пор, как минуло два лета.

Ханна бросает на Кая презрительный взгляд, затем, бросив последний взгляд в мою сторону, она поворачивается к нам спиной, бормоча что-то себе под нос, и мчит к своей машине. Она распахивает дверь, заводит двигатель, а затем выезжает с подъездной дорожки, оставляя следы шин на бетоне.

Я начинаю облегченно дышать, когда дверь в мой дом открывается.

Отец выходит и смотрит прямо на меня.

— Изабелла Андерс, заходи в дом немедленно. Нам с тобой нужно поговорить. И это не просьба. Или ты заходишь сейчас же или я вызываю полицию.

Изабелла

Мне хочется сказать ему, чтобы он оставил меня в покое, что нам не о чем говорить, но угроза позвонить в полицию пугает меня до чертиков.

— Ладно. Уже иду, — кричу отцу, а затем поворачиваюсь к Кайлеру, чувствуя себя неловко. В отличие от Кая, Кайлер не отрицал, что называл меня неудачницей за моей спиной в компании Ханны и ее друзей. Я не знаю, что с этим делать. — Думаю, придется позавтракать в другой раз.

— Я могу подождать тебя, — предлагает Кайлер. — Мне все равно сегодня нечего делать.

— Ты уверен? — удивленно уточняю. — Это может занять некоторое время.

Он кивает, засовывая руки в карманы своих темных джинсов.

— В любом случае, мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

— Хорошо... — Интересно, о чем именно? — Я вернусь после разговора с отцом. — Машу ему рукой, направляясь к нашей подъездной дорожке.

Кай идет в ногу со мной, шагая рядом. — Может быть, тебе не стоит туда идти.

— Думаю, я должна это сделать. — Останавливаюсь перед забором. — Хотя бы для того, чтобы забрать вещи, прежде чем они решатся их выбросить.

Ветер поднимает пряди его волос, и он проводит рукой по голове, чтобы пригладить их, глядя на противоположную сторону улицы.

— Мне это не нравится.

— Кай, со мной все будет в порядке. Уверена, что он просто хочет сказать мне, что я должна съехать. Напряжение читается в его глазах, когда он переводит взгляд на меня. — Я беспокоюсь о тебе... что... что они попытаются тебя сломать. Зачем ему нужно было угрожать полицией?

— Я считаю, что это было просто для того, чтобы заставить меня прийти без лишних уговоров, — говорю я ему, хотя сама не совсем верю в эти слова. — Не то, чтобы я сделала что-то не так. Со мной все будет в порядке. — Я напрягаю мышцы. — У меня кожа из стали, детка, — пытаюсь пошутить я, но терплю неудачу, мой голос срывается, как сдутый воздушный шар. — Я позвоню тебе после разговора, хорошо? Тем более нам все равно нужно кое-что обсудить. — *Например, почему этот парень Ты избил тебя.*

— Хорошо, — ворчит он, затем несколько раз качает головой, бормоча что-то о плохом предчувствии.

Я начинаю уходить, но затем останавливаюсь, когда появляется непреодолимая потребность.

— Кай, спасибо за все, что ты сделал там с Ханной. За то, что заступился за меня. Никто никогда такого не делал... Это очень много значит для меня.

— Я просто делал то, что друзья должны делать друг для друга. — На этот раз при слове «друзья» его голос звучит совершенно серьезно, как и напряженность в его глазах.

Я ухожу с сотней бешено порхающих бабочек в животе и торнадо замешательства, проносимся в моем сознании. Такое чувство, что я падаю в неизвестность, вниз, вниз, в кроличью нору, в безумие, где больше ничего не имеет смысла. Я понятия не имею, кто я,

кем я хочу быть и чего хочу.

Это чувство только усиливается, когда я вхожу в свой дом, а моего отца нет на кухне. Вместо него за столом сидит Линн со стопкой бумаг перед ней и высокомерной улыбкой на лице.

— Иза, присаживайся, — говорит она, указывая на стул рядом.

Я остаюсь у двери.

— Где папа? Он сказал, что ему нужно поговорить со мной, а не с тобой.

— Твой отец наверху и он не будет участвовать в этом разговоре, потому что не хочет иметь с тобой дела. Однако я настолько любезна, что готова добровольно взять на себя инициативу. — От ее спокойного голоса у меня по спине пробегает холодок. — Так что... Садись.

Я на мгновение замираю, прежде чем сесть на самый дальний от нее стул. Прячу руки под стол, чтобы она не видела, как я ерзаю в ожидании ее слов.

Она затягивает молчание как можно дольше, как будто знает, что это сводит меня с ума.

— Вчера, после того как ты подняла на меня свои руки, мы с твоим отцом сели, чтобы обсудить, насколько ты стала жестокой.

— Насколько я стала жестокой? — Изумленно качаю головой. — Я всего раз толкнула тебя, Линн, и это мягко по сравнению с тем, что вы с Ханной делали со мной на протяжении многих лет.

Ее колючий взгляд впивается в меня.

— Никто в этом доме никогда не поднимал на тебя руку.

— Я говорю о словесных оскорблениях, Линн. Слова иногда могут быть так же вредны, как и действия, — механически повторяю то, что Кай сказал мне прошлой ночью.

Ее пальцы сжимаются в кулаки. На какое-то ужасное мгновение мне кажется, что она собирается ударить меня. Но она прижимает костяшки пальцев к краю стопки бумаг и пихает бумаги через стол ко мне.

— После того, как мы с твоим отцом обсудили твоё поведение, — продолжает она свою речь, — мы решили, что для всех будет лучше, если ты пойдешь в школу-интернат, которая специализируется на трудных подростках.

Мое сердце колотится в груди, когда я читаю верхнюю строчку на одной из бумаг.

— Ты отправляешь меня в Монтану! — Я отодвигаюсь от стола. — Ни за что. Я не поеду.

Она сидит со своей идеальной осанкой и тошнотворно довольным выражением лица.

— Ты все еще несовершеннолетняя и так как я твой опекун, у тебя нет другого выбора, кроме как делать то, что я говорю.

— Ты не единственный мой опекун, — говорю я и выбегаю из кухни. — Папа! — Мои ноги топают по ступенькам, когда я бегу наверх. — Папа, ты не можешь позволить ей отослать меня. — Я спешу к двери его спальни и стучу в нее кулаком. — Папа, пожалуйста. Не позволяй ей этого делать.

— Я не позволяю ей, — отвечает он через закрытую дверь. — Я согласен с Линн. Тебе нужно уехать, Иза. Так будет лучше.

— Лучше для кого? — хватаюсь за дверную ручку и дергаю дверь, но она заперта.

Еще несколько раз стучу в дверь, прежде чем сдаться и сбежать в свою комнату. Я пытаюсь позвонить бабушке Стефи, но она не отвечает. Оставляю ей сообщение, а затем отправляю сообщение Индиго, хотя вероятность того, что она прочитает его, пока она на

работе, составляет всего один процент. Когда она не отвечает, я хватаю несколько вещевых мешков из шкафа и начинаю бросать внутрь все, что попадает: одежду, обувь, свой альбом для рисования, художественные принадлежности, ноутбук. Набив полные сумки, я достаю свою записку наличных из верхнего ящика комода и засовываю ее в задний карман. Затем я закидываю сумки за плечи и выбегаю из своей комнаты.

Когда я добираюсь до подножия лестницы, Линн ждет меня, преграждая путь к черному ходу.

— Ты никуда не пойдешь. — Она скрещивает руки на груди, ее чересчур выщипанные брови выгибаются дугой. — Ты останешься здесь до завтрашнего утра, а потом мы с твоим отцом отвезем тебя в Монтану. И если ты проявишь хоть какие-то признаки насилия, мы без колебаний вызовем полицию.

У меня тревожное чувство, словно она надеется, что я снова попытаюсь ее толкнуть, дам ей повод позвонить в полицию.

— Я здесь не останусь, — говорю я самым спокойным голосом, на который только способна. — И я не собираюсь в школу в Монтане. Через пару месяцев мне исполнится восемнадцать. До тех пор я могу жить с бабушкой Стефи.

— Пока тебе не исполнится восемнадцать, мы с твоим отцом будем говорить тебе, что делать, а не наоборот. Ты не будешь жить со своей бабушкой. Ты будешь жить в Монтане, далеко-далеко, где никому не сможешь причинить вреда. — Ее губы изгибаются в улыбке. — И где ты не сможешь превратиться в свою грязную шлюху-мать.

Я чуть не падаю прямо там, но в последнюю секунду мне удается разглядеть истину сквозь ослепляющий гнев. Она хочет, чтобы я разозлилась. Она хочет, чтобы я причинила ей боль. Хочет, чтобы я была именно той, о ком она мне говорит.

— Так вот почему ты так дерьмово обращалась со мной, — огрызаюсь я, шокируя ее и себя. — Потому что отец изменил тебе с моей мамой.

Ее губы изгибаются в злобной усмешке, когда ее рука устремляется вперед. Она хватается за руку, и ее пальцы впиваются в мою плоть.

— Ты неблагодарное маленькое отродье. Если бы ты только знала, чем занималась твоя мать... Как сильно она на самом деле разрушила нашу семью. Какая она на самом деле больная и извращенная... Я могла бы тебе рассказать. Смотреть, как ты ломаешься. Но я пока не буду этого делать. Гораздо веселее наблюдать, как ты страдаешь. Видеть, как твой собственный отец разрушает твою жизнь. И он делает это так легко, потому что втайне презирает тебя и все, что ты из себя представляешь.

Мои легкие сжимаются, высасывая кислород. Я едва могу дышать. Пятна перед глазами. Если я не наберу воздуха в легкие, то потеряю сознание.

Не падай в обморок. Не падай в обморок. Если ты потеряешь сознание, Бог знает, где ты очнешься. Просто убирайся отсюда. Сейчас.

Сделав глубокий вдох, я отдергиваю руку. Затем хватаюсь за перила и перелезаю через них, как долбаный крутой паркурщик. Я на нижней ступеньке, так что падение мне не грозит, но мое движение ниндзя сбивает ее с толку. Она в шоке смотрит на меня, когда я бегу к входной двери. Проходит секунда или две, прежде чем я слышу звук ее шагов, преследующих меня. Я не медлю, вырываясь через парадную дверь. Затем бегу по тротуару прямо к дому Мейерсов, скрестив пальцы, что Кай будет там, чтобы подвезти меня до дома бабушки Стефи, где, я знаю, я буду в безопасности.

Бросив свои сумки на заднюю веранду дома Мейерсов, я стучу в дверь, бросая быстрый

взгляд на свой дом. Слава богу, Линн еще не вышла. Надеюсь, она сдастся и просто позволит мне уйти. Хотя я сильно в этом сомневаюсь. Что бы ни произошло между моей настоящей мамой, моим отцом и ней, это заставило ее начать миссию по моему уничтожению. Хотела бы я знать, проистекает ненависть Линн исключительно из-за этого или есть тут что-то большее.

Каждая кость в моем теле мучительно болит, когда я прокручиваю ее слова снова и снова. Я всегда знала, что не была любимицей своего отца, но услышать, как она говорит это вслух, было мучительно... Так ядовито... Жжение растекается по моим венам. Я смотрю на запястье, где она схватила меня. Красные отметины усеивают кожу. Как она может говорить, что моя жестокость — это проблема после того, как сама такое сделала? Однако, зная Линн, она, вероятно, соврет и скажет моему отцу, что это была самооборона. Когда я думаю об этом, то понимаю, что на протяжении всей моей жизни она часто так делала. Выдумывала извращенные истории, чтобы выставить меня плохой. И мой папа так легко в них верил.

К тому времени, как открывается дверь Мейерсов, я проваливаюсь в яму жалости к себе и отвращения. Но я выкарабкиваюсь из нее, когда вижу в дверном проеме Кайлера, который смотрит на меня, запыхавшуюся, с дикими глазами, и беспокойство отражается на его лице.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я еле сдерживаю слезы.

— Эм... Кай здесь? — Мне неловко, что он выглядит обиженным, но сейчас я хочу поговорить с Каем, ведь он знает, что происходит.

— Только что ушел. — Он смотрит на меня с беспокойством. — Что ты хотела? Что бы это ни было, я могу тебе помочь. Просто доверься мне, хорошо?

Я прячу руки в карманы куртки.

— Ты можешь отвезти меня к бабушке? Мне нужно с ней поговорить. — Это все, что я могу ему сейчас сказать.

Он не колеблется ни секунды.

— Конечно. Дай мне пару минут.

Он бросается обратно в дом, оставляя дверь открытой. Возвращается через две минуты, одетый в синюю толстовку с капюшоном и держа в руках связку ключей. Ничего не говоря, он берет мои сумки и трусцой спускается по задней лестнице в гараж. Я следую за ним, то и дело оглядываясь на свой дом. Вокруг тихо. Слишком тихо. Я беспокоюсь, что Линн может что-то замышлять, например, объявит меня беглянкой. Я подумываю о том, чтобы вернуться домой, но от одной мысли об этом у меня сводит живот.

После того, как мы с Кайлером садимся в его машину, он выезжает на дорогу.

— Ты помнишь, где она живет? — спрашиваю я, пристегиваясь ремнем безопасности.

Он кивает, увеличивая температуру в салоне.

— В сообществе Саннивейл-Бей, верно?

Кивнув, я откидываюсь на спинку сиденья.

— Да. И спасибо, что помогаешь.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но мой телефон звонит, прерывая его. Я нащупываю его в кармане. Пожалуйста, пусть это будет бабушка Стефи. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Слава Богу, — говорю я вслух, когда вижу, как ее имя высвечивается на экране. Я нажимаю кнопку ответа и подношу телефон к уху.

— Что, черт возьми, они с тобой сделали? — спрашивает она, прежде чем я успеваю

даже поздороваться.

Я думаю рассказать ей, что объясню все, когда приеду к ней домой и рядом не будет Кайлера, но она объявляет, что уехала из города в поездку с Гарри.

— Но не волнуйся, дорогая. После того, как я получила твое сообщение, я запрыгнула в машину и отправилась прямо в аэропорт. Гарри сейчас разговаривает по телефону в поисках рейса домой. — Гнев наполняет ее тон. — Черт бы побрал этих двоих. Я не могу поверить, что они делают это с тобой.

— Я тоже. — Но как только я это произношу, понимаю, что это ложь. Я совсем не удивлена, что это происходит. На самом деле, оглядываясь на свои отношения с отцом и Линн, я удивляюсь, что они не попытались отослать меня раньше.

Слезы наворачиваются на мои глаза, когда каждое болезненное воспоминание и обидное слово возвращаются ко мне. Внезапно все выливается из меня в беспорядке. Я рассказываю бабушке Стефи о том, как Линн сказала, что моя мама умерла и что она была плохим человеком. Как я оттолкнула Линн и выбежала из дома. Как они обещали вызвать полицию, если я не поеду в Монтану. К тому времени, как я заканчиваю лепетать, я запыхалась и прекрасно понимаю, что Кайлер наблюдает за мной краем глаза.

— Будь проклят мой сын и эта глупая стерва, которую он называет своей женой, — говорит она, когда я заканчиваю. — Я не позволю им сделать это с тобой. Они никуда тебя не отправят. Ты останешься со мной.

— Но что, если они вызовут полицию? — Я поворачиваюсь к окну, не желая видеть выражение лица Кайлера прямо сейчас. Если раньше он не считал меня ненормальной, то теперь, наверное, считает. — Что, если они скажут, что я сбежала?

— Я сильно в этом сомневаюсь. — Ее голос звучит довольно уверенно. — Линн важна ее репутация. Вероятно, это одна из причин, по которой она приняла тебя как свою собственную дочь, чтобы скрыть интрижку твоего отца. Я собираюсь позвонить твоему отцу и убедиться, что его тупая задница не позволит ей это сделать.

— Что мне делать до тех пор? — спрашиваю я, вытирая глаза рукавом куртки.

— Где ты сейчас находишься?

— Эм... — я украдкой бросаю взгляд в сторону Кайлера. Он возится со стереосистемой, притворяясь, что не замечает этого сумасшедшего разговора, происходящего прямо рядом с ним. — Эм, на самом деле я сейчас с Кайлером. Кайлером Мейерсом. Помнишь, ты пекла для него печенье.

— О, тот парень, в которого ты была влюблена целую вечность, — говорит она слишком громко.

Мой взгляд снова скользит по Кайлеру, задаваясь вопросом, слышал ли он то, что она только что сказала. Его руки на руле, он смотрит прямо перед собой на дорогу, но, клянусь, уголки его губ подергиваются.

— Нет... Точнее, да, это он. Но это не так... — Я прикусываю язык, чтобы не сказать ничего лишнего. Во всяком случае, что-нибудь еще.

— Хорошо, я избавлю тебя от неловких разговоров. Но когда я вернусь домой, мне нужны подробности, — поддразнивает она меня. — Он может отвезти тебя ко мне домой?

— Мы уже направляемся туда, — говорю я, прислоняясь головой к окну.

— Хорошо. Под ковриком у входа есть запасной ключ. Индиго вернется около десяти, но отправь ей сообщение, чтобы она знала, что ты там и сразу ехала домой.

— А как насчет Линн и моего отца? — Я спрашиваю. — Что, если они появятся там?

— Позволь мне разобраться с ними. — То, как она это говорит, заставляет меня содрогнуться. Я до смерти люблю бабушку Стефи, но мне жаль человека, который станет ее врагом.

Однажды она ругалась с одним из своих соседей о высоте кустов у нее во дворе. Он угрожал вызвать полицию, говоря, что они отвратительны на вид и должны быть ниже, чтобы их не было видно.

Когда он, наконец, подал официальную жалобу, она срубила свои кусты, а затем, посреди ночи, пробралась в его двор и вырвала все розы парня, которые были его гордостью. Чувак был одержим своими розами до такой степени, что проводил все выходные, ухаживая за ними.

После того, как она уничтожила их, она сложила свои кусты и розы в бочку, поставила ее посреди его двора и подожгла. Он выбежал из своего дома, взбешенный, и все, что сказала моя бабушка, было:

— Вот так. Теперь обе наши проблемы решены. Тебе больше не нужно смотреть на мои кусты и мне не придется смотреть, как ты возишься со своими розами.

Мужчина пришел в ярость и вызвал полицию. Полиция составила рапорт, но я думаю, что они сочли это забавным, потому что они продолжали шутить о фетишах розового куста, когда делали записи.

— Ты позвонишь мне после того, как поговоришь с ними, правда? — спрашиваю я ее.

— Конечно, — обещает она. — Дай мне немного времени и я тебе сразу перезвоню.

После того, как мы прощаемся, я заканчиваю разговор и убираю телефон. Затем я замолкаю, не зная, что сказать Кайлеру. Я вроде как просто хочу оставаться так до конца поездки, чтобы ничего ему не рассказывать, но Кайлер решает нарушить молчание.

— Я всегда знал, что Линн была той еще стервой, но не думал, что все настолько плохо. — Его хватка на руле крепче, когда он бросает на меня взгляд. — Иза, мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

Пожимаю плечами, изображая полное безразличие, хотя внутри я — кучка бодрых, накачанных сахаром обезьян.

— Это не твоя вина.

— Я знаю, но... — с его губ срывается оглушительный вздох. — О том, что Ханна сказала ранее, я хочу быть с тобой честным, хорошо?

Тпру. Мы-таки пришли к этому. Именно сейчас.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что я никогда не называл тебя неудачницей. — Он делает паузу, и я начинаю благодарить его, но затем он добавляет: — Но...

Достойное презрения «но» — слово, которое люди используют, прежде чем сказать что-то, что вы, возможно, не захотите слышать.

— Я никогда по-настоящему не пытался остановить тех, кто говорил что-то плохое о тебе. — Его голос мягкий, скрывающий неловкость ситуации.

Не знаю, что сказать. Отчасти мое увлечение Кайлером было вызвано тем фактом, что я думала, он заступает за меня, как тогда, когда Ханна дразнила меня и он вмешался. Или когда его друзья загнали меня в угол и он заставил их оставить меня в покое, сказав, что они опаздывают на тренировку. Втайне я всегда представляла его рыцарем в сияющих доспехах, который заставлял всех перестать смеяться надо мной, даже когда меня не было рядом, чтобы это услышать.

— Иза. — Его осторожный тон заставляет меня застыть. — В прошлом я делал

некоторые вещи, которыми не горжусь, но я хочу, чтобы ты знала, что я больше не такой.

С каких это пор? С тех пор, как я вернулась из Европы с новым имиджем? С тех пор, как я стала, как выразилась Индиго, «горячей штучкой»? Я хочу спросить его, но боюсь, что мне придется наблюдать, как он ерзает на сиденье и подбирает ответ. Что его реакция сокрушит последние пять лет, которые я провела, мечтая однажды быть с ним. Именно эти мечты-фантазии о другой жизни помогли мне пережить одни из самых тяжелых дней в старшей школе. Я всегда убеждала себя, что однажды я изменюсь, все это увидят — Кайлер это увидит — и моя жизнь наладится.

Но сейчас я сижу здесь с ним, полностью изменившись и все же моя жизнь разваливается на части.

— Я иногда наблюдал за тобой, когда ты рисовала на балконе, — признается он. — Ты неизменно интересовалась этим. Я завидовал тому, как ты можешь вот так отключаться от всего. Мне всегда было очень трудно не обращать внимания на то, что люди делали, думали, говорили.

— Я не всегда была сосредоточена на своих рисунках, — признаюсь я. Внутри меня порхают святые купидоны и шоколадные сердечки. Кайлер наблюдал за мной так же, как я за ним? — Иногда я просто притворялась, что это так, когда... когда я беспокоилась, что ты можешь меня увидеть.

На его лице появляется улыбка.

— Значит, ты тоже наблюдала за мной?

Я закатываю глаза.

— Ты и так знал, что я это делала.

— Нет, не знал, — пытается солгать он. Но когда я бросаю на него скептический взгляд, он сдается. — Хорошо. Хорошо. Я действительно знал, но мне нравилось знать, что ты знаешь. Это помогало мне чувствовать... — Он колеблется. — ...себя особенным.

Смех срывается с моих губ и я прикрываю рот рукой.

— Извини. Я не хотела смеяться. Ты только что сказал «особенный», и это прозвучало так...

— Ну говори. — настаивает он. Когда я качаю головой, он протягивает руку и щекочет мою ногу. — Давай же. Ты не можешь смеяться над таким парнем и не объяснять почему.

Я делаю одно из своих печально известных свиных фырканий.

— Кайлер, остановись! — Я плачу сквозь смех.

— Нет, пока ты не скажешь мне, почему ты смеешься. — Его пальцы легко скользят по моей ноге, пока я, наконец, не вскидываю руки в воздух, сдаваясь.

— Хорошо. Я рассмеялась, потому что это прозвучало как реплика из дрянного романтического фильма. — Я вытираю слезы смеха с глаз.

— Но это вроде как сработало, не так ли? — Его губы растягиваются в усмешке. — Ты довольно милая, когда так сильно смеешься, особенно со всем этим фырканьем. Это было очень привлекательно.

Я игриво шлепаю его по руке.

— Неважно. Мне нравится мое поросячье фырканье.

— Мне тоже, — говорит он искренне. — Это так реально. Многие девушки издают такой пронзительный фальшивый смех.

Я знаю, о каком смехе он говорит, потому что Ханна делает это все время.

На его лице появляется чрезвычайно напряженное выражение. Я понятия не имею, что

он собирается сказать, но я задерживаю дыхание в ожидании. Однако, прежде чем он успевает что-либо сказать, мой телефон пиликает и портит момент.

— Это моя бабушка, — говорю я и отвечаю на звонок.

— Хорошо, я обо всем позаботилась, — торопливо говорит она. — Пока ты останешься со мной.

— Пока? — спрашиваю я в панике. — Значит ли это, что мне, в конце концов, придется вернуться?

— Нет, это означает, что на данный момент твой отец согласился, чтобы ты осталась со мной, пока все не успокоится, — объясняет она. — Однако мне придется сразиться с ним, как только Линн вмешается. Я в этом уверена. Но я буду бороться с этим. Не позволю тебе вернуться в тот дом. Но мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня. Мне нужно, чтобы ты вела себя как можно лучше. Последнее, что нам сейчас нужно, — это дать им все, что они могут использовать против нас.

Я беспокоюсь о том, как это скажется на ее здоровье.

— Ты уверена, что хочешь в это ввязываться? Не хочу, чтобы ты нервничала.

— Нервничала? Будет облегчением узнать, что ты вдали от всего этого дерьма, — отвечает она как ни в чем не бывало. — Я и так провела много ночей, беспокоясь, все ли с тобой в порядке.

— Что, если они позвонят в полицию и заявят, что я сбежала? — нервно спрашиваю. — Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Они не собираются вызывать полицию, — настаивает она. — Возможно, они и угрожали тебе этим, но у меня такое чувство, что, если бы они это сделали, у них было бы больше проблем, чем у тебя.

Тяжкий груз спадает с моих плеч, но я не могу не задуматься...

— С чего бы им попадать в неприятности?

— По многим причинам, дорогая. Например, если бы я сообщила о них как о невнимательных, жестоких родителях. И ты сказала мне, что она схватила тебя, верно?

— Все не так уж плохо, — тихо говорю я, обхватывая пальцами запястье.

— Мне все равно, насколько это плохо. Она не имеет права тебя хватать, — говорит она. — Плюс, есть вся эта история с компанией твоего отца.

А?

— О чем ты говоришь? Что происходит с компанией моего отца?

— Ничего такого, о чем тебе стоило бы беспокоиться, — поспешно отвечает она. — Послушай, мне нужно идти. Я готовлюсь пройти через охрану. Я буду дома около одиннадцати и мы еще поговорим. Не хочу, чтобы ты сидела без дела и переживала из-за всякой ерунды. Выйди и проветришься. Может быть, ты могла бы попросить этого парня Кайлера сводить тебя в кино или еще куда-нибудь. Держу пари, это было бы отличным развлечением.

Я сопротивляюсь желанию прикрыть трубку. Кайлер, вероятно, уже все равно слышал все, что она сказала.

После того, как я вешаю трубку, Кайлер подтверждает мои подозрения, что он подслушал каждое неловкое слово, сказанное моей бабушкой Стефи, когда он поворачивается ко мне и говорит:

— Она хочет, чтобы я сводил тебя в кино, да?

Я чувствую, как мои щеки горят.

— Тебе не нужно этого делать. Она просто не хочет, чтобы я сидела дома одна. Со мной все будет в порядке. Иногда мне кажется, что она все еще думает обо мне как о маленьком ребенке, за которым нужно присматривать двадцать четыре часа в сутки.

— Я уверен, что она просто беспокоится о тебе. — Он нажимает на тормоза, останавливаясь на красный свет. — Я не виню ее. Должно быть, тяжело иметь дело с такими родителями.

— Так и есть, но я к этому привыкла. — Пожимаю плечами, как будто в этом нет ничего такого.

Он что-то обдумывает, изучая меня. Не сводит с меня глаз, пока не загорается зеленый свет, а затем включает поворотник и сворачивает налево, нарушая около пяти правил дорожного движения.

— Я не позволю тебе сидеть одной весь день. — Он ведет машину по дороге, ведущей в центр Саннивейла. — Я буду развлекать тебя, пока твоя бабушка не вернется домой.

Бросаю взгляд на часы на приборной панели.

— Но это еще восемь часов.

Он выгибает бровь.

— Ты думаешь, что я не смогу отвлечь тебя на восемь часов?

Я держу рот на замке, отказываясь говорить то, что вертится у меня в голове: может быть, если ты снимешь рубашку. Вместо этого я говорю, сохраняя потрясающе спокойный тон:

— Что мы будем делать?

Его глаза озорно сверкают.

— У меня есть идея.

— Хорошо. — Я немного нервничаю, но любопытство берет надо мной верх. — Что за идея?

Он останавливает машину у небольшого парка, затем глушит двигатель.

— Игра в Лошадки. (1)

— Звучит забавно. — Я отстегиваю ремень безопасности. — Но я не уверена, что даже ты сможешь играть в Лошадки восемь часов.

— О, это только начало отвлечения внимания. — Он злобно ухмыляется. — Я собираюсь превратить это в небольшую игру.

Я ухмыляюсь ему.

— Эм, ты же понимаешь, что Лошадки — это и есть игра, верно?

Он возражает с невозмутимым видом.

— Я не это имел в виду.

Я не могу удержаться от хихиканья.

— Тогда что ты имел в виду?

Он вынимает ключи из замка зажигания.

— За каждый раунд, который я выиграю, я выбираю что-то сумасшедшее, что мы оба должны сделать. И за каждый раунд, который ты выигрываешь, ты можешь что-то придумать.

— Ты же понимаешь, что я крута в этом, верно? И я уже надирала тебе задницу в этом раньше.

— Я немного практиковался с тех пор, как мне было двенадцать. — Он тянется к ручке двери, одаривая меня дерзкой улыбкой. — Но, если ты слишком боишься, что тебе надерут

задницу, мы можем сделать что-нибудь другое.

Мне вроде как хочется обнять его прямо сейчас, потому что я улыбаюсь и почти не думаю о Линн, моем отце и о том, как это будет ужасно, если они в конечном итоге отправят меня в Монтану.

— Игра начинается, парень. — Я провожу пальцами по волосам и ловлю свое отражение в зеркале. Фу. У меня не было возможности привести себя в порядок после вчерашнего скандала. Из-за размазанной подводки для глаз и потекшей туши я выгляжу так, словно решила стать готом. — Всего одну секунду.

Достаю из сумки расческу и стягиваю волосы в хвост, пока он выходит из машины и достает из багажника баскетбольный мяч. Я использую край рубашки, чтобы стереть с лица размазанный макияж. Я подумываю о том, чтобы нанести новый, но не хочу заставлять Кайлера ждать меня. Прошло много времени с тех пор, как я выглядела так естественно и, признаюсь, я чувствую себя немного неловко. Тем не менее, я высоко держу голову, когда выхожу из машины и иду к кортам с Кайлером. Я не собираюсь чувствовать себя плохо из-за того, что я — это я и выгляжу естественно. Я провела слишком много дней, чувствуя себя так.

Когда мы подходим к площадке, Кайлер приближается ко мне.

— У тебя самые милые веснушки. — Он проводит пальцами по моей щеке. — Я всегда так считал.

Мне приходится напоминать себе, что нужно дышать. Его прикосновение так интимно, что я не знаю, как реагировать. Странно, что то, что он считает во мне милым — это то, что я отчаянно прикрывала косметикой.

Я не знаю, что делать с тем, что происходит между нами, но я определенно улыбаюсь. Однако улыбка исчезает, стоит мне заметить темно-синюю машину с тонированными стеклами, проезжающую мимо парка в замедленном темпе.

Сначала я не обращаю на нее слишком много внимания, но, когда она в третий раз огибает парк, почти замедляясь, чтобы остановиться рядом с кортами, во мне шевелится беспокойство. Что, если кто-то ищет меня? Может быть, мои родители? Это не их машина, но я бы не отметала мысль, что они одолжили ее только для того, чтобы неожиданно напасть на меня. Или это может быть полицейская машина без опознавательных знаков?

— На что ты смотришь? — спрашивает Кайлер, пробегая трусцой по корту, собираясь размяться.

— Я... — Я оглядываюсь назад, туда, где стояла машина, только чтобы обнаружить, что она мчится в сторону главной дороги. — Там была машина, которая ездил вокруг, но я думаю, что это ничего не значило.

Он бросает мяч, его брови хмурятся.

— Ты думаешь, это могли быть твои родители?

— Нет, я так не думаю... Это была не их машина. И я не думаю, что они будут искать меня здесь. — Они не знают меня достаточно хорошо.

Я стряхиваю с себя беспокойство, как могу и поднимаю руки перед собой, сосредоточившись на игре. И все же что-то кажется не совсем правильным, как затишье перед бурей. Я просто хотела бы знать, когда эта буря настигнет меня.

(1) — игра с баскетбольным мячом, заключающаяся в бросании мяча в кольцо с разных позиций.

Кай

— Тысяча баксов? Целая штука баксов? — Большой Дуг повторяет одно и то же снова и снова с выражением удивления на лице. Наконец, он садится в кресло перед своим заваленным бумагами столом, выпучив глаза и качая головой. — Кай, как, черт возьми, ты оказался в этой дыре? Я думал, ты более осторожен.

— Я был осторожен. — Я опускаюсь в раскладное кресло. — Но тогда я поручился за Брэдона, хотя у него дерьмовая репутация. Решил, что раз он мой друг, то не станет меня обманывать.

Большой Дуг тянется за пакетом открытых чипсов, прислоненным к одному из многочисленных компьютеров.

— Чувак, Брэдон обманывает всех, друг ты или нет.

Я опускаю голову на руки.

— Теперь и я это понимаю.

— Ты слишком мил, парень.

— Правильно ли ты подобрал слово?

— Эм, да. Когда ты пытаешься помочь людям, которые, как ты знаешь, могут втянуть тебя в неприятности, это называется быть слишком милым.

— Хорошо, я понял. Я принял неправильное решение. Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю. — Я поднимаю голову. — Но мне нужно сосредоточиться на устранении проблемы. Что сделано, то сделано и теперь мне нужно придумать, где взять тысячу баксов, прежде чем мне надерут задницу. Ти играет грязно. Он, вероятно, заставит кучу своих приятелей наброситься на меня.

— Ему будет насрать, ведь это будет нечестный бой. — Он берет еще горсть чипсов. — У меня есть пара небольших дел, которые мне нужно сделать. Это не принесет тебе тысячи, но для начала годится.

Я бы хотел, чтобы у меня было лучшее решение, но прямо сейчас предложение Большого Дуга — это единственное, что у меня есть.

— Я возьму все, что смогу сделать.

— Хорошо, давай начнем. — Он разворачивает кресло лицом к самому большому экрану компьютера. — Однако я должен поинтересоваться, почему бы просто не попросить денег у твоих родителей?

— Они бы мне их не дали, даже если бы я попросил, — бормочу я, потирая глаза ладонями. От этого дерьма у меня болит голова, но это меньшее из зол по сравнению с тем, что произойдет, если я не найду наличные.

Клавиши щелкают, когда он постукивает по ним пальцами.

— Даже если ты объяснишь им ситуацию? Может быть, сказать им правду? Знаю, что это не идеальный вариант, но уверен, что они скорее помогут тебе, чем позволят тебе пострадать.

Не хочу чувствовать волну боли, которая захлестывает меня.

— Поверь. Моему отцу было бы все равно. Он, вероятно, сказал бы мне, что я заслуживаю того, что меня ждет.

Я так и слышу его слова: «Ты сам вляпался в эту историю, так что сам из нее выбирайся. Это не моя проблема. Ты не моя проблема». И он был бы прав. Это все моя вина. Каждый тупой выбор, который я делал, приводил меня к этому моменту в моей жизни.

Я выкидываю из головы мысли о разочаровании моего отца.

— Что именно это за работа?

— Первая довольно простая. — Он несколько раз щелкает мышью, открывая несколько программ. — Мне просто нужно, чтобы ты кое-что доставил.

— Звучит не так уж плохо.

— Звучит неплохо, но эта доставка чертовски важна. Ты не должен все испортить, ладно, чувак? — говорит он и я киваю. — За это плачу сто баксов, и бензин включен в стоимость.

— Бензин? — Я поднимаюсь на ноги, когда включается принтер. — Как далеко ехать?

Он подкатывает кресло к принтеру.

— В Мейплвью.

— Но это примерно два часа езды в каждую сторону. — Я провожу рукой по голове, расхаживая по его подвалу.

Обычно мне было бы наплевать на четырехчасовую поездку, но учитывая все, что происходит с Изой, я хочу быть рядом на случай, если я ей понадобится. Она еще не выходила на связь, но обещала, что позвонит после того, как поговорит с отцом.

— Если для тебя слишком далеко, я могу попросить кого-нибудь другого сделать это. — Его тон подразумевает, что я должен держать рот на замке и быть благодарным, что он делает мне одолжение.

— Нет, все в порядке. Мне просто нужно было кое-что сделать, но, думаю, это может подождать. — Я достаю телефон из заднего кармана и проверяю сообщения.

Ничего.

Я решаю сам написать ей, чтобы узнать, все ли с ней в порядке.

Я: Привет, просто хотел убедиться, что все в порядке. Ты так и не позвонила мне, но, может быть, ты все еще разговариваешь со своим отцом. Вообще-то я уезжаю из города на целый день, но вернусь сегодня попозже.

Иза: О, Боже мой! Извини, я забыла тебе позвонить! Все дерьмо обрушилось на меня лавиной, когда я вернулась домой и я совершенно забыла! Я в порядке. Меня сейчас даже нет дома. Я сбежала после того, как Линн пригрозила отправить меня в исправительную школу в Монтане. На самом деле я собираюсь немного пожить у бабушки Стефи, пока мы не решим, что делать, но она пообещала мне, что не позволит им отослать меня.

Во мне закипает гнев. Проклятье. Ее родители такие придурки.

Я: Какого хрена??? Они пытаются отправить тебя в Монтану? Что, черт возьми, с ними не так?

Иза: Ну, Линн сказала, что это из-за моей проблемы с насилием, потому что, по-видимому, толкнуть ее один раз означает, что у меня теперь с этим проблемы. Но, честно говоря, у меня такое чувство, что она планировала это уже давно. У нее были распечатаны все эти бумаги и она была готова отправить меня завтра утром.

Я: Боже, я ненавижу эту женщину... Что сказал твой отец?

Иза: Как обычно. Что он согласен с Линн. Я не удивлена. Он всегда соглашается с

Линн, когда дело касается меня. Я предполагаю, что он чувствует себя виноватым, что я — результат его романа на стороне.

Я: Мне все равно, чувствует он себя виноватым или нет. Он твой отец и он должен вести себя подобающе.

Иза: Я бы хотела, чтобы так было, но, честно говоря, не думаю, что это когда-нибудь произойдет. Однако я начинаю смиряться с этим. Мне просто повезло, что у меня есть бабушка Стефи. Она для меня практически как мама и папа. Я не знаю, что бы я без нее делала. И Индиго тоже.

Я: Ты знаешь, что я рядом, если тебе что-нибудь понадобится.

Иза: Знаю. Ты действительно просто потрясающий друг в последнее время, Кай. Я ценю это. Я действительно так думаю.

Я хочу быть рядом с ней сегодня. После того, что случилось с ее родителями, держу пари, ей не помешало бы с кем-нибудь поговорить.

Я: Ты сейчас со своей бабушкой?

Иза: Нет, на самом деле ее нет в городе, но она прилетает сегодня вечером.

Она ни в коем случае не должна быть сейчас одна.

Я: Хочешь немного прокатиться в Мейплвью? Мне бы не помешал приятель — водитель.

Ей требуется минута, чтобы ответить и я заранее чувствую, что в тот момент, когда сообщение придет, мне не понравится ее ответ.

Иза: Я сейчас с Кайлером. Он присматривает за мной, пока бабушка не вернется домой. Зачем ты едешь в Мейплвью? Если тебе нужно, чтобы я поехала с тобой, я обязательно поеду, особенно если ты хочешь поговорить о том, что происходит между тобой и этим парнем.

Я разжимаю и сгибаю пальцы. Она с Кайлером? Какого черта? Он просто подждал около дома, чтобы вмешаться, когда Изу нужно будет спасать, а затем очистил все свое расписание? Я точно знаю, что у него были планы на сегодня позже, после того как он пригласил Изу на завтрак. Я слышал, как он говорил об этом со своими друзьями по телефону после того, как Иза покинула наш дом, говоря что-то о необходимости провести несколько часов на тренировке.

Я: Нет. Все в порядке. Я думаю, что просто попрошу Большого Дуга поехать со мной.

Это полная ложь. Да, мне чертовски больно думать о том, как они с Кайлером проводят время, делают Бог знает что, но я не хочу, чтобы она пошла со мной только потому, что ей меня жаль. У меня было слишком много девушек, которые делали это — тусовались со мной, испытывая вину из-за того, что они использовали меня, чтобы быть ближе к Кайлеру.

Иза: Хорошо... Если передумаешь, дай мне знать. Я думаю, нам определенно стоит поговорить о том, что с тобой происходит. Мы можем встретиться завтра?

Я: Да. Может быть. Я напишу тебе позже и договоримся.

Я оставляю все как есть и убираю телефон, стараясь не думать о том, чем они с Кайлером могли заниматься. Но это все, о чем я думаю. Черт, у меня слишком живое воображение. Seriously. Клянусь, мой разум пытается замучить меня до смерти образами Изы и Кайлера и тем, что они могли бы делать.

— Итак, кто она такая? — Вопрос Большого Дуга прерывает мои мысли.

— Хм? — Я беру конверт из плотной бумаги, который он протягивает мне.

— Девушка, которая тебя так завела, — говорит он, поворачиваясь на стуле. — Ты выглядишь так, словно вот-вот выплеснешь свое дерьмо.

— Не бери в голову. — На верхней части конверта ярко-красными буквами написано «НЕ ОТКРЫВАТЬ» и наклейка со смайликом. — Что с тобой и этими наклейками? Ты клеишь их на все подряд.

— Это моя метка, — просто отвечает он. — Это позволяет людям знать, где я был и какая у меня работа. Я не хочу, чтобы другие брали на себя ответственность за мое дерьмо.

Я встряхиваю конверт, отмечая, что он действительно легкий.

— Что в нем?

— Не беспокойся об этом. — Он отмахивается от меня, а затем продолжает свой допрос. — Это та девушка с вечеринки? Та, кому я был нужен, чтобы найти информацию о ее маме? — Когда я неохотно киваю, он добавляет: — Как она восприняла новости о ней?

Я засовываю конверт под мышку.

— Я ей еще не сказал.

Он потрясенно моргает, глядя на меня.

— Почему, черт возьми, нет?

— Я планировал это, но потом в ее семье случилось какое-то дерьмо... Я беспокоюсь, что она может не справиться с этим прямо сейчас.

— Не имеет значения, что ты думаешь. Она заслуживает знать и чем дольше ты будешь утаивать, тем больше она разозлится, когда ты ей расскажешь.

— Знаю. — Я похрустываю костяшками пальцев, когда до меня доходят его слова. Он прав. Даже если Иза сейчас переживает кучу семейных драм, мне нужно сказать ей об этом как можно скорее. — Чувак, ты начинаешь говорить как доктор Фил.

Большой Дуг закидывает руки за голову.

— Я все время смотрю это шоу.

Я пристально изучаю его.

— Ты это серьезно?

— Что? Мне больше нечем заняться в перерывах между работами. Кроме того, я многому научился из этого, например, когда нужно сказать девушке, которой ты одержим, что ты что-то знаешь о ее семье. Кое-что, я мог бы добавить, в чем она просила помощи.

— Хорошо. Я все понимаю. Я скажу ей. Просто перестань умничать.

Он поднимает палец.

— И еще одно. — Он открывает ящик картотечного шкафа, достает папку с наклейкой в виде смайлика и протягивает ее мне. — Мне было стыдно за то, что я принес такие хреновые новости, поэтому я решил провести еще несколько исследований об этой женщине Белле и узнать больше о ее деле.

— Что ты выяснил? — Учитывая, что Большой Дуг редко делает одолжения людям, я шокирован тем, что он сделал это.

— Довольно интересные вещи. На самом деле я немного удивлен, что женщина была признана виновной. С другой стороны, некоторые материалы, которые я собрал, не использовались в деле и недоступны для общественности. Она подавала апелляцию пару раз и я думаю, что ее последняя апелляция была одобрена, но может потребоваться некоторое время, чтобы что-то произошло. Я все еще изучаю эти материалы, но подумал, что пока отдам это тебе. Это может дать Изе немного душевного спокойствия, пока я не узнаю

больше.

— Подожди. Ты взломал записи по делу? — Я заглядываю в папку и съезживаюсь, просматривая верхнюю страницу.

Прежде чем я успеваю зайти слишком далеко, он хлопает рукой по папке, закрывая ее.

— Ты можешь посмотреть на это позже. Прямо сейчас у тебя есть работа.

Затем он сразу же переключается и дает мне список инструкций, которым я должен следовать, когда доставлю конверт. Выслушав список, я понимаю, что это работа сложнее, чем я первоначально думал и мне еще более неловко из-за того, что, черт возьми, в конверте.

Ни при каких обстоятельствах я не должен заглядывать в конверт.

Прежде чем я подъеду к указанному месту, я должен объехать квартал три раза.

Если я увижу кого-нибудь, кто выглядит хоть немного подозрительно, я должен уехать домой, не оставляя конверт.

Все время держать дверь моей машины запертой. Даже когда парень придет забрать конверт, я должен только приоткрыть окно и просунуть его в щель.

Парень, который его поднимет, будет одет в толстовку с капюшоном и кастет.

В ту секунду, когда я отдам парню конверт, мне нужно будет покинуть Мейплвью. Но не ехать прямо домой. Мне нужно проехать по проселочным дорогам около часа, прежде чем выехать на шоссе.

Я не могу взять с собой свой мобильный телефон.

— Что? — возмущаюсь я после того, как он произносит пункт номер семь. — Почему, черт возьми, нет?

— Чтобы не отследили. — Он протягивает руку. — Давай его мне, парень.

Вынимаю свой телефон из заднего кармана, но не отдаю его. — Одну секунду. — Я поспешно набираю короткое сообщение для Изы, решая, что пришло время сказать ей.

Я: Да, давай обязательно встретимся завтра. Напиши мне, во сколько за тобой заехать.

Прежде чем я получаю ответ, Большой Дуг выхватывает телефон из моей руки.

— Чувак, верни мне его, — ворчу я, протягивая руку, чтобы забрать аппарат обратно.

Он разворачивает стул, засовывает мой телефон в ящик стола, а затем запирает его.

— Я верну его тебе, когда работа будет сделана. И сто баксов.

Когда я слышу, как вибрирует мой телефон в ящике, я скриплю зубами.

— Просто дай мне посмотреть.

Он качает головой.

— Конверт у тебя. Ты официально на дежурстве.

Я подумываю о том, чтобы послать его к черту, но останавливаюсь, так как он делает мне огромное одолжение.

— Увидимся через пять часов. — Он запускает таймер на компьютере.

Вздыхнув, я поворачиваюсь к двери, чувствуя себя не в своей тарелке из-за того, что собираюсь сделать. Да, за последний год я совершил несколько сомнительных поступков. Я взламывал машины, веселился, делал кое-какие незаконные вещи, например, помогал взламывать системы безопасности, покупал травку у Ти и пару раз торговал за него. Хотя вся эта история с наркотиками была для меня слишком нервной. Я так запаниковал, что быстро прекратил как покупать, так и продавать. Когда Брэдон выследил меня на вечеринке, прошло несколько месяцев с тех пор, как я видел Ти.

— Мне нужна услуга, — сказал он, нервно оглядываясь на людей, которые пили и

курили вокруг нас. Он был таким дерганым, что я подумал, не подцепил ли он что-нибудь.

Сначала я просто покачал головой. Услуга для Брэдона обычно означала неприятности.

Но потом он стал умолять.

— Пожалуйста, Кай. У моей семьи серьезные финансовые проблемы и мне очень нужны деньги, очень сильно, иначе мы все потеряем.

Он выглядел расстроенным, и мне стало его жаль.

— Что тебе нужно? — Я спросил.

— Чтобы ты поручился за меня, — быстро сказал он. — Просто скажи ему, что он может мне доверять.

— Так и есть? — Я задаю этот вопрос, потому что Брэдон никогда не был человеком, которому можно доверять. Он либо воровал у людей, либо воровал и лгал об этом.

— Я не обману тебя, — пообещал он. — Мне просто нужно сделать для него пару заданий, чтобы я мог быстро заработать немного денег. Но ему нужен кто-то, кого он знает — например, ты — чтобы поручиться за меня.

Все мои инстинкты кричали мне не делать этого, что Брэдон в конечном итоге меня обманет, но потом он произнес целую речь о том, что его семья потеряла дом и машину, и я купился, как последний дурак.

В конце концов, Брэдон закончил тем, что продал наркотики Ти и не отдал ему деньги. Сначала я не слишком разозлился, потому что подумал, что, возможно, он сделал это в панике, чтобы выручить свою семью из финансовой ямы. Но пару дней назад я узнал, что все это было ложью.

Брэдон пристрастился к довольно жестким наркотикам и нуждался в быстрых деньгах, чтобы накормить свою зависимость. Насколько я понимаю, его родители вчера все узнали и он отправился на реабилитацию. Я чувствую себя идиотом из-за того, что поверил его слезливой истории и не увидел, что его проблема с наркотиками вышла из-под контроля. Но сейчас я ничего не могу с этим поделать. Ти предупредил меня, что, если Брэдон обманет его, его долг ляжет на меня.

Я просто надеюсь, что все, что я собираюсь сделать, не закончится еще большими проблемами.

Изабелла

Я стучу мячом о бетон, прикидывая, где сделать следующий бросок. Пока что мы с Кайлером оба вовлечены в игру. Нам потребовалось больше часа, чтобы добраться до этого момента, потому что мы оба отлично играем и редко бросаем мимо корзины. С ним весело проводить время. Что действительно круто, так это то, что он не вспоминает о моей семье. Хотя я знаю, что, в конце концов, мне придется поговорить об этом, приятно отдохнуть от эмоционального хаоса.

— Перестань откладывать проигрыш, — насмехается Кайлер, наблюдая, как я прохожу по площадке.

Я останавливаюсь посередине и мило улыбаюсь ему.

— Ты имеешь в виду свой проигрыш?

Он усмехается, выуживая телефон из кармана.

— В твоих снах. И когда я выиграю, ты будешь у меня в долгу, — говорит он, читая сообщение.

— Ты не выиграешь. И хочешь знать, почему? — Я поднимаю руки с мячом в руках.

Он прислоняется к шесту с корзиной, скрестив руки на груди, в его глазах искрится веселье.

— Потому что ты такая классная?

— Ага. — Ухмыляясь, я делаю бросок. Краем глаза я клянусь, что вижу вспышку, похожую на вспышку от фотокамеры и думаю, что, возможно, это Кайлер, но когда я снова смотрю на него, я не вижу у него телефона в руке. И зачем ему понадобилось меня фотографировать?

Отбросив странную паранойю в сторону, я наблюдаю, как мяч взлетает в воздух, со свистом пролетает в корзину и я начинаю дурацкий танец, вскидывая руки в воздух и перебирая ногами.

Кайлер смеется, хватая мяч.

— Милый победный танец, но к твоему сведению, ты еще не победила. — С этими словами он подходит к тому месту, где я стою и легко попадает в корзину.

Я прекращаю танцевать, беру мяч в руки и отступаю еще на дюйм, чтобы сделать бросок. Но я оказываюсь слишком далеко и в конечном итоге промахиваюсь. Теперь Кайлер тот, кто начинает танцевать вокруг, как будто он уже победил.

Не могу удержаться от хихиканья над его глупыми танцевальными движениями.

— Ты все еще не выиграл.

— Теперь это в моих руках. — Он выглядит довольно уверенным, когда обходит меня сзади и прижимается своей твердой грудью к моей спине. У меня перехватывает дыхание, когда сердце чуть не выскакивает из груди. Мое тело сотрясается от этого ощущения и я быстро делаю шаг вперед, прежде чем он замечает.

Но его пальцы обхватывают мою руку и притягивают меня обратно.

— Нет. На этот раз тебе нужно оставаться на месте. — Он отпускает мою руку и кладет локоть мне на плечо.

После того, как он бросает в корзину, я поворачиваюсь и кладу руки на бедра, бросая на

него убийственный взгляд.

— Нечестно.

— Почему это нечестно? — невинно спрашивает он.

— Эм, привет, потому что ты, типа, на пять дюймов выше меня. — Конечно, я не коротышка, но Кайлер высокий. Чтобы я могла хотя бы опереться локтями ему на плечи, мне пришлось бы взять скамеечку для ног.

— Вот что я тебе скажу. — Он полностью наслаждается ситуацией. — Я облегчу тебе задачу. Просто делай бросок отсюда.

Черт возьми, я не выберу самый легкий выход.

Я расправляю плечи.

— Ни за что. Я собираюсь выиграть честно. — Я прыгаю вокруг него. Затем, в прыжке, на долю секунды опираясь локтями ему на плечи, быстро бросаю мяч. Он вертится в воздухе, и сначала я думаю, что он попадет в цель, но в последнюю секунду он меняет траекторию влево, ударяется о край кольцо и падает на землю. — Мать всех зомби.

Кайлер оборачивается с выражением «ха-ха-я-только-что-надрал-тебе-зад» на лице.

— Тебе следовало сделать легкий бросок.

— Ни за что. — Я морщусь, отчасти в шутку, но отчасти потому, что, черт возьми, я ненавижу проигрывать! — Это не было бы похоже на настоящую победу.

— Но теперь я победил. — Его улыбка сияет, как диско-шар.

Мне хочется нахмуриться и быть обиженной неудачницей, но он выглядит слишком очаровательно, стоя там без рубашки, со взъерошенными волосами и слегка влажной от пота кожей.

— Отлично. И что за безумие мы будем совершать?

— О, не дуйся. — Он слегка подталкивает меня локтем. — Я обещаю, что выберу что-нибудь веселое.

Я хмурюсь еще две целых пять десятых секунды, прежде чем улыбка побеждает.

— Хорошо. Что мы делаем? — Я подпрыгиваю на цыпочках, разрываясь от предвкушения.

Он смеется, в уголках его глаз появляются лучики морщинок.

— Пожалуй, это самая быстрая, что я когда-либо видел, реакция в которой кто-то пережил поражение.

Тыльной стороной ладони я вытираю легкий пот с линии волос.

— Что я могу сказать? Я обожаю сюрпризы. — Я складываю руки вместе. — А теперь, пожалуйста, милый, пожалуйста, скажи мне, что мы делаем.

Он качает головой, подхватывая мяч.

— Неа. Тогда это не будет сюрпризом, если я тебе расскажу.

Я следую за ним, когда он идет по газону к машине.

— О, да ладно. — Я хватаю его за руку. — Мы не договаривались, что это будет сюрприз, просто победитель должен выбрать что-то сумасшедшее, что нам обоим придется сделать.

Он достает из кармана ключи от машины.

— Да, но я думаю, что так будет веселее.

Я выпячиваю нижнюю губу.

— Кто сказал?

— Я. — Его взгляд на мгновение падает на мои пальцы на его руке.

Вся моя неуверенность переполняет меня и я отстраняюсь от него, мои щеки горят.

Проходит пару секунд и тишина заставляет мои щеки гореть еще больше от смущения. Пытаясь расслабиться, я сосредотачиваюсь на всем остальном, кроме Кайлера, смотрящего на меня: листья, шелестящие в сухой траве, гудок вдалеке, качели на детской площадке, скрипящие от ветра, дерево, в котором мы с Каем прятались, когда были моложе, и всего пару дней назад во время обеда, когда мы почти поцеловались и парень двадцати с чем-то лет с темно-каштановыми волосами, прислонившийся к дереву, наблюдающий за нами.

Какого черта? Может быть, это он сфотографировал меня, когда я делала бросок? Но зачем? В этом нет никакого смысла.

Перестань так сильно волноваться, Иза. Никому не нужна твоя фотография.

Когда парень замечает, что я наблюдаю за ним, он смущенно машет рукой, прежде чем побежать к стоянке и пересечь улицу, исчезая в соседнем районе.

Я не знаю, что с этим делать и стоит ли мне что-то делать.

Просто успокойся. Ты серьезно смотришь слишком много фильмов ужасов.

— Я думаю, ты очаровательна. — Кайлер заправляет прядь моих волос за ухо, снова привлекая мое внимание. — Ты так волнуешься из-за самых простых вещей. Это такой приятный перерыв в том, к чему я привык.

— Ты знаешь, что это второй раз, когда ты упоминаешь, что я хороший перерыв в том, к чему ты привык. — Я съеживаюсь от одышки в моем голосе.

— Знаю. — Его голос мягок, и его глаза смотрят на меня, когда его язык выскальзывает изо рта и облизывает губы. Затем его взгляд падает на мой рот.

Вау, вау, вау, неужели, как в моих самых смелых мечтах, он собирается поцеловать меня? Это первая мысль, которая проносится у меня в голове, но затем за ней следует нерешительность. Неужели я действительно хочу, чтобы поцелуй прошел именно так? В тот день, когда моя семья пригрозила отправить меня в исправительную школу? Разве это не испортило бы память об этом?

Однако я отбрасываю эту мысль в сторону, пока мой желудок делает сальто. Нет, я хочу этого поцелуя. Кого волнует, было ли это утро дерьмовым? Я могу стереть это дерьмо и заменить его фейерверком. Повсюду фейерверки.

Я едва дышу, ожидая, когда он поцелует меня, мое сердце принимает форму долбаной колибри, порхающей со скоростью миллион миль в минуту.

Но он вдруг становится нерешительным, запуская пальцы в волосы и уставившись на улицу.

— Иза, я хочу узнать тебя поближе. В прошлом я никогда не тратил время на то, чтобы познакомиться с девушками, с которыми встречался. Но я хочу, чтобы с тобой все было по-другому. Я хочу не торопиться и наслаждаться каждым моментом.

В данный момент мне приходит в голову пара вещей: 1). Он хочет узнать меня как друга? 2) Он, очевидно, работает над тем, чтобы снова изменить себя, но почему? Откуда взялась эта внезапная перемена? Потому что обычно есть причина, по которой кто-то хочет измениться, как я, как Кай, хотя я до сих пор понятия не имею, почему он превратился из популярного, опрятного парня в плохого парня за одну ночь.

Я хочу спросить Кайлера, не происходит ли с ним что-нибудь подобное, но я трушу.

— Хорошо.

Он снова смотрит на меня, улыбается, переплетает свои пальцы с моими и тянет меня к машине.

Я чувствую малейшее волнение от его прикосновения, но в то же время и каплю разочарования. Я не знаю, почему. Это просто затяжные ощущения от почти поцелуя? Или что-то еще?

— Готова к сумасшедшему поступку номер один? — спрашивает он, сжимая мою руку.

Киваю, очищая свои мысли от забот. Нет, я не должна беспокоиться сегодня ни о чем, будь то мои родители, моя мама или то, что происходит с Кайлером. Сегодняшний день должен быть посвящен тому, чтобы отвлечься от сумасшествия в моей жизни. Я собираюсь сосредоточиться на том, что приготовил для меня Кайлер, и ни на чем другом.

Изабелла

— Эээ... — Я не знаю, что сказать о сцене, развернувшейся передо мной.

Кайлер сказал, что это сюрприз, и, хотя я не была уверена, чего ожидать, я совсем не ожидала этого.

— Я обещаю, что это будет весело. — Он перегибается через консоль, убирает мой конский хвост с плеча и нежно массирует мое плечо. — И это отличное развлечение.

Мои мышцы напрягаются от его прикосновения, в основном потому, что я не привыкла, чтобы ко мне так часто прикасались. Но он, кажется, не замечает этого, его пальцы нежно разминают мои мышцы.

Я сосредотачиваюсь на футбольном поле, возле которого мы припарковались. Группа парней на поле бросают и ловят мяч, а группа девушек на год или два старше меня наблюдает со скамеек. Пару девушек я видела на вечеринках, которые Ханна устраивала у нас дома и большинство парней — друзья Кайлера из средней школы. Тошнота подступает к горлу, когда я понимаю, что некоторые из них в тот или иной момент смеялись надо мной.

— Никто из девочек не играет. — Я предлагаю неубедительное оправдание.

В его глазах мелькает вызов.

— Я не думал, что ты из тех девушек, которых волнуют подобные вещи.

— Я не такая. — Это чистая правда. Я просто использовала их, как предлог, чтобы не говорить ему настоящую причину, по которой я не хочу играть в футбол с кучей парней — потому что я бы предпочла провести время взаперти в подzemелье, чем играть в футбол с его друзьями, которые могут быть полными придурками.

Я ломаю голову в поисках законно звучащего оправдания, но все, что приходит мне в голову, это, извини, я не могу. У меня аллергия на футбол и вообще на все мячи. Да, звучит супер законно, Иза. Ладонь на лице.

— Слушай, я знаю, ты говорила, что футбол кажется тебе скучным, но я действительно думаю, что если ты попытаешься в него поиграть, тебе это понравится, — говорит он. — Кроме того, это может отвлечь тебя от других мыслей.

В его словах есть смысл, но пейнтбол или видеоигры были бы тоже неплохим вариантом, и мне не пришлось бы общаться с людьми, которые годами издевались надо мной.

— Никто тебе ничего не скажет, — добавляет он, словно читая мои мысли. — Я обещаю.

Одариваю его фальшивой улыбкой, задаваясь вопросом, видит ли он, что это вынужденная улыбка.

— Хорошо. Да. Конечно. Просто дай мне секунду. Сначала мне нужно позвонить.

— Ты хочешь, чтобы я тебя подождал?

— Нет. Это займет пару минут.

Он кивает и выскакивает из машины. Как только он закрывает дверь, я набираю номер Индиго. Она не отвечает, поэтому я пишу ей, чтобы она позвонила мне как можно скорее, сказав, что меня нужно подвезти. Я даю ей ровно минуту на ответ, прежде чем впадаю в панику и набираю номер Кая. Я знаю, что он сказал, что собирается в Мейплвью, но я очень

надеюсь, что в итоге он туда не поехал. Хотя он так и не написал мне, когда я ответила на его сообщение о том, чтобы потусоваться завтра. Написала, что согласна, и спросила, где он хочет встретиться. Может быть, он так и не ответил, потому что у него не было сигнала. Поездка в Мейплвью — это в значительной степени мертвая зона.

После четырех гудков его телефон переходит на голосовую почту.

— Привет, это я... Иза... — Я не уверена, стоит ли мне рассказывать ему, что происходит. — Послушай, я немного в растерянности, и мне действительно нужно, чтобы меня подвезли. Я знаю, ты сказал, что уезжаешь из города, но я надеюсь, что, может быть, ты еще не уехал... Но в любом случае, да, я предполагаю, что ты все-таки уехал; в противном случае ты, вероятно, ответил бы на звонок. — Я вешаю трубку, качая головой в ответ на мое бессвязное сообщение.

Я не выхожу из машины сразу. Вместо этого я сижу и наблюдаю за Кайлером и его друзьями из окна. Я знаю, что веду себя как трус, но я чувствую себя мышью, которая вот-вот войдет в логово льва. Понятия не имею, зачем Кайлер привел меня сюда, когда он знает, как сильно его друзья и друзья Ханны презирают меня. Может быть, в этом и есть смысл? Возможно, это какая-то ловушка, устроенная Ханной и когда я выйду из машины, она выскочит из-под трибун, и ее Космические курсанты Ра-ра разразятся хором Изабеллы Вонючки.

Через несколько минут я решаю, что пришло время встретиться лицом к лицу с неизбежным. Я хватаюсь за ручку и открываю дверь. Часть меня хочет кинуться в противоположном направлении и бежать без оглядки. Честно говоря, я бы так и сделала, если бы Кайлер меня не заметил. Он машет мне рукой с улыбкой на лице, и все его друзья смотрят на меня.

Я съеживаюсь. Замыкаюсь.

Почему я не могла просто сделать легкий бросок во время игры?

Захлопываю дверь, застегиваю куртку и, опустив голову, иду через поле к ним. Я думала, что в первый школьный день, вернувшись из поездки, все изменилось и я стала совершенно другим человеком. Тем не менее, я ни на кого не смотрю, пока иду, слишком переживая, что они до сих пор видят во мне придурковатую младшую сестру Ханны.

Но я не придурковатая младшая сестра Ханны. На самом деле я никогда ей не была. Ханна и Линн просто заставили меня в это поверить. Но если я прямо сейчас усталилась в землю под ногами, то они правы, не так ли?

Сделав глубокий вдох, я перевожу взгляд на Кайлера. Не знаю, что он рассказал своим друзьям о том, почему я здесь, но никто из них, похоже, мной не интересуется. Парни возвращаются к разминке, а большинство девушек общаются друг с другом. Но двое из них пристально смотрят на меня, как будто готовы броситься в атаку.

— Итак, когда ты сказал прийти поиграть в футбол, ты на самом деле имел в виду, что я должна буду играть? — спрашиваю я Кайлера, останавливаясь перед ним.

Он прижимает палец к губам.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Я вроде как надеюсь, что ты просто имел в виду, что научишь меня кидать мяч. — Я бросаю на него полный надежды взгляд.

Он подбрасывает мяч в воздух, криво улыбаясь мне.

— Давай же, Иза. Я думал, мы говорили об этом. — Он ловит мяч и сжимает его в руке. — Что ты будешь не такой, как они. — Он кивает подбородком в сторону девушек, а

затем шевелит бровями. — Ты знаешь, что хочешь.

Если бы это был какой-нибудь другой вид спорта, я бы не мешкала. Но я ничего не знаю о футболе.

— Хорошо, но сначала тебе придется показать мне пару вещей. — Я складываю руки вместе и кланяюсь ему. — О великий, пожалуйста, открой мне свои знания.

Он усмехается, но я вижу, что мои слова прошли мимо его ушей. Ха. Думаю, это работает только с Каем.

— Хорошо, сначала мы попрактикуемся в ловле.

В течение следующих двадцати минут Кайлер делает именно это. Он увлечен. В то время как он выглядит супер мило с горящими от возбуждения глазами, мне становится немного скучно. Тем не менее, я веду себя как хороший ученик и не обращаю внимание, даже когда мой желудок урчит от голода. Я мысленно говорю ему, чтобы он закрыл свою пасть, что еда придет позже, но потом мимо проходит парень, поедающий стаканчик мороженого. Похоже на клубнику с кусочками чизкейка.

Черт, я так голодна, что даже овощи начинают казаться вкусными.

— Мы что-нибудь поедим после игры, — говорит мне Кайлер, вращая футбольный мяч в руках.

Эм... Я только что сказала это вслух?

— Хорошо. — Я сопротивляюсь желанию забрать у него чертов мяч, бросить его на дерево и объявить, что игра окончена... Хм... Кай сказал, что я похожа на Гремлина, когда проголодаюсь. Я думаю, он был прав.

Кайлер тратит еще пару минут на то, чтобы заставить меня поймать мяч, прежде чем сочтет меня готовой к игре. Он и парень, которого, как я предполагаю, Кайлер знает по колледжу, потому что он выглядит старше, были избраны капитанами. Я быстро узнаю, что его зовут Уэс и что он своего рода сексистский мудака.

— Если она собирается играть, — говорит Уэс Кайлеру, указывая на меня пальцем, — то другой девушке тоже придется это сделать, чтобы команды были равными.

— Почему? Иза более атлетична, чем Бен и Тим, — отвечает Кайлер, засовывая мяч под мышку. — На самом деле, она, возможно, даже лучше тебя, — подмигивает он мне.

Гордость переполняет мою грудь, когда я улыбаюсь Уэсу. Да, чувак, только потому, что у меня нет пениса, это не значит, что я дерьмо.

Уэс закатывает глаза.

— Неважно, мужик. Я понимаю, что ты пытаешься затащить ее в постель.

Несколько парней хихикают, но Кайлер пихает Уэса довольно сильно.

— Заткнись, — предупреждает он, свирепо глядя на Уэса. — Порой ты такой придурок.

Я отвожу взгляд, чувствуя, как пылают мои щеки. О, Боже, мне сейчас так неловко. Может быть, мне стоит просто сбежать и погнаться за парнем с мороженым. Я могла бы напугать его, сказав: «Отдай мороженое, иначе из моей плоти вырастет кровожадный монстр-людоед».

— Неважно. Давай просто поделим команды, — бормочет Уэс, бросая на меня раздраженный взгляд.

Он делает свой первый выбор, а затем черед Кайлера, и он выбирает меня. Я благодарно улыбаюсь ему, а затем жду, пока Уэс отдаст свое предпочтение. Кайлер обнимает меня одной рукой и снова начинает массировать мое плечо. Несколько его друзей с любопытством смотрят на нас, но Кайлер, похоже, не замечает, когда делает свой

следующий выбор. А я замечаю. Не только потому, что он прикасается ко мне, но и потому, что он прикасается ко мне на глазах у своих друзей.

Я, наверное, задерживаю дыхание на все время, пока команды делятся. Когда оказывается, что количество игроков не равно, у Уэса начинается припадок Королевы Драмы.

— Я тоже буду играть. — Девушка с длинными каштановыми волосами, заплетенными в косу сбоку, покидает трибуны и пересекает поле в нашу сторону. Она выглядит примерно моего возраста, но я не узнаю ее по школе. И в отличие от других девушек, прохлаждающихся в сторонке, она одета не в туфли на каблуках и платье, а в узкие джинсы и клетчатую рубашку поверх черной майки.

— Лили, иди, сядь на свою задницу, — рявкает на нее Уэс. — Ты не можешь играть в футбол.

Она показывает ему средний палец.

— Тогда ты тоже не можешь.

Уэс сердито смотрит на нее.

— Забей. Если ты хочешь играть, тогда играй. Но ты в команде Мейерса.

— Хорошо. Когда мы надерем тебе задницу, победа будет казаться намного приятнее. — Она надменно улыбается ему, затем подходит ко мне. — Привет, единственная девушка, достаточно сумасшедшая, чтобы играть, я Лилиан, но мои друзья зовут меня Лили. И, что ж, мой тупой брат тоже. — Она бросает неприязненный взгляд в сторону Уэса.

— Он твой брат. — Мне ее жаль. Этот парень чем-то напоминает мне мужскую версию Ханны. — Он кажется...

— Придурком, — заканчивает она за меня. — Да, это так. Но он ведет себя так со всеми, так что не принимай это на свой счет.

Интересно, почему, но я не спрашиваю.

— Кстати, я Изабелла. Ты можешь называть меня Иза.

— Иза. Мне нравится. — Ее улыбка такая широкая, что почти ослепляет. — Еще мне нравятся твои туфли. Совершенно убийственные.

Я думаю, она просто пытается быть милой, но жизнерадостность Лили сохраняется, когда мы начинаем игру. Либо девушка вдыхала веселящий газ до того, как приехала сюда, либо она один из самых по-настоящему счастливых людей, которых я когда-либо встречала.

На протяжении большей части игры мы с Лили занимаем позиции, которые не требуют много движений или участия. Хотя я и не была в восторге от игры, меня раздражает, что ребята берут верх.

— Ты делаешь что-нибудь классное на Хэллоуин? — спрашивает Лили, когда мы стоим в поле в ожидании чего-нибудь важного.

— Честно говоря, я на самом деле не думала об этом. — Обычно я только и делаю, что наряжаюсь, но в этом году я была сильно отвлечена другими вещами.

— Но ты же наряжаешься, правда? — Она оглядывает меня с головы до ног. — Ты выглядишь как человек, который наряжается.

— Это хорошо? — Интересуюсь, чувствую себя неуверенно.

Она кивает, все еще сияя улыбкой и солнечным светом.

— Это определенно хорошо. Многие люди думают, что они слишком взрослые, чтобы наряжаться, но я планирую делать это до конца своей жизни. Знаешь, это слишком весело — наряжаться во все наряды. Зачем отказываться от этого только потому, что общество

считает, что вы должны перестать веселиться, когда станете немного старше.

— Я полностью согласна. И да, я наряжаюсь, как правило, во что-то действительно шикарное, — признаюсь я. — Однако в этом году я была очень занята и не успела принять решение.

— Тебе можно выбрать стимпанк. Ты хорошо будешь смотреться.

— Ты так думаешь?

— О, да. Могу помочь тебе кое-что подобрать, если хочешь. Я знаю много магазинов, и я довольно хорошо шью.

— Эм... хорошо. — Я не хочу показаться нерешительной, но, учитывая, сколько раз Ханна позволяла мне думать, что у меня появился друг, только чтобы потом бросить это мне в лицо, я ничего не могу с собой поделать.

На крошечную долю секунды улыбка Лили исчезает.

— Или нам не нужно этого делать. Я просто подумала, что было бы здорово иметь товарища походить по магазинам, который наслаждается Хэллоуином так же сильно, как и я. Большинство не выносит моего энтузиазма.

— Нет, это круто. Я хочу пойти. — Я украдкой бросаю взгляд на трибуны. Многие девушки смотрят игру, но две знакомые Ханны уставились на меня, перешептываясь друг с другом. Интересно, дружит ли она с ними. Но разве это имеет значение, если она милая и все такое?

— Они тебе не нравятся, да? — говорит она скорее не как вопрос, а как факт.

Я снова переключаю на нее свое внимание и пожимаю плечами.

— Думаю, я им не нравлюсь. Ну, не всем из них. Но я не знаю их всех.

Она кивает, как будто все понимает.

— Те двое, что сидят наверху, довольно крутые. Они едут в UW с Уэсом и Кайлером. Трое, сидящие посередине, я понятия не имею, кто это, но они, похоже, действительно увлечены Кайлером. — Я, должно быть, корчу смешную гримасу или что-то в этом роде, потому что она добавляет: — Хотя можешь не волноваться. Кажется, ты ему нравишься.

Неужели меня так легко прочесть.

— Ты знаешь Кайлера?

Она бросает взгляд на поле, где Кайлер уворачивается от парней с мячом в руках.

— С тех пор, как мне было четыре.

— Действительно? Как?

— С тех пор, как он дружит с Уэсом.

Я никого из них раньше не видела.

— Вы, ребята, ходите в школу Саннивейл?

Она фыркает от смеха.

— Нет. Нам не так уж повезло.

Повезло? Что? Это не имеет смысла, поскольку Саннивейл — государственная школа.

— Что ты имеешь в виду?

Она морщится.

— Ничего особенного. Нам не посчастливилось пойти в среднюю школу, где есть такая отличная спортивная и художественная программа.

В школе Саннивейл, может быть, и приличная спортивная программа, но их художественной программы не существует. Единственные доступные занятия по искусству — это базовые занятия для начинающих, где вы учитесь рисовать фрукты в миске и тому

подобную общую чепуху. Однако я не обвиняю ее во лжи.

— Значит, ты тоже учишься в колледже? — спрашиваю я, хотя она и не выглядит достаточно взрослой, чтобы учиться в колледже, но очевидно, что тема средней школы для нее щекотливая.

— В этом году я должна была стать выпускницей, но закончила школу раньше. Я хотела начать занятия в UW в этом году, но... Моя мама подумала, что для меня было бы хорошей идеей взять отпуск на год и сэкономить немного денег.

— О. — Опять же, мне кажется, что она снова недоговаривает, но я не хочу давить. — Где ты работаешь?

— На самом деле у меня две работы. Одна в продуктовом магазине. — Она корчит гримасу. — И одна в магазине подержанных вещей. Но я не жалуясь, мы продаем много классных вещей и деньги платят неплохие. Мне попалась потрясающая старая пишущая машинка, которую я купила, и коктейльное платье 1940-х годов, которое мне досталось за десять баксов. Я собиралась надеть его на выпускной, но... — Она замолкает, на мгновение задумавшись. — Ты должна прийти к нам работать. Хозяин как раз подыскивает сотрудника. Это действительно веселая, легкая работа и было бы неплохо иметь кого-то классного рядом. Сейчас там, кроме меня, работает только мистер Белфорид, который однажды пришел на работу без штанов.

Я давлюсь смехом.

— В самом деле?

Она хихикает.

— Да, он уже довольно старый и запутался. Слава Богу, на нем были плавки, но была середина зимы, и он чуть не замерз до смерти.

После того, как наш смех стихает, Лили снова становится серьезной.

— Но серьезно, ты должна прийти к нам работать, — говорит она. — Мне нужен кто-то в здравом уме, с кем можно было бы потусоваться.

Раньше я не особо задумывалась об этом, но так как теперь я буду жить с бабушкой Стефи, мне определенно следует найти работу, чтобы я могла помогать.

— Знаешь что? Может быть, я так и сделаю.

На ее лице появляется улыбка. Я тоже начинаю улыбаться, когда слышу, как выкрикивают мое имя.

— Иза, принимай!

Мой взгляд устремляется вдоль поля как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кайлер бросает футбольный мяч в мою сторону. Я начинаю сходить с ума, когда мяч взмывает в небо и на меня налетает стадо парней. Конечно, я знаю, что это всего лишь футбол и они не могут справиться со мной, но смотреть, как они бегут на полной скорости, очень страшно. Сначала я подумываю о том, чтобы просто позволить мячу упасть на землю, но потом я вижу Уэса, стоящего в конце поля со скучающим видом, как будто он полностью убежден, что я его не поймаю.

К черту все это. Я сделаю тачдаун, просто чтобы исполнить потрясающий победный танец и бросить ему это в лицо.

Лили визжит и отскакивает в сторону, когда парни бросаются ко мне. Я бегу спиной вперед, не отрывая взгляда от мяча и держа руки перед собой. Еще немного. Еще немного. Еще... Он попадает прямо мне в руки.

Да! Я начинаю праздновать, но потом Кайлер кричит:

— Иза, беги! — и я понимаю, что мне нужно добраться до конечной зоны. Я разворачиваюсь и бегу изо всех сил, стараясь не обращать внимания на звуки тяжелых шагов, приближающихся ко мне. Секундой позже я переступаю черту. Тачдаун, детка!

Я бросаю мяч и танцую, пока Кайлер не поднимает меня и начинает кружить. Я даже не уверена, выиграли ли мы, но все это очень волнующе. Это могло бы оказаться довольно хорошим концом дерьмового начала дня, если бы в тот самый момент я не заметила темно-синюю машину, ехавшую как можно медленнее по дороге рядом с полем.

Я пытаюсь убедить себя, что это не та же самая машина, но потом я вижу наклейку Супермена на заднем стекле. Я почти уверена, что на машине, кружащей по парку, была такая же наклейка.

Кайлер опускает меня на землю и поднимает руку, чтобы дать пять.

— Видишь, довольно весело, правда?

Я рассеянно отбиваю своей ладонью по его ладони.

— Да, в некотором роде так и было.

— И игра окончена, так что ты можешь отпраздновать и это. — Он сияет от уха до уха, его обнаженная грудь блестит от пота.

Я стараюсь не таращиться, но украдкой бросаю несколько взглядов на его рельефные, четко очерченные мышцы.

— Все кончено?

Он смеется надо мной.

— Да, ты только что забила победный тачдаун.

— Святое дерьмо. Я потрясающая, — шучу я, но мой голос звучит ровно. Я, кажется, не могу начать праздновать, видя эту машину прямо там.

— Ты потрясающая. — Он обнимает меня за плечи. — И потрясающие люди заслуживают награды.

Запах его одеколona и пота проникает в мои ноздри. Я не уверена, нравится ли мне этот запах или нет. Может быть, немного того и другого.

— Я получу награду? — спрашиваю я и он кивает. — Какую?

Он обнимает меня, и мое сердце трепещет.

— Я приглашаю тебя на мороженое.

— Супер! — Я вскидываю в воздух кулак. — Я так голодна.

— Сейчас только попрощаюсь с ребятами и мы пойдем. — Он направляется через поле к своим друзьям, все еще обнимая меня одной рукой, не оставляя мне другого выбора, кроме как пойти с ним.

Я оглядываюсь через плечо на машину и хмурюсь, когда вижу, что она сворачивает на стоянку. Я почти ожидаю, что она резко остановится и из нее выскочит полицейский. Но все, что делает водитель, это на мгновение останавливается у машины Кайлера, прежде чем умчаться.

Так странно и жутко.

Даже если это может оказаться пустяком, мне нужно обязательно упомянуть о машине бабушке Стефи, на всякий случай.

Изабелла

Хотя забитый тачдаун казался эпичным, он не принес мне никаких безумно крутых очков в отношении с друзьями Кайлера. Я быстро понимаю, что не подхожу ни под кого из них, кроме Лили. Все, о чем вертится разговор между ними — это о большой игре на следующей неделе и о том, на чью вечеринку они идут сегодня вечером. Девчонки разговаривали друг с другом до тех пор, пока парни не упомянули о вечеринке, а затем все присоединяются к обсуждению, высказывая разные идеи. Как только все было распланировано, все разошлись в разные стороны до своих автомобилей.

Лили отвела меня в сторону, чтобы обменяться номерами и пока я отправляю ей сообщение, я замечаю необычайно красивую девушку, обнимающую Кайлера.

— Это Джесмин. Они встречались до того, как она бросила его ради какого-то парня постарше, — объясняет Лили, когда замечает, что я смотрю на них.

— Я не помню, чтобы они встречались. — Я подавляю ревность, когда Кайлер, кажется, не слишком торопится отпустить Джесмин из объятий.

— Это было летом и длилось всего около недели. — Лили засовывает телефон в карман рубашки. — Она тоже на пару лет старше, так что они проводили много времени на вечеринках в колледже и все такое, потому что она думала, что слишком крута для его друзей. По крайней мере, так говорит Уэс. Хотя, думаю, она справилась с этим, раз уж она здесь. Или, может быть, сейчас все в порядке, потому что большинство его друзей уже учатся в колледже.

Я вонзаю ногти в ладони, снова чувствуя себя сумасшедшей соседкой, которая по-дурацки влюблена в своего сексуального соседа.

— Вы двое, кажется, встречаетесь? — спрашивает Лили. — Потому что, если это так, ты, возможно, захочешь прекратить эти объятия.

— Нет, мы просто друзья. — Как только я это говорю, я понимаю, что это правда. Он может обнимать кого захочет, когда захочет. Это не похоже на то, что мы пара. Тем не менее, это не значит, что я не хочу идти туда, превратившись в голодного зомби. Ну, или пойти домой и съесть килограмм мороженого.

Наконец они отстраняются друг от друга, но между ними не так уж много места. Они склоняют головы, серьезно о чем-то разговаривая и он заправляет прядь волос ей за ухо.

Тьфу! Я не могу это вынести. Похоже на то, что я вернулась к исходной точке, и, если быть честной с самой собой, это своего рода отворот-поворот.

— Мне нужно позвонить, — говорю я Лили. — Я позвоню тебе вечером, чтобы узнать больше подробностей о работе.

Она улыбается мне, но в ее глазах читается намек на сочувствие.

— Хорошо. Круто. Позвони мне, поговорим о работе, хорошо?

Я киваю, машу ей рукой, затем иду к машине. На самом деле мне некому звонить, но я все равно набираю несколько контактов, надеясь, что кто-нибудь ответит. Никто этого не делает и у меня не остается другого выбора, кроме как залезть в машину и притвориться, что занимаюсь своими волосами. К счастью, Кайлер забирается внутрь всего через пару минут.

Его щеки пылают.

— Готова к поглощению мороженого?

Я киваю, хотя мне больше всего хочется поехать к бабушке.

— Конечно.

Он замолкает, вставляя ключи в замок зажигания.

— Что-то не так?

Я мотаю головой, протягивая руку через плечо за ремнем безопасности.

— Я просто устала. Играть в футбол утомительно.

Не похоже, чтобы он на это купился.

— Она просто друг.

— Хм?

— Джесмин. Я имею в виду, мы встречались какое-то время, но оба поняли, что не подходим друг другу. Ее отец скончался пару недель назад и я не смог пойти на похороны. С тех пор я увидел ее в первый раз.

— Ой. Ладно. — Я так растеряна. Зачем он мне это рассказывает? Потому что видит ревность на моем лице? Неужели по мне так заметно?

Он кладет руку мне на бедро.

— Ты мне нравишься, Иза. Очень нравишься. Извини, если я не ясно выразился.

— Нет... все ясно. — Боже, я говорю как сумасшедшая. Придумай, что еще сказать! Что-то потрясающе эпическое! — Эм... Ты мне тоже нравишься.

Не совсем потрясающе эпично, но это заставляет его улыбнуться.

— Хорошо. Теперь, когда мы это уладили, давай купим тебе мороженого, а потом вернемся на площадку. — Он покидает стоянку и выезжает с парковки задним ходом. — Я думаю, что у меня еще достаточно времени, чтобы еще раз надрать тебе задницу в бросках.

Я закатываю глаза, «как скажешь, приятель», но мое приподнятое настроение вылетает в окно в тот момент, когда мы выезжаем на дорогу, потому что эта чертова синяя машина выезжает прямо за нами.

Кай

Поездка в Мейплвью долгая и скучная. Я никогда не любил ездить на длинные расстояния в одиночку и обычно брал с собой кого-нибудь в попутчики. Включаю музыку, чтобы попытаться оживить обстановку, но, когда играет песня Кэти Перри, все, о чем я могу думать, это о том, как мы с Изой танцевали под нее, как я лизал ее шею, притворяясь, что это игра, а на самом деле просто хотел попробовать. Она шокировала меня до чертиков, когда лизнула меня в ответ, но я думаю, что она сделала это, потому что была пьяна. Будь она трезвой, я не уверен, что все пошло бы именно так.

Даже если бы Иза любила меня так, как я люблю ее, она никогда не была той девушкой, которая прямо заявляет о своих чувствах. Я видел, как она отвергала многое из того, что, вероятно, не следовало отвергать. Просто пожав плечами или опустив голову, она проводит много времени, притворяясь, что с ней все в порядке, даже когда это не так.

Я знаю это о ней с тех пор, как мы учились в седьмом классе. В самом начале нашей короткой дружбы. Все в школе знали, что она была одержима Кайлером, главным образом потому, что Ханна проболталась об этом всем, кто хотел слушать.

— Серьезно, ты должен прочитать ее дневник, — услышал я, как она говорила Кайлеру и компании их друзей во время обеда. — Кайлер то, Кайлер это. Кайлер такой замечательный. Я надеюсь, что мы когда-нибудь поженимся. У нее даже есть странный стих, написанный на одной из страниц, который выглядит как любовное заклинание или что-то в этом роде. Серьезно, она такая прилипала. — Потом она захихикала так противно, что мне захотелось выдернуть барабанные перепонки, лишь бы ее не слышать. И, конечно же, ее друзья присоединились, как стая подражающих гиен.

Кайлер сначала ничего не сказал, просто жевал свой гамбургер. Все его друзья молчали, ожидая, что он что-нибудь скажет. И я... Пока я сидел за одним столом, я никогда по-настоящему не участвовал в их разговоре. Я всегда был просто младшим братом Кайлера, с которым все были милы, потому что моя фамилия была Мейерс.

— Что ты имеешь в виду под любовным заклинанием? — наконец спросил Кайлер, откладывая свой гамбургер на поднос перед собой. — Она, типа, думает, что она ведьма?

— Да, она все время говорит об этом, — сказала Ханна, но я видел, что она лгала, так же, как она, вероятно, лгала о любовном заклинании и о том, что у Изы вообще был дневник — на самом деле она не была похожа на девушку, которая ведет дневник. — Она думает, что может проклинать людей и все такое. — Она пошевелила пальцами перед собой, хихикая. — Тебе лучше быть осторожнее, Кайлер. Она может наложить на тебя любовное заклятие и в следующее мгновение ты будешь целовать ее.

Кайлер заметно вздрогнул, но я могу сказать, что это было больше для вида, чем из-за того факта, что он напуган идеей поцеловать Изу. Я знал, что он иногда тусовался и играл с ней в баскетбол и пару раз я ловил его на том, что он пялился на ее балкон.

Хотя Иза и не пользовалась популярностью, она не была отвратительным зверем. У нее была чистая кожа; длинные каштановые волосы; и да, она была немного неуклюжей, но ее рост делал ее потрясающей в бросках по кольцу. Ее самая большая проблема заключалась в том, что она была очень неловкой и застенчивой в социальном плане. Кроме того, иногда

она одевалась очень странно, надевала футболки с супергероями и даже однажды плащ-накидку. И да, хотя я думал, что супергерои и комиксы — это круто, я знал, что лучше не рекламировать это всей средней школе. Хотя я действительно завидовал ее способности быть той, кем она была, в отличие от меня.

— Ни за что на свете я бы ее не поцеловал. — Кайлер бросил испуганный взгляд на стол, за которым Иза сидела одна, ела обед и читала книгу. — Это было бы хуже, чем целоваться с моей собакой.

— А ты знаешь, каково это? — Я даже не собирался произносить это вслух. Просто как-то само собой вырвалось.

Кайлер одарил меня своей дурацкой ухмылкой «ты-дерьмо, а я-нет».

— У тебя пунктик на фриков?

— Нет. — Это было одно слово, но оно казалось таким предательством. Я не защищал ее. Я вообще ничего не делал, только сидел и слушал, как они начали над ней смеяться. Я слишком боялся, что, если я заговорю, они будут смеяться надо мной. Это делало меня не лучше их, может быть, даже хуже.

Я общался с Изой, и да, хотя я и не заявлял всему миру, что она моя подруга, я все еще думал о ней как о подруге. Она знала обо мне больше, чем кто-либо из моих друзей. Она знала настоящего меня. И она заставила меня почувствовать, что я что-то значу, что я не просто младший брат Кайлера, который снова и снова разочаровывал своего отца.

С того момента все становилось только хуже, когда Ханна встала на свой стул и объявила всему кафетерии о том, что она только что сказала Кайлеру. Почти все расхохотались и уставились на Изу.

Я не засмеялся. Все, что я сделал, это наблюдал, как Иза быстро собрала свои вещи и поспешила из столовой, опустив голову.

Позже в тот же день, когда мы сидели в дупле дерева, я спросил ее, все ли с ней в порядке. Она просто пожала плечами, сосредоточившись на рисунке, над которым работала, изображающем женщину в плаще.

— Да, я в порядке.

Я зачихнул в рот пару чипсов, пытаюсь понять, так ли это на самом деле. Она выглядела так, словно ее ничто не беспокоило, но как это могло быть? Довольно отстойно, если все над тобой смеются.

— Ты уверена? — Я придвинулся к ней ближе. — Ты можешь сказать мне, если это не так. Я отличный слушатель.

Она сделала паузу и я подумал, что она собирается открыться мне, но потом она подняла глаза и улыбнулась.

— Что ты думаешь об этом рисунке? Говорит ли он «Я крутая стерва, которая спасет мир»? Или это звучит слишком «Я та еще сучка»?

Было обидно, что она не доверяла мне, но опять же, что я сделал, чтобы заслужить ее доверие? Вообще ничего. Я был не лучше всех остальных.

— Мне нравится, что она выглядит довольно крутой, — сказал я, надеясь, по крайней мере, заставить ее чувствовать себя хорошо из-за своего рисунка. — Кто она такая?

Иза пожала плечами и карандашом заштриховала накидку женщины.

— Я не уверена. Просто иногда вижу ее в своей голове. — Она замолчала, сжав губы. — Ты действительно думаешь, что она выглядит круто?

Я кивнул. — Как будто она собирается спасти мир от каждого придурка.

Она слабо улыбнулась, как будто мои слова действительно что-то значили для нее. Мне было приятно, потому что она редко улыбалась.

Но это чувство быстро исчезло, когда одна из моих так называемых подруг увидела, что я тусуюсь с ней. В тот момент у меня было два варианта: 1) Я мог бы отпустить ситуацию и, наконец, просто быть тем, кем я был, не скрываясь. Но это означало бы, что меня будут дразнить как сумасшедшего, а учитывая все, что происходило между мной и моим отцом, я не был уверен, что смогу с этим справиться. Или 2) Я мог бы солгать и выпутаться из ситуации, назвав ее преследовательницей, как это все время делала Ханна.

Я глупо и очень трусливо выбрал второй вариант и по сей день я все еще немного ненавижу себя за это. Может быть, я заслуживаю того, чтобы быть в том положении, в котором я сейчас нахожусь — сидеть здесь, пытаюсь заработать деньги, чтобы заплатить долг, который даже не мой, пока Иза находится в Саннивейле с Кайлером.

Эта мысль на самом деле подействовала на меня угнетающе, настолько угнетающе, что я включаю свой эмо-плейлист только для того, чтобы музыка соответствовала моему настроению.

Сорок пять минут и девять мрачных песен спустя я наконец-то въезжаю в Мейплвью. Город — крошечная точка на карте, даже меньше, чем Саннивейл, что говорит о многом.

После того, как я трижды объехал указанный квартал, не заметив парня в толстовке с капюшоном и кастетах, я начинаю беспокоиться, что он может не появиться. Тем не менее, я объезжаю квартал еще шесть раз, прежде чем заезжаю на парковку ближайшей заправки.

Я не знаю, что делать. У меня нет телефона, поэтому я не могу позвонить Большому Дугу. Он сказал, что, если я увижу кого-нибудь подозрительного, я не должен оставлять конверт. Но не то, чтобы я заметил кого-то странного, я вообще никого не видел.

Делаю еще несколько кругов по кварталу, который в основном состоит из нескольких заброшенных домов, заколоченного склада и заправочной станции. Опять же, я не вижу ни одного чертова человека, поэтому возвращаюсь на стоянку у бензоколонки и сижу в своей машине, пытаюсь понять, что делать.

Я беру конверт, переворачиваю его и тереблю наклейку, раздумывая, открывать его или нет. Я знаю, Большой Дуг сказал не делать этого, но, черт возьми, мне действительно любопытно, что может быть в этом конверте, что стоит всех этих хлопот.

Я провозился с наклейкой минуту или две, прежде чем положить конверт обратно, не открывая его. Если я хочу, чтобы мне заплатили за эту работу, то мне нужно следовать правилам.

Вылезаю из машины и направляюсь на заправку, чтобы узнать, разрешит ли мне кассир воспользоваться их телефоном. Но на полпути через парковку я понимаю, что Большой Дуг в быстром наборе под цифрой семь в моем телефоне и я не помню его номера.

— Черт. Что, черт возьми, я должен теперь делать? — Я ругаюсь себе под нос, разворачиваясь к машине.

Именно тогда я замечаю парня возле нее, в лыжной маске и с ломом в руках. Когда он поднимает лом, чтобы разбить окно, я бросаюсь к нему.

— Не смей, черт возьми! — кричу я на него.

Парень совершенно невозмутимо колотит ломом по окну. Стекло разлетается вдребезги, и он лезет внутрь, хватая конверт.

Я приближаюсь к нему, готовый надрать ему задницу. Но чем ближе я подхожу, тем больше понимаю, что чувак чертовски большой, как борец сумо. Я замедляюсь, когда

добираюсь до задней части своей машины, размышляя, как далеко я готов зайти. Конечно, я обещал Большому Дугу, что буду охранять конверт ценой своей жизни, но я не имел в виду это буквально.

Парень из сумо знает, что он тоже может надрать мне задницу, потому что он просто стоит там и ждет, когда я сделаю шаг.

Я останавливаюсь, сохраняя некоторое расстояние между нами.

— Я вызову полицию, если ты не вернешь мне это. — Конечно, у меня нет с собой телефона, но он этого не знает.

Клянусь, я слышу, как он смеется. Затем он внезапно шагает ко мне. Отступив назад, я замахиваюсь кулаком, чтобы ударить его, в то же время он поднимает лом на меня. Мои костяшки пальцев сталкиваются с его челюстью, когда металлический прут ударяется о мою щеку. И я встречаюсь с землей.

Он нависает надо мной, сжимая лом.

— Передай Большому Дугу, что его три попытки закончились, — рычит он, затем поднимает лом и бьет им по моей голове.

Я погружаюсь во тьму.

Изабелла

Купив мороженое, мы садимся в машину и едим его. Я пытаюсь быть супер веселой, но мои мысли витают повсюду. Я измотана, на взводе и уверена, что энергия бьет из меня через край. Несмотря на то, что темно-синяя машина не появлялась с тех пор, как мы подъехали к магазину мороженого, я не могу избавиться от ощущения, что она материализуется в любой момент. Даже чашка мороженого, которую я держу в руках, не помогает унять мои тревоги.

— Я все еще не могу поверить, что ты туда положила. — Кайлер смотрит на чашку мороженого в моей руке, его лицо сморщено.

Не могу сдержать улыбку, вспоминая взгляд, которым он одарил меня, когда я заказала клубничное мороженое с чизкейком, посыпкой, печеньем, мармеладными червяками и начинкой из шоколадного сиропа.

— Ты понятия не имеешь, что теряешь. Это так вкусно. — Я засовываю ложку в рот, чтобы доказать свои слова. — Мне потребовались годы, чтобы попробовать разные наполнители, и сделать правильный выбор, добившись идеального вкуса.

Его губы кривятся.

— Тебе потребовалось так много времени, чтобы собрать что-то, что выглядит так отвратительно?

Я показываю ему язык.

— Я пробовала и такие, которые выглядели намного хуже, например, когда я добавляла воздушные шарики и орехи в мороженое со вкусом сахарной ваты. Меня чуть не вырвало.

Он кривится в еще одной гримасе отвращения.

— Это звучит ужасно и все, что содержит сахарную вату, кажется мне отвратительным.

Мои глаза округляются.

— Тебе не нравится сладкая вата?

Он заметно вздрагивает.

— С тех пор, как мне исполнилось десять и я съел слишком много, прежде чем прокатиться на аттракционе.

— Дай-ка я угадаю. — Стараюсь не смеяться над тем, насколько серьезным он кажется по этому поводу. — Тебя вырвало?

— Ага. И поверь мне, когда я говорю, что, может, это и приятно на вкус, но не тогда, когда оно из тебя выходит.

— Мне придется поверить тебе на слово, но я не думаю, что это помешает мне есть сахарную вату или мороженое со вкусом сахарной ваты.

— Ты похожа на сумасшедшую. — На его лице появляется внезапное, почти задумчивое выражение. — Сумасшедшая девушка, которая делает тачдауны, как профессионал, и любит самое отвратительно выглядящее мороженое, которое я когда-либо видел.

— Эй, ты не можешь издеваться над мороженым, пока не попробуешь его. — Я зачерпываю еще одну ложку, медленно кладу ее в рот и преувеличенно стону. — Ммм... ооочень вкусно.

Он помешивает свое мороженое, его внимание приковано к моему рту.

— Когда ты так говоришь, это действительно выглядит аппетитно.

Я чувствую, как моя кожа начинает гореть. Я пытаюсь придумать что-нибудь кокетливое, чтобы сказать, но мой мозг отключается.

Он смотрит на мой рот еще пару секунд, прежде чем встретиться со мной взглядом. Он прикусывает нижнюю губу.

— Можно мне попробовать?

— Мороженое? — Мой голос звучит неестественно высоко.

Он сильнее прикусывает губу, сдерживая улыбку. — Конечно.

По какой-то причине я не думаю, что он имел в виду мороженое.

Делаю легкий вдох, собираясь с мыслями, прежде чем заговорить снова.

— Я не знаю. На самом деле это не для любителей. — Я мысленно даю себе пять за то, как легко и кокетливо звучит мой голос.

Он дразняще смотрит на меня.

— Ну же, дай мне попробовать. Я могу с этим справиться.

Я постукиваю пальцем по губам, притворяясь, что обдумываю это.

— О, прекрасно. Но если тебе это не понравится, не вини меня.

Он ухмыляется, наклоняется над консолью и открывает рот.

У меня пересыхает во рту. Ммм... Он хочет, чтобы я его покормила? Хотя Индиго научила меня кое-чему в флирте, у меня никогда не получалось это так легко, как у нее. Я всегда нервничала, даже с парнями, которых мы только встретили в клубе. А это Кайлер... Кайлер Мейерс сидит здесь и ждет, когда я накормлю его мороженым.

Стараясь, чтобы рука не дрожала, я зачерпываю ложку мороженого и подношу к его рту. Его глаза устремлены на меня, пока он ждет. Мое сердце трепыхается в груди, пульсирует, как песня с глубоким басом. Мой пульс учащается, когда его губы обхватывают ложку и он медленно слизывает мороженое.

Я слышала, как Индиго раньше использовала термин «эротично»: говоря о голосе парня, того, как кто-то танцует, или, как парень, который ей нравится, произносит ее имя. Но я не думаю, что когда-либо до конца понимала этот термин до сих пор.

Кайлер откидывается назад, облизывая губы, и его взгляд поднимается вверх, когда он позволяет вкусу проникнуть в его рецепторы.

— Итак, что ты думаешь? — Должно быть, у меня есть крестная фея, потому что каким-то чудом мой голос звучит ровно.

— Не так уж плохо. — Его губы растягиваются в улыбке, когда он крадет ложкой кусок моего мороженого. — На самом деле действительно вкусно. — Он слизывает мороженое с ложки, и снова в моей голове мелькает слово «эротично».

Я не уверена, как выглядит мое выражение лица, но что-то в нем заставляет Кайлера усмехнуться.

— Думаю, что в следующий раз, когда мы вернемся сюда, я могу взять чашку и для себя, — говорит он, дочиста облизывая ложку.

— О, да? — Я спрашиваю. В следующий раз. — Недостаточно храбр, чтобы придумать свое собственное наполнение?

Его губы приоткрываются в притворном шоке.

— Ты бросаешь мне вызов?

— Может быть. Я думаю, что единственный способ выиграть соревнование — это положить в него немного мороженого со вкусом сахарной ваты.

— Нет. Этого никогда не случится.

Я пожимаю плечами.

— Тогда, я думаю, ты проиграешь.

Он что-то обдумывает.

— Что бы я получил, если бы сделал это? Что бы ты мне дала, если бы в следующий раз, когда мы приедем сюда, я съел целую миску мороженого с сахарной ватой и любой начинкой, которую ты в него положишь.

— Этот вызов звучит опасно. Я действительно в восторге от начинок для мороженого.

— Я не спрашивал об опасных рисках, которым я подвергну свои вкусовые рецепторы. Я спросил, что бы я выиграл, если бы сделал это. Что бы я получил от тебя?

— Почему это должно быть что-то от меня? — Я ухмыляюсь. — Разве наградой не будет возможность съесть потрясающее на вкус мороженое?

Его глаза вспыхивают, но я не могу до конца расшифровать его реакцию, когда его губы растягиваются в усмешке.

— Нет, я определенно чего-то от тебя хочу.

Здесь становится очень, очень жарко.

Я запикиваю в рот еще одну ложку мороженого, обдумывая ответ.

— Хорошо. Чего бы ты хотел?

— Пока не знаю. Я определенно должен подумать об этом некоторое время и убедиться, что это что-то действительно, действительно стоящее.

— Хорошо, когда решишь, дай мне знать.

— О, я определенно это сделаю. — Он подмигивает мне, прежде чем откинуться на спинку сиденья.

Я позволяю медленному выдоху сорваться с моих губ. Мать всего горячего шоколадного сиропа, это был один из самых ярких моментов флирта, которые у меня когда-либо были.

К счастью, ради моей покрасневшей кожи, Кайлер переводит разговор на более нейтральную тему, когда его телефон звонит. Я думаю, что это сообщение, но потом он открывает календарь.

Он разочарованно вздыхает.

— И вот этот потрясающий момент настал.

— О чем ты?

— Напоминание о том, что мне нужно написать работу по английскому языку.

— Если тебе нужно высадить меня, ничего страшного, — говорю я, не желая причинять неудобства.

Он отмахивается от меня, откидываясь на спинку сиденья.

— Нет. Я могу сделать это завтра. — Его голова запрокидывается назад, когда он смотрит в потолок. — Боже, занятия — это убийственно. Это заставляет меня пожалеть, что я не ценил среднюю школу.

— На чем ты специализируешься? — Я выковыриваю кусок чизкейка из своего мороженого и отправляю его в рот.

— В этом году общая подготовка. Я мог бы в конце концов изменить это, но мой отец... Он хочет, чтобы я сосредоточился на спорте. — Его челюсти сжимаются и у меня возникает ощущение, что, возможно, Кай не единственный, у кого есть проблемы с отцом.

— А что насчет тебя? Ты бы хотел сосредоточиться на спорте?

— Думаю, да. У меня это хорошо получается, так что, наверное, стоит.

— Быть хорошим в чем-то не значит, что ты должен это делать, — указываю я. — Я

хороша в баскетболе, но на самом деле никогда не хотела выступать за команду. Это никогда не было моим увлечением.

Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Как у тебя это выходит? Я действительно хочу знать, потому что мне кажется, что я знаю тебя, но оказывается совсем не знаю.

— В этом моя особенность, — я барабаню пальцем по губе, — быть потрясающей, — шучу я, а затем вздыхаю. — Я действительно не знаю. — Мне неловко рассказывать ему о своей одержимости мангой и о том, как я люблю рисовать свои собственные комиксы.

— Ты любишь рисовать, верно?

Я киваю.

— Хотя это не художественные картины. Это нечто другое... комиксы и все такое.

— Это круто. — Он хрустит костяшками пальцев. — Кай какое-то время увлекался этим делом. У него на стенах висели все эти плакаты и прочее.

— Да, я знаю. — Прячу улыбку за кусочком мороженого. Хотя я знала, что Кай увлекается комиксами, я никогда не знала, что у него на стенах висели плакаты.

Он хмурит брови.

— Откуда ты знаешь? Не думал, что он когда-либо рассказывал об этом, даже своим друзьям.

— Еще в седьмом классе, когда мы немного дружили, тогда он мне и сказал.

— Вы двое тусовались вместе? Я никогда тебя не видел с ним.

— Это было после школы.

Похоже, он сходит с ума от этой новости. Я не знаю, почему. Это так странно, что Кай тусовался со мной? Да, мы были на двух совершенно разных социальных уровнях, но у нас много общего.

— Это не так уж странно, не так ли? — Я ловлю себя на том, что спрашиваю.

Кайлер выпрямляется на сиденье, качая головой.

— Нет, дело не в этом. Это просто... Я не знаю. Это просто удивляет меня. Я знаю, что вы, ребята, сейчас общаетесь, но не знал, что вы были друзьями с тех пор.

— С тех пор мы не были друзьями, — поправляю я его. — У нас была ссора, которая продолжалась почти до начала этого учебного года.

— Из-за чего произошла ссора? — он удивляется.

Эм, да, я ни за что не хочу рассказывать Кайлеру историю о том, как Кай назвал меня сталкершей, когда один из его друзей застукал нас вместе. Это слишком неловко и с учетом того, как сильно они ссорятся, я не уверена, как Кайлер отреагирует на эту историю.

— Я не знаю. — Пожимаю плечами. — Обычная драма в средней школе и теперь мы покончили с этим.

Он пристально изучает меня, словно пытаюсь разгадать мои мысли.

— Но вы двое просто друзья, так ведь?

На микросекунду я сбита с толку его вопросом. Небольшая пауза длится ровно столько, чтобы воздух между нами превратился в неловкую осязаемость.

— Да, мы просто друзья.

Он оценивающе смотрит на меня в течение продолжительного времени, прежде чем заговорить снова.

— Я все еще не думаю, что тебе стоит тусоваться с ним, пока он не соберется с мыслями. Ты слишком хороша для этого.

— Я не настолько хороша.

— Нет, это так.

Я хочу поспорить, но он, кажется, довольно непреклонен в этом.

— Итак, ты увлекаешься рисованием и комиксами, да? — Он размышляет над этой идеей. — Мне всегда было интересно, что ты рисовала, когда я видел, как ты сидела на балконе со своим блокнотом.

Я не утруждаю себя упоминанием о том, что я также рисовала его... без рубашки.

— Я занимаюсь этим с тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Это действительно расслабляет.

Его губы растягиваются в кривой усмешке.

— Ты должна как-нибудь показать мне кое-что из своих рисунков.

— Хорошо, — говорю я, хотя и не уверена, что он их увидит.

— И научить меня кое-чему из всего этого мира комиксов, — добавляет он.

Это заставляет меня улыбнуться.

— Я подумаю об этом, если тебе повезет.

— Лично я думаю, что мне и так уже очень повезло. Я ведь сижу здесь с тобой, не так ли? — спрашивает он с очаровательной улыбкой.

Я прикрываю рот, когда смех готов вырваться наружу. Однако он смеется и я не могу сдержаться.

Он хихикает.

— Знаю. Я хуже всех. Не знаю, почему я говорю такое дерьмо. Это просто приходит мне в голову.

— Может, тебе стоит перестать смотреть так много ромкомов, — поддразниваю я, накручивая кончик хвоста на палец.

Он указывает на меня пальцем.

— Я никогда не смотрю ромкомы.

— Ну-ну. Думаю, ты постоянно это делаешь, — поддразниваю я. — Держу пари, ты смотришь их и запоминаешь строчки.

Он сурово грозит мне пальцем.

— Не вынуждай меня снова тебя щекотать. Возьми свои слова обратно, иначе...

Я делаю большие глаза, сжимая губы и он ныряет ко мне, щекоча меня, пока я едва могу дышать.

— Ладно! Я сдаюсь, — выдыхаю я сквозь смех. — Ты не смотришь ромкомы.

Он откидывается назад, выглядя удовлетворенным.

— А теперь скажи, что покажешь мне свои рисунки.

Я киваю, переводя дыхание.

— Я покажу тебе все, что ты захочешь, только если ты перестанешь меня щекотать.

Он замолкает, на его лице появляется странное выражение. Мне требуется секунда, чтобы осознать то, что я только что сказала, но прежде, чем я успеваю почувствовать неловкость, он снова начинает говорить.

— Хорошо, больше никакой щекотки, — говорит он и его телефон снова вибрирует. Он вздыхает, глядя на экран. — И еще одно напоминание о том, что я должен подготовиться к тесту.

Я рисую сердце со стрелой, проходящей сквозь него, на запотевшем окне.

— Ты уверен, что тебе не нужно отвезти меня домой?

— Я сказал, что все в порядке, так и есть. — Он наблюдает, как я добавляю колючий узор вокруг сердца, как будто это самая захватывающая вещь на планете. — Так вот для чего ты идешь в колледж? Ради искусства?

Мои пальцы отлепляются от стекла, когда на меня обрушивается осознание.

— Я почти не думала об этом. — В основном потому, что моя семья никогда не затрагивала эту тему. Вопросы про колледж всегда задавали только Ханне. Что касается меня, то я должна была просто сидеть и слушать. Слушать и не быть услышанной — таковы были правила.

— Я уверен, что ты поймешь это, — говорит он. — У тебя еще есть время.

— Да, я знаю. — Внутри я схожу с ума. Художественная школа звучит потрясающе, но разве это не дорого? Где бы я взяла деньги?

Внезапно та работа, на которую Лили предложила мне подать заявление, кажется хорошей идеей.

Я по-прежнему погружена в свои мысли, когда Кайлер заводит машину и выезжает на улицу.

— Итак, что дальше в списке отвлекающих дел? Мы могли бы пойти в кинотеатр и посмотреть фильм, — говорит он, проезжая по главной улице. — Или еще сыграть, прежде чем мы пойдем тусоваться в дом твоей бабушки? Что бы ты ни выбрала, скажи, и дело сделано.

— Не слишком ли темно, чтобы играть в баскетбол? — Я помешиваю растаявшее мороженое, вглядываясь в темное посеревшее небо. На нем разбросана горстка звезд, и ярко светит луна.

— Да, может быть, — он включает подсветку. — Но я мог бы оставить фары включенными. Я думаю, что в парке есть фонари.

Каким бы потрясающим ни был Кайлер, события сегодняшнего дня постепенно заполняют меня. Я устала и беспокоюсь не только о том, что Линн и мой отец сделают со мной, но и о моем будущем. Мне отчаянно нужно поговорить с Индиго и бабушкой Стефи, двумя людьми, которые в значительной степени были моей единственной семьей. Кроме того, Кайлеру нужно быть в другом месте. Я слышала, как он планировал встретиться со своими друзьями на какой-то вечеринке позже вечером.

— Кайлер, я действительно ценю все, что ты для меня сделал, но это был такой напряженный день. — Я ставлю свою пустую чашку из-под мороженого, скрещиваю пальцы, чтобы это не прозвучало грубо. — Я просто хочу поехать к бабушке, если ты не против.

Он переключает дальний свет для автомобиля, едущего в противоположном направлении.

— Все в порядке. Я полностью понимаю. Это был действительно тяжелый день для тебя. Тебе, наверное, хочется расслабиться. — Он съезжает на обочину и разворачивается, направляясь в сторону Саннивейл-Бэй. — Не хочешь сначала где-нибудь остановиться и перекусить? Я подумал, может, мы могли бы посмотреть фильм или еще что-нибудь, когда приедем к твоей бабушке.

— А как насчет той вечеринки, о которой говорили твои друзья? Я не хочу, чтобы ты скучал. И тебе нужно подготовиться к учебе. У меня такое чувство, будто я краду все твое время.

— Вечеринка и учеба могут подождать. Честно говоря, мне все равно не хочется никуда идти и веселиться сегодня вечером. Мне нужно рано вставать на тренировку, а потом

провести вечер за написанием этой работы.

— Ты уверен, что не против остаться? Потому что я буду в порядке у своей бабушки, если ты захочешь просто подвезти меня.

— Иза, я уверен, так что перестань настаивать. — Его голос тверд, но глаза сверкают. — Кроме того, я подумал, может быть, мы могли бы посмотреть один из тех фильмов о зомби, которые ты любишь.

Я оживляюсь, откидываюсь назад и кладу ноги на приборную панель.

— Тебе нравятся фильмы про зомби?

На его лице появляется стыдливое выражение.

— На самом деле я никогда их не смотрел.

— Никогда? — Черт возьми, я не могу в это поверить.

Он пожимает плечами, выглядя как ребенок, которому только что сказали, что он не крут.

— Просто это никогда по-настоящему не было моим увлечением. Я больше увлекаюсь спортивными фильмами и прочим. Есть что-то вроде спортивного фильма о зомби?

— Я так не думаю. Но обещаю, что после сегодняшнего вечера ты больше не будешь девственником в фильмах про зомби. — О, Боже, я не могу поверить, что только что сказала что-то настолько грязное. Снова.

Мои щеки пылают, как чертово солнце. К счастью, в машине достаточно темно, так что я не думаю, что он это видит. Но я замечаю, как его губы подергиваются, как будто он изо всех сил пытается не рассмеяться.

Когда он говорит, его голос звучит грубее, чем обычно.

— Это звучит действительно интересно.

Я смеюсь, чтобы обдумать ситуацию, но у меня перехватывает дыхание. Чтобы удержаться от того, чтобы не сказать еще что-нибудь неловкое, я сосредотачиваюсь на решении, какой фильм облегчит ему маячащую одержимость зомби.

Пока я мысленно просматриваю свой любимый список фильмов о зомби, его телефон снова вибрирует. Он достает его из консоли, смотрит на экран, а затем морщится, прежде чем нажать «ответить».

— В чем дело? — говорит он в трубку. Он на мгновение замолкает, затем несколько раз говорит «да» и «нет», и, «может быть», один раз, прежде чем взглянуть в мою сторону. — На самом деле я сейчас немного занят. Может ли это подождать? — Он хмурится, кажется напряженным и немного раздраженным. — Ладно. Я сделаю это. — Он вешает трубку и бросает телефон на консоль. — Иза, мне неприятно так с тобой поступать, но мне нужно пораньше уйти. Это был один из моих друзей. Они сделали что-то довольно глупое и нуждаются в моей помощи, чтобы это исправить.

— Все в порядке. — Опускаю ноги на пол и сажусь прямо. — Я все равно немного устала. Я, наверное, засну в ту же секунду, как лягу.

— И все же я чувствую себя полным идиотом, что оставляю тебя одну... Я все исправлю. Обещаю. — Он делает паузу. — Как насчет марафона фильмов о зомби и ужина в следующие выходные?

— Тебе не обязательно это делать. Я все понимаю. Действительно...

Он прикладывает два пальца к моим губам.

— Я знаю, что не обязан, но я хочу.

Мое дыхание прерывается, когда его прикосновение вызывает странное покалывание во

всем моем теле. Его взгляд на мгновение скользит по моим губам, затем снова на дорогу.

Я хочу, чтобы мой голос звучал ровно.

— Как насчет того, чтобы пойти на компромисс? Один фильм о зомби и один спортивный фильм. Таким образом, я не отпугну тебя. Девственника в фильмах про зомби нужно осторожно окунуть в кровь.

Он улыбается, убирая пальцы от моего рта. Проводит кончиком пальца вниз по моему подбородку, шее и ключице, прежде чем положить руку на руль.

— Только если ты позволишь мне заплатить за ужин.

Мой пульс учащается, когда я киваю.

— Похоже, намечается свидание. — Я сразу же хочу взять назад свой смелый комментарий, задаваясь вопросом, не слишком ли я прямолинейна. Но Кайлер улыбается, выглядя вполне довольным, поэтому я решаю просто признать это.

Мы почти не разговариваем до конца поездки и не успеваю я опомниться, как мы сворачиваем в жилой комплекс.

Он паркует машину перед домом бабушки, когда я получаю текстовое сообщение.

Пока я роюсь в кармане куртки в поисках телефона, Кайлер настороженно оглядывает здание перед нами.

— Мне действительно ненавистна мысль о том, чтобы оставить тебя здесь одну.

Большая часть света во всех квартирах выключена, за исключением нескольких фонарей на крыльце. В субботу всего семь часов, но такое ощущение, что все уже в кроватях. Я бы списала это на время пожилых людей, но после встречи с некоторыми сумасшедшими друзьями моей бабушки Стефи, когда мы были в Европе, я бы не удивилась, если бы некоторые из них ходили в клубы.

— Со мной все будет в порядке. Обещаю. Но у меня действительно довольно хорошие боевые навыки, на всякий случай. — Я сжимаю кулаки и смеюсь, прежде чем провести пальцем по экрану своего телефона.

— Хорошие у тебя боевые навыки или нет, я все равно чувствовал бы себя намного лучше, если бы не оставлял тебя здесь совершенно одну. — Он не сводит глаз со здания, как будто ждет, что внизу произойдет что-то ужасное.

Индиго: Я получила твои и бабушки Стефи сообщения! Я сейчас дома! Где ты, черт возьми?

— На самом деле я не буду одна. Моя двоюродная сестра уже вернулась. — Я засовываю телефон в карман и открываю дверь. — Спасибо за все, Кайлер. Мне было очень весело. Если бы не ты, я, наверное, провела бы весь день в стрессе и съела бы тонну печенья.

Тихий смешок срывается с его губ.

— Хотя я думаю, что ты, вероятно, могла бы справиться с тем, чтобы съесть тонну печенья, я рад, что тебе было весело. — Он наклоняется вперед и его ладонь обхватывает мою щеку. — И спасибо, что поиграла со мной в футбол. Я знаю, тебе это до смерти наскучило, но, в конце концов, ты действительно надрала кое-кому задницу.

— Это не наскучило мне до смерти. Это просто... — я замолкаю, когда он наклоняется вперед и нежно целует меня в уголок губ, заставляя меня чуть не задохнуться от волнения.

Но я заставляю себя сохранять спокойствие и сосредоточиться на поцелуе, на его вкусе печенья и клубничного мороженого и его дыхании, пахнущим мармеладом. Так вкусно.

Мой желудок на мгновение сжимается, как на американских горках, но ощущение исчезает в мягком затишье, оставляя меня желать большего.

— Извини, я не смог удержаться. — Он откидывается на спинку сиденья со слегка растерянным, но довольным выражением лица. — Я позвоню тебе завтра, хорошо?

Я киваю, затем хватаю свои сумки и вылезая из машины. Он ждет, пока я скроюсь в здании, прежде чем выехать с парковки задним ходом, что я очень ценю, учитывая всю эту историю с синей машиной.

Через окно я наблюдаю, как он уезжает и отворачиваюсь только тогда, когда машина исчезает.

— Святое дерьмо, я не могу поверить, что это только что произошло, — говорю я себе, прислоняясь к стене. Я пытаюсь привести мысли в порядок. Хотя поцелуй был потрясающим, это было не то шоу фейерверков, которого я ожидала. Но опять же, он длился всего полсекунды.

— Что только что произошло? — спрашивает Индиго, выходя из коридора в клетчатых пижамных шортах и огромной футболке, проводя расческой по влажным каштановым волосам.

Я расслабляю руки, мои сумки соскальзывают и падают на пол.

— Кайлер только что поцеловал меня. Ну, вроде как поцеловал. Всего лишь уголок губ, так что я не уверена, считается ли это. — Я ожидаю, что у нее закружится голова от восторга, но она просто стоит и расчесывает волосы. — Это хорошо, — чувствую я необходимость сказать ей. Я плюхаюсь на диван, снимаю резинку и провожу пальцами по спутанным волосам, чувствуя себя так, словно парю в облаках зефира. — Я мечтала, что это когда-нибудь случится.

— Я знаю. — Она кладет расческу на кухонный стол, затем садится в кресло напротив меня, поджимая под себя ноги. — Хотя это как-то не вовремя.

— Нет такой вещи, как неподходящее время, когда дело доходит до поцелуя Кайлера Мейерса.

— Иза... Тебя, по сути, только что выгнали из дома, указав, что твоя мама такая... Бабушка Стефи рассказала мне, что произошло сегодня. Мне неприятно это говорить, потому что я полностью за поцелуи, но, учитывая твое эмоциональное состояние, я не думаю, что какой-либо парень должен целовать тебя прямо сейчас.

— Я не настолько эмоционально неустойчива. — Но даже когда я это произношу, я чувствую дрожь внутри, сдерживаемую боль, пытающуюся взорваться. Я сглатываю, зная, что стоит только выпустить это, будет еще хуже. — На самом деле, это не так.

Она бросает на меня взгляд.

— Нет, ты просто пытаешься жить в стране отрицания.

— Я не живу в стране отрицания. Если уж на то пошло, я живу в стране, кто я, черт возьми, такая? — Я прикусываю губу, пока не чувствую вкус крови. — Послушай, я просто боюсь, что, как только я все это выплесну, я не смогу остановиться. Вчера... Когда Линн сказала, что моя мама умерла... Я чуть не потеряла самообладание. — Горячие слезы наворачиваются на мои глаза, и я пытаюсь сморгнуть их. — Если бы Кай не нашел меня... не знаю, что бы случилось.

— Кай нашел тебя? — Ее голова наклоняется набок, а брови опускаются. — Где? Когда? И как, черт возьми, ты вместо этого оказалась с Кайлером?

Вздыхнув, я сажусь и вкратце рассказываю ей обо всем, что произошло за последние двадцать четыре часа, включая жуткую машину, которая появлялась везде, куда бы я ни пошла.

— Ты думаешь, это были твои предки? — спрашивает она, когда я заканчиваю. — То есть Линн и твой отец... Извини. Я больше не знаю, как их называть.

Я ковыряю лак на ногтях.

— Я тоже.

Она барабанит пальцами по колену.

— А как насчет придурков, которых мы когда-то знали? — Легкая улыбка, которая касается моих губ, побуждает ее продолжать. — Или мы могли бы просто назвать твоего отца донором спермы, потому что он таковым и является. А Линн может быть сучкой с ботоксом, а Ханна...

— А как насчет сводной сестры из Ада?

— Больше подходит на Дьяволицу из Ада. Она даже не заслуживает звания сводной сестры. Может, она и родственница тебе по крови, но эта сука никогда не вела себя как старшая сестра. Никто из вашей семьи никогда по-настоящему не вел себя так, как твоя семья.

— Знаю. — Но, Боже, хотела бы я этого не знать.

Наматываю прядь волос на палец, думая о Большом Дуге и о том, что я еще ничего от него не слышала. — Я хотела бы узнать больше о своей маме... даже если она... — сдерживаю слезы. — Даже если она мертва, как говорит Линн, я все равно хочу узнать о ней больше. Что насчет ее родителей? Может быть, они все еще живы. А что, если у нее есть дети? Что, если у меня где-то есть сводный брат или сестра, о которых я даже не знаю? А что, если они, типа, милые и все такое? Что, если есть люди, которых я могу назвать семьей? — К тому времени, как я заканчиваю бессвязно болтать, у меня перехватывает дыхание, а глаза Индиго широко распахнуты.

Она моргает несколько раз, качая головой.

— Хорошо, во-первых, у тебя действительно есть семья: я и бабушка Стефи. Мы всегда рядом. Ты не одинока во всем этом. — Я открываю рот, чтобы сказать ей, что знаю это, но она прерывает. — И, во-вторых, мы собираемся докопаться до сути всей этой тайны твоей мамы. Нам просто нужно придумать план.

Я ковыряю ноготь большого пальца.

— На самом деле, уже есть парень, который этим занимается.

Она выглядит озадаченной.

— Кто?

Я пожимаю плечами.

— Просто парень, которого знает Кай.

Подозрение наполняет ее глаза.

— И откуда Кай знает этого парня?

— Это просто его друг.

— И чем занимается этот друг?

— Я не знаю. Может быть, ищет что-нибудь в компьютере. Не уверена. Я на самом деле не задавала слишком много вопросов, когда встретила его. — Я чешу руки, извиваясь под ее пристальным взглядом. — Почему ты так странно себя ведешь? Это не такое уж большое дело.

— Ты заплатила этому парню?

— Нет.

— Итак, позволь мне подытожить. Кай познакомил тебя с каким-то случайным парнем

с компьютером, который якобы собирается поискать информацию о твоей маме и сделать все это бесплатно? Потому что, позволь мне сказать тебе, что это звучит неправдоподобно и похоже, что в конце концов тебе придется за это заплатить.

— Это не так, — спорю я, не потрудившись упомянуть, что встретила Большого Дуга в домике у бассейна с действительно дорогим компьютерным оборудованием. — Он друг Кая. Я уверена, что именно поэтому он делает это бесплатно.

— Хммм. — Похоже, она не слишком убеждена. — Я думаю, что хочу поговорить об этом с Каем.

Я собираюсь сказать ей, что в этом нет необходимости — после всего, что Кай сделал для меня, последнее, чего я хочу, чтобы Индиго лезла к нему с расспросами, — когда мой телефон сходит с ума, неизвестный номер мелькает на экране, и я колеблюсь. Я не знаю, почему. Это не так уж странно, но, учитывая все, что произошло сегодня, я начинаю нервничать из-за неизвестности.

— Кто это? — удивляется Индиго, заплетая волосы в косу.

Мой палец зависает над кнопкой принять.

— Я не знаю этот номер.

Мы сидим в тишине, пока телефон звонит еще три раза, прежде чем переключиться на голосовую почту.

— Не знаю, почему я так нервничаю. — Кладу телефон на колени. Я так боюсь, что появятся копы и заберут меня отсюда. Каждый шум и неуместные вещи заставляют меня выпрыгивать из своей кожи.

— Бабушка Стефи позаботилась обо всей этой истории с полицией и она бы не сказала тебе, что сделала это, если бы она действительно не разобралась в ситуации.

— Знаю... но я не могу избавиться от ощущения, что у Линн есть что-то еще в рукаве и она просто ждет подходящего момента.

Тишина повисает между нами, пока мы обе обдумываем сказанное. Затем мой желудок издает громкое урчание, снимая напряжение.

Мы обе начинаем хохотать.

— Ты вообще ела сегодня что-нибудь? — спрашивает она, когда наш смех стихает.

Я кладу руку на свой изголодавшийся живот.

— Я съела немного мороженого. Но в этом-то все и дело.

— Я найду нам что-нибудь поесть. — Вместо того чтобы направиться на кухню, она подходит и обнимает меня. — Мне так жаль, что это происходит с тобой. И мне так жаль, что я не была рядом с тобой последние пару недель. Я дерьмовый друг.

— Тебе не нужно извиняться. — Я обнимаю ее в ответ. Иногда мне все еще кажется таким странным, когда меня обнимают. Взрослея в семье, где меня никто по-настоящему не любил, я редко — если вообще когда-либо — получала объятия. — Ты была занята работой и прочим.

— Я знаю, но все же... Я должна была найти время, чтобы встретиться, особенно учитывая все, через что ты прошла. — Она отступает назад. — Знаешь что? Завтра я не пойду на работу, а мы с тобой поедem в город и отправимся за покупками.

— Тебе не обязательно это делать. Я обещаю, я в...

— Не смей говорить, что ты в порядке. У тебя есть плохая привычка иногда так поступать.

— Как?

— Вести себя так, будто с тобой все в порядке, даже когда это не так.

— Я этого не делаю, — протестую я. — Посмотри, что я сделала вчера. Совсем потеряла голову. Ревела до тех пор, пока у меня не осталось слез.

— Наверное, потому, что ты держала их все эти годы в том доме, — говорит она. — Ты справлялась со всем этим дерьмом и никогда не жаловалась на это. Если бы я была на твоём месте, я бы давно сошла с ума.

— Может быть, я и сошла с ума давным-давно, — предполагаю я. — Может быть, поэтому я такая странная. Может быть, моя кнопка здравомыслия давным-давно сломалась.

— Может быть. — Она гладит меня по голове. — Но мы все равно поедим за покупками.

— Ладно. — Я беру трубку телефона, когда он сообщает мне, что у меня есть голосовая почта. — Ну, кто бы это ни был, он оставил сообщение. — Я набираю номер голосовой почты и грызу ноготь большого пальца, с тревогой ожидая, кто бы это мог быть, в то время как Индиго бродит по кухне, обеспокоенно глядя на меня.

«Привет, Иза, это Кай... Я предполагаю, что ты либо все еще занята Кайлером, либо не отвечаешь, потому что на твоём экране появился какой-то странный номер, но мне действительно нужно с тобой поговорить». Он делает паузу, и когда он снова говорит, напряжение звучит в его голосе. «Ладно... Думаю, я перезвоню через несколько минут. Надеюсь, ты ответишь».

Когда сообщение заканчивается, я вешаю трубку.

— Это был Кай.

— Что он хотел? — Она достаёт из шкафа коробку макарон с сыром и закрывает дверцу.

— Не знаю. — Я смотрю на свой телефон, желая, чтобы он перезвонил. — У него был странный голос, как будто он нервничал.

Мой желудок скручивается в узел. Что, если это как-то связано с Ти? Что, если у него неприятности? Или ещё хуже, что, если он в беде?

— Он сказал, что перезвонит? — Она переворачивает коробку, чтобы прочитать инструкцию на обратной стороне.

— Да. — Я не отрываю глаз от телефона. Давай, Кай. Просто перезвони.

Проходит несколько минут, но мой телефон продолжает молчать. Я просто уговариваю себя набрать номер, чтобы посмотреть, ответит ли Кай, когда телефон наконец звонит. Неизвестный номер высвечивается на экране, и я быстро отвечаю на него.

— Кай. — По какой-то причине я восклицаю так, как будто только что пробежала марафон.

— Привет, ты ответила. — На линии проносится облегченный выдох. — Я беспокоился, может быть, у тебя не было с собой телефона.

— Извини, что я не ответила, когда ты позвонил в первый раз. Я не узнала номер, и после такого странного дня у меня был... — Нет. Сейчас определенно не время вступать с ним в этот разговор. — Где ты? И с чьего телефона ты звонишь? Все в порядке? В сообщении ты казался взволнованным.

Он хихикает, и этот звук для моих ушей звучит как успокаивающая музыка.

— На какой из этих вопросов ты хочешь, чтобы я ответил первым?

— Ммм... Как насчет того, где ты находишься?

— В Мейплвью.

— Все еще?

Он тяжело вздыхает.

— Послушай, это долгая история, но, прежде чем я даже попытаюсь в нее вникнуть, мне нужно попросить тебя об одолжении.

— Что бы тебе ни было нужно, я готова. — После того, как Кай так много сделал для меня, я в неоплатном долгу перед ним.

Ему требуется секунда, чтобы ответить.

— Мне нужно, чтобы ты подъехала к дому Большого Дуга и сказала ему, что кое-что случилось, что я застрял в Мейплвью и ему нужно приехать за мной. Я бы позвонил ему, но у меня нет телефона и я не могу вспомнить его номер.

— Если тебя нужно подвезти, я могу приехать и забрать тебя, — ловлю себя на том, что говорю, даже не обдумывая свое решение.

— Ты имеешь в виду, что вы с Кайлером можете приехать и забрать меня, верно? Потому что я не хочу, чтобы он знал об этом. — В его тоне появляется ревность, заставляя меня чувствовать себя виноватой и немного смущенной.

Это потому, что он так сильно презирает Кайлера или это что-то другое? Одна вещь, которую я знаю наверняка, заключается в том, что дружить с Каем и ходить при этом на свидания с Кайлером будет довольно сложно, так как они совсем не ладят.

— Я уже не с Кайлером, — говорю я Каю. — Он высадил меня у дома бабушки Стефи некоторое время назад. Я сейчас с Индиго. И я уверена, что она позволит мне одолжить машину.

— Ох, да неужели? — говорит Индиго из-за плиты. Она всего лишь шутит, на ее лице читается любопытство.

— Все в порядке, — говорит он. — Большой Дуг может это сделать. Мне все равно нужно с ним поговорить.

— Ты уверен? Потому что я не против. — И это на самом деле так. Да, я устала и отчаянно нуждаюсь в душе, но он говорит так, словно у него проблемы, и я хочу помочь ему, как он помог мне. Когда он колеблется, я добавляю: — Если ты мне не позволишь, тогда я просто буду сидеть и беспокоиться всю ночь. Я, наверное, совсем не высплусь, а потом буду капризничать, когда Индиго завтра поведет меня по магазинам. В конечном итоге она больше никогда не пойдет со мной за покупками и я буду вынуждена вечно носить одну и ту же одежду, потому что я сама не умею ходить по магазинам, и, честно говоря, нахождение в магазине в одиночку меня немного пугает.

— В самом деле? — Похоже, его это забавляет.

— Эм, да. Это худшее место, где можно оказаться, если случится апокалипсис, — продолжаю я свою потрясающую историю. — Но, в любом случае, вся моя одежда в конечном итоге будет дырявой и мне придется ходить голой. Меня выгонят из школы из-за их политики «не быть голым на территории школы» и у меня не будет другого выбора, кроме как присоединиться к женскому монастырю и носить их мантии, потому что это будет единственный способ, чтобы я смогла достать себе одежду.

Его смех заполняет паузу.

— Монахиня, да? Потому что я не могу представить тебя монахиней.

— Вот именно. Вот почему ты должен позволить мне приехать и забрать тебя. — Мне нравится, что его голос звучит более расслабленно и что я сыграла в этом свою роль. Это заставляет меня чувствовать, что я сделала что-то правильно.

— Ты точно не против? — Он перепроверяет. — Потому что, честно говоря, я бы

предпочел, чтобы ты приехала за мной. Я сейчас немного зол на Большого Дуга.

Интересно, почему. Интересно, что случилось. Мне многое интересно, но я могу спросить его обо всем этом, когда заберу его.

— Ага. Я уже направляюсь к двери, — говорю я, стаскивая свою задницу с дивана. — Просто скажи мне, где ты.

Он диктует мне адрес и я набираю его в своем приложении для заметок. Затем я говорю ему, что буду там максимум через два часа и он благодарит меня по меньшей мере десять раз.

После того, как мы заканчиваем разговор, я иду на кухню, чтобы забрать ключи от машины у Индиго.

— Ты не против, если я одолжу машину?

Она выключает плиту и выливает воду из кастрюли в раковину.

— Бабуля Стефи надерет мне задницу, если я позволю тебе ехать одной в Мейплвью так поздно.

— Я сомневаюсь в этом. Она не такая строгая. Она позволила нам сбежать во время поездки. — Я застегиваю куртку, съезживаясь от огромного пятна грязи на ней. Я не переодевалась и не принимала душ со вчерашнего утра. Я могу только представить, как я сейчас выгляжу и пахну. — Кроме того, мне почти восемнадцать.

— Это не имеет значения. — Она кладет нераспечатанную коробку макарон с сыром в шкаф. — У тебя был тяжелый день и она не захочет, чтобы ты была одна.

И правда. Она так и сказала мне по телефону, когда я разговаривала с ней ранее.

— Итак, вот что мы собираемся сделать, — она вытирает руки полотенцем для посуды. — Я переоденусь во что-нибудь, пока ты поменяешь свою рубашку, потому что это грязное пятно сводит меня с ума. Если мне придется смотреть на него всю дорогу, я сама сниму ее с тебя и сожгу. — Она улыбается мне, так что я знаю, что она шутит. Ну, вроде как шутит, по крайней мере, насчет того, что сожжет одежду.

Пока она идет в свою комнату, я переодеваюсь в пару чистых джинсов, черную рубашку с длинными рукавами и надеваю свою любимую пару красных замшевых ботинок. Затем я спешу в ванную, чтобы умыться, почистить зубы и нанести немного дезодоранта. Я не утруждаю себя тем, чтобы посмотреться в зеркало. Я знаю, что это только вызовет у меня желание еще больше прихорашиваться, а на это нет времени.

— Готова? — спрашивает Индиго, просовывая голову в ванную.

Ее волосы завиты, и она нанесла немного блеска для губ и туши. На ней юбка, гольфы и кожаная куртка, а также сандалии-гладиаторы. Как, черт возьми, она умудрилась так одеться за пять минут, выше моего понимания.

— Ты же знаешь, что мы просто заберем его с заправки, верно? — Я бросаю настойчивый взгляд на ее наряд.

— Да, но мне нужно быть во всеоружии. Ты никогда не знаешь, когда столкнешься с любовью всей своей жизни. — Она идет по коридору. — Чтобы ты знала, у меня может спустить шина по дороге туда и когда я позову кого-нибудь на помощь, это может быть парень, в которого я должна влюбиться.

— Или парень, который собирается убить нас и похоронить в лесу, — говорю я, следуя за ней. — Ты знаешь, сколько фильмов ужасов начинаются таким образом?

Она закатывает глаза, забирая ключи, сумочку и телефон с кухонной стойки.

— Господи, Иза. Почему ты портишь мне удовольствие?

— Просто пообещай мне, что вызовешь эвакуатор, если у нас спустит шина. — Я открываю входную дверь. — Не будешь останавливать машины... — У меня вдруг возникает ощущение, что за мной наблюдают. У меня волосы встают дыбом, а сердцебиение учащается и мне становится дурно.

— Что такое? — спрашивает Индиго, выходя на крыльцо и запирая входную дверь. Мой взгляд скользит по парковке, зданиям, деревьям, улице.

— Ничего... У меня просто возникло странное чувство, что за мной наблюдают. Она бросает ключи в сумочку и застегивает ее.

— Хорошо, я думаю, что на некоторое время запрещаю тебе смотреть фильмы ужасов. Ты серьезно становишься параноиком.

— Дело не в этом. — Я чешу в затылке, пытаюсь понять, почему я так себя чувствую. Вокруг никого нет. Даже парковка почти полностью пуста. — Прости. Я думаю, что просто очень устала и эта синяя машина вывела меня из себя.

— Я все понимаю. И, как я уже говорила, когда бабушка Стефи вернется домой, мы расскажем ей о машине, но, честно говоря, думаю, что это либо Ханна, либо просто какое-то причудливое совпадение. Этот город слишком мал. Я все время вижу одни и те же машины и одних и тех же раздражающих людей.

Ха. Я даже не думала о том, что это Ханна, но после того, как она разозлилась из-за нашего с Кайлером общения, я бы не оставила это без внимания. То, что она может замышлять, это совсем другая история.

— Хотя у Ханны нет синей машины с наклейкой Супермена на ней, — замечаю я.

— Но она могла одолжить машину у кого-то из друзей.

— Да. Думаю, да. — Тем не менее, я не могу представить, что среди друзей Ханны кто-то водит машину с такой наклейкой.

— Перестань все переоценивать. — Индиго берет меня под руку и тащит к машине. — Давай же. Заберем твоего сладкого мужчину.

Я не поправляю ее насчет того, что Кай — не мой сладкий мужчина. Я просто следую за ней к машине и скрещиваю пальцы, чтобы у нас не спустило колесо.

Изабелла

К тому времени, как мы добираемся до Мейплвью, на часах уже почти десять. Индиго советует мне написать бабушке Стефи, чтобы та не взбесилась, когда вернется домой, а нас там не будет. Я посылаю ей сообщение, но она не отвечает.

— Она, наверное, еще в самолете, — говорит Индиго, стряхивая пепел от сигареты в окно. — Когда должен был приземлиться ее рейс?

— Не знаю. Хотя она сказала, что будет дома к одиннадцати.

— Надеюсь, что ее рейс не задержится. Иначе она вернется домой в плохом настроении. — Она замедляет машину, проезжая знак ограничения скорости. — На какой дороге эта заправка?

Я открываю приложение с заметками и сообщаю ей адрес.

— Я думаю, что это в восточной части города.

Она выбрасывает бычок в окно и сосредотачивается на дороге. — Этот город мертв. Ни один магазин не открыт, а сейчас только десять часов вечера в субботу.

— Мейплвью такой, — соглашаюсь я. — здесь еще тише, чем в Саннивейле.

Она хмуро смотрит на магазины, расположенные вдоль улицы. Все они закрыты, единственный свет исходит от фонарных столбов.

— Похож на город-призрак.

— В некотором роде так оно и есть. — Я ввожу адрес в приложение для карт, чтобы посмотреть дорогу. — Здесь, конечно, живут люди и все такое, но это такое место, где жители сделали что-то сомнительное или делают что-то сомнительное и не хотят, чтобы их нашли.

— Тогда почему Кай здесь?

— Он, вероятно, просто навещал кого-то. — Но я знаю, что это неправда. Он упомянул что-то о том, что Большой Дуг втянул его в эту историю. Я просто хотела бы знать, в какую передрыгу он попал. — Сверни прямо здесь. — Я указываю на уличный знак.

Индиго делает то, что я говорю, и сворачивает на боковую дорогу. Чем дальше мы едем, тем более живописным становится район: все меньше фонарных столбов вдоль улиц, магазины превращаются в заколоченные склады, и люди, группирующиеся в тупиках улиц, делающие Бог знает что. К тому времени, когда я замечаю заправку, я готова схватить Кая и сказать «прощай» этому городу.

— Вот его машина. — Я указываю на нее, отстегивая ремень безопасности.

Она заезжает на стоянку и паркуется рядом с машиной Кая. Именно тогда я замечаю, что стекло со стороны пассажира разбито, капот помят, а фары все в трещинах.

Глаза Индиго практически вылезают из орбит, когда она смотрит на состояние машины Кая.

— Он попал в аварию?

— Понятия не имею. — У меня начинается паника. Что, если он ранен?

Я выскакиваю из машины и не останавливаюсь, даже когда Индиго кричит мне, чтобы я подождала минутку. К тому времени, когда я распахиваю дверь и, спотыкаясь, вхожу на заправку, я нервничаю, у меня дикие глаза и я пытаюсь отдышаться.

Мой взгляд скользит по заправке. Я замечаю Кая, сидящего за стойкой и играющего в покер с пожилым мужчиной, на котором рубашка на пуговицах с логотипом заправочной станции.

— Мне кажется, ты жульничаешь, — говорит Кай мужчине, глядя на карты, которые он держит в руках.

— Перестань ныть и делай ставку, — ворчит старик, — пока я не заставил тебя ждать снаружи.

Кай добавляет несколько красных фишек для покера в небольшую стопку в центре стола.

— Да, да, ты говорил это, наверное, раз двадцать.

— Ну, на этот раз я серьезно, — рычит он. — Что у тебя есть? Держу пари, ничего.

— Ха! — Кай раскрывает свои карты. — Фулхаус... — Он замечает меня. — Привет, ты здесь.

— Конечно, я здесь. — Я улыбаюсь в ответ, но моя улыбка меркнет, когда я вижу синяки и ссадины на его лице. Один его глаз так распух, что я задаюсь вопросом, может ли он видеть. Порез проходит вдоль линии его волос, на щеке засохшая кровь, а губа припухла. — Святое дерьмо, Кай! Что случилось с твоим лицом?

— Что? Разве он не всегда так выглядит? — спрашивает старик, ухмыляясь Каю. — Это та девушка, о которой ты болтал, что влюблен?

Ммм... Что?

Кая, кажется, не беспокоит то, что сказал мужчина, он ухмыляется, отодвигает стул от стола и встает.

— Перестань втягивать меня в неприятности, — говорит он мужчине, а затем поворачивается ко мне. — Я объясню тебе, что с моим лицом, в машине.

— Хорошо. — Я не спускаю с него глаз, пока он обходит прилавок, пытаюсь определить, не ранен ли он где-нибудь еще.

Пятна крови усеивают его серую рубашку с длинными рукавами и джинсы, и его лицо выглядит ужасно, но, кроме этого, я больше ничего не вижу.

— Ты в порядке? Ты еще где-нибудь пострадал?

— Опять ты со своими вопросами. — Он цокает на меня, кажется, в странно хорошем настроении, учитывая, каким избитым он выглядит. — У тебя всегда их полно.

Я скрещиваю руки на груди.

— Ты звонишь мне с неизвестного номера, просишь меня приехать в Мейплвью на случайную заправку в глуши, и твоя машина вся в беспорядке, не говоря уже о твоём лице, так что вопросы сейчас совершенно оправданны.

В его глазах искрится веселье.

— У меня неприятности?

Мне приходится очень сдерживаться, чтобы казаться сердитой.

— Да. По крайней мере, до тех пор, пока ты не объяснишься.

Он закусывает губу, но на ней небольшая рана, и он морщится.

— Ты накажешь меня, если я этого не сделаю?

Я чувствую, как румянец заливал мои щеки.

— Как ты можешь шутить прямо сейчас, когда твое лицо выглядит так, будто ударилось о камень и не один раз?

— На самом деле, это был чувак размером с сумоиста и лом. — Его плечи поникли. —

Послушай, я знаю, что облажался, но шутки — это единственное, что удерживает меня от потери самообладания.

Его честность сбивает меня с толку. Обычно Кай шутит обо всем и почти никогда не признается в своих истинных чувствах.

— Нам нужно что-нибудь купить, прежде чем мы уедем? — Я оглядываю магазин. — Может быть, пластырь или пакет со льдом?

Он прижимает ладонь к щеке, как будто ему больно.

— Пакет со льдом звучит неплохо.

— Ладно, тогда я кое-что захвачу и встречу тебя у машины. — Я направляюсь в заднюю часть магазина.

Он плетется за мной по проходу.

— Меня только что ограбили прямо на улице и это было среди бела дня, так что я не позволю тебе бродить одной, когда стемнело.

Я открываю дверцу морозилки и беру бутылку воды.

— Ограблен борцом сумо?

— Знаю, звучит безумно, но это действительно произошло. — Он отключается, выглядя так, словно сам не совсем в это верит. — Я отошел от своей машины секунд на пять и тут появляется этот парень, разбивает мое окно, крадет... кое-что из машины, а затем бьет меня по голове ломом. Я отключился, а когда проснулся, моя машина была вся разбита. Он даже уничтожил аккумулятор и порезал шины. Тупой сумасшедший ублюдок.

Сразу несколько мыслей проносятся у меня в голове, но самое главное, что бросается в глаза:

— Он ударил тебя по голове ломом? — Я тянусь к его голове. — У тебя сотрясение мозга?

— Я не уверен. — Он щурит глаза, когда мои пальцы касаются линии его волос. — На что похоже сотрясение мозга?

— Не знаю. У меня никогда такого раньше не было. — Хорошо. Теперь я действительно начинаю беспокоиться. — Я думаю, мы должны отвезти тебя в больницу.

— Нет, — твердо говорит он. — Никаких больниц. Никаких врачей. Мои родители не должны знать об этом.

— Они узнают, когда ты появишься в таком виде, — я указываю на его лицо.

Он прикасается к уголку глаза и морщится.

— Знаю, что это плохо, но я не могу им сказать. Они уже... мой отец... Я не поеду домой. Я просто переночую в доме Большого Дуга или еще где-нибудь, пока мое лицо не заживет. — Кажется, он не слишком в восторге от этой идеи.

— Это может занять по меньшей мере неделю. Разве твои родители не разозлятся, если ты так долго не появишься дома? — Разве не так поступают нормальные родители?

— Им все равно, — говорит он. — Они будут рады, что меня нет рядом.

Я помню ту ночь, когда увидела, как отец Кая накричал на него и ударил. Мне было не по себе. Я задумываюсь, не поэтому ли он не хочет возвращаться домой. Возможно, он боится, что отец снова ударит его. И потом, Кайлер сказал в машине то, что его отец хочет, чтобы он занимался спортом. Очевидно, что он требовательный парень, полная противоположность моему отцу.

Я думаю о том, как боялась идти домой прошлой ночью, как Кай не ложился спать и смотрел со мной фильмы, и как мы в итоге заснули вместе на диване, когда я думала, что

вообще не смогу заснуть.

— Ты можешь остаться со мной, если тебе нужно.

— В доме твоей бабушки?

— Она не будет против. Она милая. Она, вероятно, заставит тебя спать на диване, но он довольно удобный. И она готовит завтрак по утрам.

Когда он обдумывает мое предложение, на его лице проносится ряд эмоций: нерешительность, замешательство, благодарность и, в конечном счете, веселье.

— Ты будешь спать со мной на диване?

Я закатываю глаза.

— Нет. Ты должен быть большим мальчиком и спать один.

Он выпячивает губу, надувшись.

— Но я спал с тобой на диване. Разве это не значит, что ты должна отплатить мне тем же?

Я сжимаю губы, чтобы не улыбнуться и не подбодрить его еще больше.

— Я отплачу за услугу в другой раз. Моя бабушка крутая и все такое, но не настолько.

Ухмыляясь, он протягивает руку и проводит пальцем по кончику моего носа.

— Я собираюсь убедиться, что ты сдержишь свое слово.

От его прикосновения я чувствую себя так, словно проглотила стайку очень живых, очень возбужденных бабочек. И все это от одного гребаного прикосновения.

Боясь, что мой голос будет дрожать, я ничего не говорю и обыскиваю магазин в поисках пакета со льдом. В итоге я останавливаюсь на стакане со льдом и беру пару салфеток, чтобы вытереть кровь. Пластыри никуда не годятся, поэтому я беру пару шоколадных батончиков и содовую, надеясь, что небольшой прилив сахара поможет ему почувствовать себя лучше.

После того, как мы расплачиваемся, он машет на прощание кассиру, а затем мы направляемся к машинам. Кай достает из своей машины тонкую папку и куртку, прежде чем скользнуть на заднее сиденье машины бабушки Стефи.

Индиго поворачивается на сиденье, смотрит на его лицо и у нее отвисает челюсть.

— Ого. Ты выглядишь дерьмово.

— Ну и дела, спасибо, — сухо говорит он, а затем вздыхает. — Но серьезно, спасибо, что приехала и спасла мою жалкую задницу. Это было действительно круто с твоей стороны.

— Не беспокойся. — Индиго заводит двигатель. — Ты в порядке?

— Теперь да. — Он ерзает, откидываясь на спинку сиденья. — Я думаю, что это сиденье сломано. — Он протягивает руку и возится с защелкой, откидывая спинку сиденья вперед и заглядывая в багажник. — Твоей бабушке действительно нужно это исправить.

— Она не будет, — говорю я, опускаясь на сиденье рядом с ним. — Она скажет, что он старый и у него есть характер, и что починка только его испортит.

Кай откидывает сиденье назад, его взгляд останавливается на мне.

— Тебе не обязательно сидеть здесь со мной. Я обещаю, что смогу посидеть в одиночестве пару часов, не попадая в неприятности.

— Ничего не знаю. У тебя талант к неприятностям. — Ставлю сумку с покупками на пол и закрываю дверь. — Я попытаюсь очистить твое лицо, хорошо?

— О, моя личная шаловливая медсестра. — Он прижимает руку к груди. — Я всегда мечтал об этом.

Индиго хихикает, выезжая со стоянки.

— Я и забыла, какой он милый.

— Не поощряй его, — предупреждаю я ее. Обращаясь к Каю, я говорю: — Я не твоя шаловливая медсестра. Я просто пытаюсь перевязать тебя, а потом проверить, нет ли сотрясения мозга.

Он потирает губы, подавляя улыбку.

— Не порти мне веселье. Прямо сейчас я представляю тебя в обтягивающем, коротком белом халате. — Его взгляд скользит вверх по моим ногам. — В чулках, которые скрывают твои длинные ноги. Кстати, тебе бы пошло.

По моей коже пробегают мурашки, но я быстро отмахиваюсь от них. Не знаю, радоваться ли, что он в хорошем настроении, несмотря на все происходящее, или беспокоиться, что, возможно, это сотрясение мозга заставляет его так себя вести.

— Откинься на спинку сиденья, — инструктирую я, доставая салфетки и воду. — Я смою кровь с твоего лица. Затем ты можешь прижать одну из бутылок содовой к щеке, пока я буду искать в Интернете информацию о сотрясениях мозга. Что бы ты ни делал, только не засыпай. Кажется, я помню, как читала что-то на уроке здоровья о необходимости бодрствовать после сотрясения мозга.

Он надувает губы.

— А что, если я все же устану?

Я тычу в него пальцем.

— Мне все равно, устал ты или нет. Держи глаза открытыми. Если я увижу, что они начинают закрываться, я тебя ущипну.

Он поднимает руку, чтобы прикрыть рот и скрыть улыбку.

— Ты такая милая, когда командуешь.

Я осторожно втягиваю воздух через нос, стараясь оставаться безразличной. Но я не могу не думать о Кайлере и о том, как сегодня утром он назвал мои веснушки милыми. Хотя я знаю, что Кай просто дурачится со мной, мне все равно неудобно, что они оба называют меня милой в один и тот же день.

Успокоив дыхание, я откручиваю крышку с бутылки с водой и выливаю немного на салфетку.

— Итак, ты собираешься рассказать мне, что ты делал в Мейплвью? — Я осторожно прижимаю салфетку к засохшему пятну крови на его щеке.

Он вздрагивает, но не двигает головой, не сводя с меня глаз.

— Я кое-что делал для Большого Дуга.

— Что это за «кое-что»? — Я осторожно провожу салфеткой по его щеке, медленно перемещая ее к линии подбородка.

— Просто кое-что.

— Что-то незаконное? Потому что у Мейплвью не самая лучшая репутация, ничего хорошего здесь не происходит.

— Ты осуждаешь меня? — Он прижимает папку к груди, как плюшевого мишку, и выглядит обиженным.

— Что? Боже, нет... Я просто беспокоюсь о тебе. — Я придвигаюсь к нему на дюйм ближе, прижимаю пару пальцев к его другой щеке и наклоняю его голову, чтобы смыть кровь с другой стороны его лица. — Этим утром, когда мы были в коридоре, ты начал говорить мне, что между тобой и этим парнем Ти происходит что-то плохое, но у тебя так и не было шанса закончить.

— Потому что Кайлер нас прервал, — ворчит он, хмурясь.

— Знаю. Я бы предпочла, чтобы он этого не делал. Я хотела... хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я в порядке. — Его пристальный взгляд так напряжен, так сосредоточен исключительно на мне, что мои пальцы дрожат. — Вы, ребята, провели вместе весь день?

Я неохотно киваю.

— Ну, примерно до семи.

— Что делали? — спрашивает он, на самом деле не похоже, что он хочет знать.

Я пожимаю плечами и включаю потолочную лампочку, чтобы получше рассмотреть порез у него на лбу.

— Немного поиграли в баскетбол. Потом пошли на поле и поиграли в футбол с его друзьями.

— Фу, — говорит Индиго и я понимаю, что она слушала весь наш разговор. — Футбол? Это то, чем вы, ребята, занимались весь день?

Мне немного не по себе от того, что она уделяет так много внимания нам с Каем. Индиго слишком наблюдательна, да и она питает слабость к Каю. Она твердо решила, что мы с Каем подходим друг другу, хотя она никогда не встречалась с Кайлером и очень прямо высказывает свое мнение.

— Все было не так уж плохо. Я даже забила победный тачдаун. — Я осматриваю лицо Кая, чтобы убедиться, что вытерла всю кровь.

Когда я склоняюсь над ним, он начинает перебирать пальцами мои волосы. Это движение, хотя и неуловимое, концентрирует все мое внимание именно там. Я начинаю осознавать, что его лицо находится в двух дюймах от моей шеи, тепло его дыхания щекочет мою кожу.

— Забила или нет, он все равно поступил отвратно, заставив тебя играть со своими друзьями. Они такие придурки и я знаю, что они плохо обращались с тобой в прошлом. — Он корчит гримасу. — Держу пари, что сейчас они были очень добры к тебе, как и Кайлер, потому что ты горячая штучка. Они даже не знают тебя, по крайней мере так, как знаю тебя я, — бормочет он, заикленный на игре с моими волосами. — У тебя такие мягкие волосы. Они напоминают мне шелк.

Я сажусь поудобнее, чтобы получше его рассмотреть.

— Я думаю, мне нужно проверить симптомы сотрясения мозга.

— Я в порядке, — настаивает он, откидывая голову на спинку сиденья и опуская веки. — Совершенно... в порядке...

В панике я щипаю его за руку.

Его веки распахиваются и он пристально смотрит на меня.

— Ой. Это было больно.

— Я предупреждала тебя, что сделаю так. — Я достаю свой телефон. — Теперь держи глаза открытыми, пока я ищу.

— Да, босс, — бормочет он, кладя голову мне на плечо.

Индиго ловит мой взгляд в зеркале заднего вида, и, хотя я не вижу ее губ, я знаю, что она улыбается. Но мне не весело. Я начинаю беспокоиться. Кай ведет себя так, будто он пьян. Может быть, так оно и есть. Но я не чувствую запаха.

Мне требуется пятнадцать минут борьбы с пропадающей мобильной сетью, прежде чем я открываю нужную веб-страницу. Мне приходится трижды ущипнуть Кая, чтобы он не заснул, и каждый раз, когда он отвечает, в его словах становится все меньше смысла.

Замешательство — это симптом и он определенно в замешательстве. Когда я задаю ему вопросы о последних двух часах, он даже не может вспомнить, что играл в покер с кассиром на заправке.

— А как насчет того, что тебя избил тот парень? — спрашиваю я его. — Ты можешь вспомнить, что случилось потом?

— Да, я отключился на минуту, проснулся, позвонил тебе, потому что запомнил твой номер. — Он прижимает два пальца к виску. — Все это здесь, внутри. Каждая цифра врезалась мне в память... И я знал, что если позвоню тебе, ты поможешь мне, не осуждая меня. — Он гладит меня пальцами по щеке. — Ты такая милая. Слишком милая, честно говоря. Слишком хороша, чтобы быть со мной или с моим братом, или с кем-то еще. Никто этого не достоин.

В этот момент его прикосновения и бессвязная болтовня меня не смущают. У него явно травма головы и, хотя он не хочет ехать в больницу, я не уверена, что буду в порядке, если не возьму его с собой. Не зная, что еще делать, я звоню бабушке Стефи.

— Где ты? — спрашивает она, как только берет трубку.

— Разве ты не получила мое сообщение? — Я спрашиваю. — Я тебе отправила.

— Да, но это не значит, что я просто буду в порядке, вернувшись в пустой дом после всего, что произошло сегодня. — Похоже, она сошла с ума от беспокойства. — И я пыталась позвонить тебе кучу раз, но твой телефон продолжал переключаться на голосовую почту.

— Прости. — Мне жаль, что я заставляю ее волноваться. — Мы были в Мейплвью, забирали одного из моих друзей, которого нужно подвезти. Это случилось в последнюю минуту. Его машина... сломалась, и он застрял там.

— Ты сейчас направляешься домой? — спрашивает она, немного успокоившись.

— Да, у нас около пятнадцати минут... — я заикаюсь над своими словами, когда Кай ложится и кладет голову мне на колени. — Эм, да, мы примерно в пятнадцати минутах езды.

— Хорошо, — говорит она. — Мне не нравится, что ты отсутствуешь так поздно, особенно когда такое случилось.

Я думаю обо всех тех безумных вещах, которые она позволяла нам с Индиго делать, пока мы были за границей. Не имеет смысла, чтобы она беспокоилась о том, что мы сейчас задержимся допоздна.

— Происходит ли что-то, о чем я не знаю? Неужели мои родители действительно не согласны с тем, что я остаюсь у тебя?

— Что? Нет, — говорит она. — Иногда я могу не договаривать правду, но я бы никогда не стала откровенно лгать тебе.

Я хочу верить ей — и я действительно верю, — но, учитывая, что она позволяла мне верить, что Линн была моей мамой все эти годы, я не совсем уверена, что она на сто процентов правдива. Я также знаю, что она солгала бы мне, если бы думала, что защищает меня от чего-то. Но попытка поговорить с ней по телефону ни к чему хорошему не приведет и мне нужно сосредоточиться на проблеме, лежащей у меня на коленях прямо сейчас. Я легонько щипаю Кая за руку, так как он снова начинает засыпать.

— Бабуль, ты что-нибудь знаешь о сотрясениях мозга?

— А что? — осторожно спрашивает она.

Я объясняю ей, что на Кая напали и ударили ломом по голове, а теперь он отказывается ехать в больницу, потому что боится, что родители разозлятся на него. Когда она спрашивает, почему он так беспокоится, что его родители разозлятся на него, я не знаю, что

ей сказать.

— Разве он не должен был быть в Мейплвью? — спрашивает она. — Неужели его родители не знали, что он был там?

— Не знаю. — Я смотрю вниз на Кая, лежащего на боку, его лицо уткнулось в мои колени. У меня возникает безумное желание запустить пальцы в его волосы, сделать то же самое, что он делал со мной всего несколько минут назад. Однако я сдерживаю порыв, говоря себе, что у меня нет сотрясения мозга, поэтому у меня нет оправдания, чтобы прикасаться к нему вот так. — Я думаю, что он просто не очень хорошо ладит со своими родителями. Он беспокоится, что его отец разозлится на него за то, что машина испортилась и все такое.

— Похоже его отец тот еще мудака, — говорит она как ни в чем не бывало. — Если его ограбили, то это была не его вина.

— Его отец в некотором роде мудака. Он чем-то напоминает мне Линн, только не настолько. Он просто злой, злой парень. — Бедный Кай. Я рассеянно провожу несколькими пальцами по его волосам, но затем быстро отстраняюсь. Тпру. Что я делаю?

— Не останавливайся, — бормочет он, беря мою руку и водружая ее себе на голову. — Это так приятно.

Я неуверенно смотрю на свою руку. Должна ли я это делать? Разве это не странно?

— Просто сделай это, — настаивает Индиго. — Он, вероятно, не вспомнит об этом утром, так что вам не придется беспокоиться о том, что все будет неловко, но он будет благодарен за это тебе сейчас.

Может быть, мне бы и не было неловко, но я провела день с его братом и позволила ему поцеловать меня в уголок рта. И что теперь? Я собираюсь сидеть здесь с Каем и играть с его волосами? Разве это не переходит черту? Но так как он ранен, я каким-то образом понимаю, что могу это сделать и слегка провожу пальцами по его волосам.

Они такие мягкие...

— Иза, что происходит? — говорит бабушка Стефи в трубку, пугая меня.

У меня вылетело из головы, что разговор еще не окончен.

— Ничего. — Нет, это определенно не так. — Что мне делать с сотрясением мозга? Как ты думаешь, с ним все будет в порядке, если я не отвезу его к врачу?

— Я не уверена. Я мало что знаю о сотрясениях мозга. — Она делает паузу. — У меня есть друг, врач на пенсии. Он живет в нескольких кварталах от меня. Давай я позвоню ему и узнаю, не спит ли он еще. Может быть, он сможет нам помочь.

Я откидываюсь на спинку сиденья, все еще запустив пальцы в волосы Кая.

— Спасибо, бабушка.

— Ты сможешь отблагодарить меня, доставив свою задницу домой. Я буду чувствовать себя лучше, когда ты будешь здесь.

Да, я тоже, но в основном потому, что я просто хочу убедиться, что с Каем все в порядке.

К тому времени, как я вешаю трубку, мы уже почти подъезжаем к жилому комплексу. Кай все еще держит голову у меня на коленях, когда мы сворачиваем на парковку, а я все еще расчесываю пальцами его волосы. Не знаю почему, но я начинаю находить это движение почти таким же успокаивающим, как и он.

— Кай, — шепчу я, когда Индиго выключает двигатель. — Мы на месте. — Когда он не отвечает, я говорю громче, наклоняясь ближе. — Кай, мы приехали к дому бабушки. Тебе

нужно встать, чтобы мы могли зайти.

Единственный ответ, который я получаю, — это тихий звук его дыхания.

— Кай. — Я щипаю его. Ничего. Паника. Паника. Паника. — Кай, ты должен проснуться.

— Я проснулся, — стонет он. — Так что перестань кричать.

Облегчение накрывает меня волной при звуке его голоса. — Давай же. Я помогу тебе выйти, но я не могу нести тебя.

Он перекачивается на спину, и его веки трепещут, когда он открывает глаза. Он моргает, глядя на меня, ошеломленный и сбитый с толку. — Где мы?

— У дома моей бабушки, — говорю я ему. — Помнишь, я сказала, что ты можешь остаться здесь.

Похоже, он понятия не имеет, о чем я говорю, но все равно садится. Он молчит, когда открывает дверь и, спотыкаясь, выходит наружу, на прохладный ночной воздух. Я спешу и выскакиваю, преследуя его, когда он бредет по траве, направляясь в неправильном направлении.

— Не туда. — Я хватаю его за руку и тащу в противоположную сторону.

Он следует за мной, оглядываясь по сторонам, и ведет себя странно тихо для Кая. Я не расслабляюсь, когда завожу его внутрь. Во всяком случае, я волнуюсь еще больше. При свете он выглядит намного хуже. Его глаза покрасневшие, выражение лица ошеломленное. К счастью, друг — врач моей бабушки — уже там.

Он немного старше, лет семидесяти, с волосами цвета соли и перца. Он кажется достаточно милым, когда говорит Каю сесть на диван, затем придвигает стул и задает ему ряд вопросов. Кай отвечает как можно лучше. Затем доктор проверяет его рефлексы. Я решаюсь упомянуть доктору, что, по-моему, Кай повредил ребра, чтобы он тоже их осмотрел. Я не утруждаю себя упоминанием о том, что это было вчера, потому что даже не хочу пытаться объяснить, почему Кая так сильно избили. Я не смогла бы, даже если бы попыталась, так как Кай еще не объяснил, что произошло.

— Я уверена, что с ним все в порядке, — пытается успокоить меня Индиго.

— Да, знаю. — Но я не знаю наверняка. Я уже ничего не знаю. Я становлюсь самой невежественной девушкой в мире. Изабелла Андерс, невежественная девушка, которая не знает, кто ее мать, которая играет с волосами парня после того, когда она вроде как поцеловала другого парня, которая так сильно волнуется, что ее сейчас вырвет.

Индиго предлагает мне немного печенья.

— Тебе нужно поесть.

Я хватаю горсть и засовываю их в рот, но почти не чувствую вкуса.

— Я буду чувствовать себя лучше, когда узнаю, что с ним все в порядке.

— Интересно, почему. — Ее обвиняющий взгляд сверлит дыру в моей голове, но я отказываюсь смотреть на нее.

После того, как доктор заканчивает, он встает со стула, обращаясь к бабушке Стефи.

— У него легкое сотрясение мозга и порез на голове, возможно, потребуется наложить пару швов. — Он смотрит на меня. — Я пытался ему это втолковать, но он уверен, что с ним все в порядке. У меня нет ничего, чтобы защитить его здесь, поэтому я предлагаю попытаться заставить его прийти утром. Что касается ребер, то, возможно, он сломал одно, но я мало что могу с этим поделать. Ему просто нужен будет покой. Он мог бы пойти и сделать рентген, чтобы подтвердить это, но на этом все.

Я киваю, но, учитывая, как непреклонно Кай настаивал на том, чтобы не ехать в больницу, я не думаю, что смогу его убедить.

Врач составляет список симптомов, на которые следует обратить внимание, и говорит, что, если у него появятся какие-либо признаки, немедленно отвезти его в больницу. Потом он собирает свои вещи и бабушка провожает его.

Взгляд Кая встречается с моим с другого конца комнаты, и он похлопывает по подушке рядом с собой.

— Иди, посиди со мной и погладь меня по голове. — Он выглядит лучше, чем в машине, но раны на его лице более заметны при свете.

Когда я колеблюсь, Индиго толкает меня локтем в спину, подталкивая вперед.

— Иди и позаботься о своем сладком мальчике.

Я бросаю на нее убийственный взгляд, но она только смеется надо мной.

Покачивая головой, я прохожу через комнату и сажусь на стул рядом с Каем.

— Тебе что-нибудь нужно? Доктор сказал, что ты можешь принять пару обезболивающих, но я думаю, что у моей бабушки найдется пакет со льдом в морозилке.

Он ложится и снова кладет голову мне на колени.

— Я просто хочу вот так полежать.

— У меня такие удобные колени? — шучу я, улыбаясь ему сверху вниз.

Он мотает головой вверх и вниз, глядя на меня снизу, такой серьезный и напряженный, каким он иногда становится.

— Лучше, чем подушка.

— Я сильно в этом сомневаюсь.

— Ха. Тогда ты явно раньше не отдыхала на своих коленях.

— Это вроде как невозможно.

— Может быть. — Он кладет руку на лоб, прикрывая глаза от света, и смотрит на меня. — Тогда тебе следует попробовать мои колени. Может быть, они такие же удобные.

— Но как мы можем знать наверняка? Не получится сравнить.

— Верно. Но я думаю, что мы должны, по крайней мере, попытаться. — Он начинает садиться, наверное, чтобы я могла лечь к нему на колени.

Я кладу руку ему на грудь и тяну его обратно вниз.

— Мы можем попробовать это завтра. Сегодня ты должен отдыхать.

— Обещаешь?

— Обещаю что?

— Что завтра ты положишь голову мне на колени.

Я думаю о том, как Индиго и доктор сказали, что Кай, возможно, мало что будет помнить о сегодняшнем вечере.

— Конечно.

Он улыбается мне.

— Ты такая красивая, когда серьезная, просто великолепная. Я уже некоторое время об этом думал.

Индиго давится смехом, выплевывая кусочки печенья на ковер.

— Он очарователен, даже когда совершенно не в себе.

Он довольно обаятелен, если вы спросите меня, но, хотя обычно он флиртует не так сильно, он никогда прямо не говорил мне, что я великолепна.

Не зная, что еще сказать, я провожу кончиком пальца линию вокруг пореза на его лбу.

— Ты должен послушать доктора и наложить швы. Он сказал, что у тебя может остаться заметный шрам, если ты этого не сделаешь, и на заживление уйдет больше времени.

Он отмахивается от меня.

— Шрамы — это круто.

— Но не на твоём лице.

— Ага. Это показывает, что ты крутой, что ты делал сумасшедшие вещи. И это помогает тебе вспомнить, когда ты делал эти сумасшедшие вещи.

— Ты действительно хочешь помнить все то безумие, что произошло сегодня?

Выражение его лица мрачнеет.

— Иза, я думаю, что я все испортил. — Он протягивает руку, обхватывает запястья и убирает мою руку от своего лица. Сначала я думаю, что это потому, что я причиняю ему боль, но потом он кладет ее на свою потрепанную, опухшую щеку и вздыхает. — С этим парнем Ти... с тем, что произошло сегодня вечером... с тем, о чем я тебе еще не рассказал...

Мой лоб морщится.

— Что ты мне еще не рассказал?

Его губы приоткрываются, глаза наполняются беспокойством, но, прежде чем он успеет что-либо ответить, входит моя бабушка. Она бросает один взгляд на меня и Кая на диване, а затем качает головой.

— Ладно, парень спит на диване, — объявляет она, указывая на коридор. — Иза, ты будешь спать в комнате для гостей. Можешь установить будильник, чтобы прийти и проверить его через пару часов. — Она хватается за ручку чемодан, прислоненный к стене возле двери. — Я пойду приму душ. Иза, прежде чем ты ляжешь в постель, нам с тобой нужно поговорить. — С этими словами она выходит из комнаты, волоча за собой чемодан. Индиго начинает открывать рот, но, прежде чем она успеет что-то сказать, бабушка кричит: — Индиго, дай Изе минутку поцеловать своего милого парня на ночь.

Индиго давится еще одним кусочком печенья, в то время как на моем лице отражается унижение. О, Боже, она что, серьезно только, что это сказала?

Мое смущение только усиливается, когда Кай хихикает.

— Она думает, что мы встречаемся, — поет он с закрытыми глазами, похоже, полностью увлеченный этой идеей. — И что я милый.

— Она так думает про всех, — говорю я ему, желая заползти в нору и умереть.

Его веки медленно открываются, и он щурится от света, фокусируясь на моем лице.

— Да, но неужели она думает, что каждый парень — твой бойфренд?

Я почти говорю: «Да, так и есть. Она говорила подобные вещи и при Кайлере». Слава Богу, мне удастся остановиться, иначе я бы сделала ситуацию еще более неловкой.

— Ты должен отпустить меня, чтобы немного отдохнуть, — говорю я Каю. — Я приду и проверю тебя немного позже.

Он протестующе хмыкает, но садится и позволяет мне подняться с дивана. Я иду к бельевому шкафу и достаю ему одеяло и подушку. К тому времени, когда я возвращаюсь, он уже крепко спит на боку. Я подсовываю подушку ему под голову, а затем накрываю одеялом, прежде чем уйти в коридор.

Индиго на кухне, достает содовую из холодильника. Она смотрит на меня, когда я прохожу мимо.

— Это было мило с твоей стороны. Любящая девушка так и сделала бы для своего парня.

Я хмуро смотрю на нее, но улыбаюсь, чтобы она знала, что на самом деле я не злюсь.

— Я не собираюсь просто оставлять его там без одеяла. Бабушкин дом становится очень холодным по ночам.

— Это потому, что у нее приливы жара. — Она открывает крышку банки с содовой. — Еще хуже, когда Гарри ночует у нас. Они вдвоем занимаются этим, как кролики, всю ночь, а потом выключают обогреватель, когда заканчивают, потому что им становится слишком жарко.

Я закрываю уши руками.

— СМИ. (2)

Она смеется, делает глоток содовой, а затем жестом приглашает меня следовать за ней, направляясь в свою спальню.

— Нам лучше поспать. Завтра мы все равно пойдем по магазинам, даже если ты будешь жаловаться, что слишком устала.

— Может быть, нам стоит поехать в следующие выходные, когда все успокоится.

— Нет. Я всей душой мечтаю о новой паре туфель и мое сердце всегда получает то, что хочет. — Она снимает резинку с запястья и скручивает волосы в беспорядочный пучок. — Кроме того, последнее, что тебе нужно делать, это сидеть в этом доме и думать о всякой ерунде. Тебе нужно выйти и подышать свежим воздухом — подышать воздухом, наполненным солнечными лучами.

— Хорошо, я пойду. — Я вздыхаю. — Но Каю, вероятно, придется пойти с нами, так как я сказала ему, что он может остаться здесь на некоторое время.

— Меня это полностью устраивает. Он кажется милым и веселым. Честно говоря, если бы он не был так влюблен в тебя, я бы, наверное, попыталась к нему подкатить.

Я чувствую легчайший укол ревности при мысли о том, что Индиго и Кай могли бы встречаться.

— Он не влюблен в меня. — Хотя, по словам капризного старика на заправке, так оно и есть. Но у Кая, вероятно, было сотрясение мозга в то время, пока он с ним разговаривал, и, вероятно, в этом не было большого смысла.

— Ты сейчас серьезно? — Она останавливается перед дверью своей спальни. — Потому что, если это так, то я явно ничему тебя не научила. — Она указывает пальцем в конец коридора. — Поверь мне, этот парень влюблен в тебя. Все, что он наговорил в машине... — На ее лице появляется эта обморочная, глупая улыбка. — Боже мой, что бы я отдала, чтобы парень сказал мне что-то подобное.

— У него сотрясение мозга. Он даже не понимал, что говорит.

— Он может не помнить, что он сказал, но его слова говорят мне, что он думал о тебе раньше: о том, что знал твой номер, о том, что никто не был достаточно хорош для тебя, о том, какая ты великолепная и удивительная.

Я смущенно ерзаю.

— Не думаю, что ты права. — Но в глубине души крошечная часть меня хочет, чтобы это было так. Я не знаю, что делать с этим чувством. Или стоит ли мне вообще что-то делать с этим.

— Конечно, ты этого не видишь, потому что выросла в гребаной семье, которая лишила тебя каждой унции уверенности. — Выражение ее лица смягчается. — Извини, я не хотела, чтобы это прозвучало так грубо.

— Ты не была грубой. Они испортили мне жизнь. Я осознаю это. — Я проглатываю

комок в горле и поворачиваюсь к гостевой спальне напротив спальни Индиго. — Мне, наверное, стоит приготовиться ко сну, а потом пойти и поговорить с бабушкой, иначе я не смогу уснуть.

Она вздыхает, но позволяет мне уйти. Когда я вхожу в комнату, я закрываю дверь и прислоняюсь к ней. Все, чего я хочу, — это лечь в кровать и заснуть, забыть об этом дне и о том, что произошло вчера. Но у меня такое чувство, что эти последние двадцать четыре часа откровений и стресса — это только начало.

После того, как я натягиваю майку и красные клетчатые пижамные штаны, я прохожу по коридору и стучу в дверь бабушки Стефи.

— Зачем ты стучишь? — кричит она. — Открывай дверь и затаскивай сюда свой зад.

Я поворачиваю дверную ручку и вхожу. Она сидит в изножье кровати, одетая в пижамный костюм. Горит лампа, а дверь в смежную ванную комнату открыта, позволяя задерживающемуся пару увлажнять воздух.

— О чем ты хотела со мной поговорить? — Я спрашиваю. — Это из-за того, что Кай спит здесь? Потому что я не думала, что это будет так уж важно.

Она отмахивается от меня, похлопывая по месту рядом с собой.

— Меня это не волнует. Хотя мне любопытно, как ты оказалась с ним, когда сказала мне, что была с Кайлером сегодня днем.

— Это долгая история, — говорю я, зевая. — Я рада, что ты не против, если Кай останется здесь хотя бы потому, что я вроде как сказала ему, что он может рассчитывать на диван на неделю.

— Я похожа на управляющую отелем?

— Извини. Я знаю, что это много — принять меня, Индиго и позволить ему жить здесь, — но он не хочет возвращаться домой, пока его лицо не заживет и я не хотела бы, чтобы он стал бездомным.

— Ему больше негде остаться?

Я пожимаю плечами, не желая лгать ей, но и не желая говорить правду. По какой-то причине, а я действительно не могу объяснить почему, мне не нравится мысль о том, что Кай будет ночевать у Большого Дуга. Может быть, это потому, что то, ради чего он был в Мейплвью, имело какое-то отношение к Большому Дугу. Или, может быть, это потому, что я даже не знаю, где живет Большой Дуг. Единственный раз, когда я встретила его, был в том захудалом домике у бассейна, и мысль о том, что Кай будет спать там, выводит меня из себя.

— Мне все равно, останется ли он здесь, главное, чтобы он спал на диване, а ты спала в спальне. — Она бросает на меня строгий взгляд.

Что, по ее мнению, может произойти?

— Ты же знаешь, что он просто друг, верно?

— Друг или нет, я все равно не хочу, чтобы вы двое соприкасались. Он выглядит как парень, который мог бы это сделать.

— Он не так плох, как кажется. У него просто была тяжелая ночь. Такое может случиться с каждым из нас. Прошлая ночь была тяжелой, и он был рядом со мной.

Она делает вопросительное лицо, скрещивает руки на груди и смотрит на меня сверху вниз.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он был рядом с тобой? Ты ночевала у него дома прошлой ночью?

— Нет. — Ложь сквозит в моем голосе. — Ладно, ладно. Я сделала это, но ничего не

произошло. Мы просто смотрели фильмы, пока не заснули. Мне совсем не хотелось возвращаться домой.

— Ты могла бы позвонить Индиго, чтобы он приехала и забрала тебя, — говорит она. — Ты всегда можешь позвонить нам, Иза, несмотря ни на что.

— Я знаю это, но... — Пожимаю плечами, не зная, что еще сказать. — Кай помог мне успокоиться, и я не знаю... Я действительно не особо задумывалась о том, чтобы позвонить кому-нибудь еще.

— Хммм... — Она поджимает губы, внимательно изучая меня.

Ее пристальный взгляд заставляет меня нервничать. Какого черта она хочет выяснить?

— Что ж, я рада, что с тобой был кто-то рядом, — наконец говорит она. — Но с этого момента больше не проводи ночи с парнями, поняла?

Я салютую ей.

— Да, мэм. И спасибо, что позволила мне остаться здесь. И Каю. И за то, что позвонила своему другу-врачу и моим родителям. Правда, спасибо за все. Я обещаю, что заглажу свою вину перед тобой.

— Не волнуйся об этом, — она притягивает меня к себе, чтобы обнять. — Прямо сейчас все, чего я хочу, чтобы ты беспокоилась об окончании средней школы и о том, с каким парнем ты хочешь встречаться. Я знаю, кажется забавным встречаться не с одним, но поверь мне, когда я говорю, что это может быть довольно сложно.

Здорово. Теперь она вбила себе в голову, что я встречаюсь с Кайлером и Каем. Я могла бы поспорить с ней, но не вижу в этом смысла. Она просто будет продолжать говорить одно и то же, пока я не соглашусь с ней, а у меня есть более серьезные проблемы, о которых нужно беспокоиться.

— А мой отец. — Я откидываюсь назад, чтобы посмотреть на нее. — По телефону ты сказала, что его компания в беде. Что ты хочешь этим сказать?

— Не в курсе всей истории, но я знаю, что они делали сомнительные вещи и теперь компания находится под следствием. Я бросила это ему в лицо по телефону, потому что знала, что это напугает его настолько, что он отступит. Последнее, что ему нужно, — это чтобы полиция копалась в его личной жизни помимо его бизнеса. — Она гладит меня рукой по голове. — Я не хочу, чтобы ты беспокоилась об этом. Как я уже сказала, я просто хочу, чтобы ты сосредоточилась на том, чтобы быть обычным подростком.

— А как насчет моей мамы? Линн сказала, что она умерла, но я все равно хочу узнать о ней больше.

— Мы это сделаем. У меня есть друг, полицейский в отставке. Возможно, он знает, с чего мы можем начать.

— Ба, у тебя много потрясающих друзей, не так ли?

— Я говорила тебе. Эти пенсионные сообщества — то место, куда ходят все крутые ребята.

Мы обмениваемся улыбкой и объятиями, а затем она выпроваживает меня из комнаты, велев тащить свой зад в постель.

Но я задерживаюсь в дверях и сбивчиво рассказываю о машине, которую видела несколько раз.

— Что ты об этом думаешь? — спрашиваю я, заканчивая свой рассказ.

Ее лоб морщится, когда она качает головой.

— На самом деле я не знаю, дорогая. Возможно, это просто Ханна пытается издеваться

над тобой, как сказала Индиго, но я думаю, что мы должны держать ухо востро и быть предельно осторожными. Не уходи никуда в одиночку. Если ты увидишь ее снова, попробуй запомнить номер машины.

— Зачем? Ты хочешь попросить своего друга-копа пробить номера? — Я говорю не всерьез, поэтому меня удивляет, когда она кивает.

— Да. Я, определенно, сделаю это, — говорит она. — Если кто-то домогается тебя, я выслежу этого ублюдка или суку.

Я улыбаюсь в ответ на это.

— Люблю тебя, бабушка.

Она взбивает подушку, собираясь забраться в постель.

— Я тоже люблю тебя, милая. Я рада, что ты здесь.

Ее слова согревают мою душу.

Выхожу из ее комнаты, чувствуя себя лучше, чем сегодня утром. Прежде чем отправиться в комнату для гостей, я проверяю, как там Кай. Он крепко спит, откинув одеяло, бормоча что-то о ниндзя, надирающем кому-то задницу. Я хихикаю себе под нос над тем, как мило он выглядит, затем направляюсь в комнату для гостей и забираюсь в кровать.

Лежа там, пытаюсь заснуть, я говорю себе, что все будет хорошо, что мне просто нужно делать то, что говорит моя бабушка, сосредоточившись на том, чтобы быть подростком. Но на самом деле я знаю, что не смогу этого сделать, учитывая все происходящее.

Я боюсь, что никогда не узнаю, кем на самом деле была моя мама. Я боюсь, что узнаю, что Линн была права, что она была ужасным человеком и делала ужасные вещи и отдала меня отцу, потому что больше не хотела меня. Я сразу же понимаю, что может стать одним из моих самых больших страхов.

Что моя мать, возможно, никогда не хотела меня.

(2) — слишком много информации

Кай

Я просыпаюсь от запаха яичницы с беконом. Сначала я не могу понять, где, черт возьми, я нахожусь. Моя мама обычно готовила завтрак, но перестала, когда Кайлер закончил школу и перестал появляться на кухне.

— Бессмысленно готовить завтрак только для нас с тобой, — сказала она мне, когда я пожаловался на это. — И ты знаешь, как сильно твой отец ненавидит запах бекона.

Поэтому, когда запах бекона ударяет мне в ноздри, я думаю: «Подождите, где я, черт возьми?» Пока я лежу неподвижно с закрытыми глазами, мне удается осознать, что я на диване в доме, в котором, похоже, не работает обогреватель, и что человек на кухне — пожилая женщина, которая любит петь рэп 90-х годов, пока готовит.

— Что с тобой случилось в 90-х? — спрашивает девушка. Ее голос мне знаком, но я не могу вспомнить лицо.

— Эй, не издевайся над моей музыкой, — парирует пожилая женщина. — У всех нас есть свои греховные удовольствия, как у тебя эти глупые, маленькие ребусы, которые ты считаешь такими забавными.

Дерьмо. Я сделал что-то глупое прошлой ночью, например, пошел на вечеринку и отключился на чьем-то диване? Это похоже на то, что я бы сделал, но я не думаю, что это то, что я сделал, особенно когда я так беспокоился об Изе...

Обрывки и фрагменты возвращаются ко мне. Мейплвью. Удар по голове. Разбитая машина. Звонок Изе. После этого все становится расплывчатым, но я помню, как врач осматривал меня в доме бабушки Изы и как я играл с волосами Изы...

Я открываю глаза, медленно осознавая, где я нахожусь и почему у меня такое чувство, будто мою голову переехал грузовик.

— О, доброе утро, солнышко, — Индиго, двоюродная сестра Изы, приветствует меня с другого конца гостиной. — Чувствуешь себя лучше?

Я сажусь, морщась, когда мое тело протестующе стонет.

— Вроде того. — Я прижимаю палец к виску, когда моя голова пульсирует от боли, и меня одолевает головокружение. — Где Иза? — спрашиваю.

Сразу за ней у плиты стоит пожилая женщина, которую я раньше не встречал. Ее взгляд перемещается с кастрюль на меня.

— Моя прекрасная внучка в постели, еще спит, и мы дадим ей поспать, потому что она этого заслуживает. — Ее тон тверд, глаза суровы, но я замечаю малейшее веселье в ее выражении.

— Я полностью согласен. — Протираю глаза, ставя ноги на пол. — Сколько сейчас времени?

Индиго откидывается назад и проверяет время на кухне.

— Уже больше десяти. А что? — Ее взгляд возвращается ко мне. — Тебе нужно быть где-то еще?

Ммм... Я не знаю, что сказать. Хотя мне нужно пойти, немного поболтать с Большим Дугом и вернуть свой телефон, мне больше нечего делать. Но я не уверен, хотят ли они, чтобы я ушел.

— Нет. Не совсем. — Я изображаю свою лучшую очаровательную улыбку. — Ну, за исключением того, чтобы провести день, возвращая долг Изе. Я ей очень обязан. — И мне нужно рассказать ей о ее маме. Я просто надеюсь, что смогу сделать это правильно, чтобы она не разозлилась на меня. Есть ли вообще правильный способ сообщить кому-то, что его мама в тюрьме за убийство?

— Хороший мальчик, — говорит мне бабушка Изы с довольным видом. — Эту девушку нужно любить до безумия. Она особенная, даже если сама этого не осознает. С ней следует обращаться как с принцессой.

— Бабушка Стефи, — бормочет Индиго себе под нос. — Не говори так пафосно. Иза была бы слишком смущена, если бы услышала тебя.

— Я просто говорю то, что хочу сказать, — ее бабушка переворачивает вилкой бекон на сковороде. — Кроме того, Иза не может смущаться из-за того, о чем она не знает. — Она смотрит на меня, ожидая, что я соглашусь с ней.

Я поднимаю руки перед собой. — Буду нем, как рыба.

— Хороший мальчик, — снова говорит она, заставляя меня чувствовать себя послушной собакой. — Это именно то, что нужно Изе.

Индиго колеблется между раздражением и весельем.

— Что с тобой такое, в последнее время ты строишь из себя сваху? — спрашивает она свою бабушку. — Или мне следует сказать, почему только для Изы? Со мной ты всегда против парней.

Ее бабушка указывает вилкой, которую держит в руке, на Индиго.

— Тебе больше не нужны парни в твоей жизни. Тебе достаточно.

— Нет такой вещи, как достаточное количество парней. — Индиго опирается локтями о столешницу кухонного островка. — Это все равно, что сказать, что воздуха достаточно.

— Или достаточно сыра в яичнице, — говорит ее бабушка, посыпая сыром яйца.

— Нет, определенно есть такая вещь, как достаточное количество сыра. — Индиго пристально смотрит на нее. — Так что перестань сыпать так много.

— В яичнице нет такого понятия, как достаточное количество сыра, — язвительно замечает ее бабушка. — Ты можешь поместить туда целый килограмм и все равно останется место для большего.

— Никогда больше не клади сыр в яйца, которые я ем, — предупреждает Индиго, опускаясь на барный стул.

— Почему? Боишься, что в тебя не влезет? — Ее бабушка усмехается, когда масло на сковороде скворчит.

Я прочищаю горло, пытаясь скрыть смех.

— Нет, это твоя проблема, не моя, — говорит Индиго. — Наверное, поэтому тебе приходится есть так много проклятого йогурта и хлопьев с отрубями. Чтобы заесть весь этот сыр.

— Может, вы, ребята, перестанете спорить? Вы хуже, чем старая супружеская пара, — бормочет Иза, выходя из коридора.

Она одета в пижаму, волосы заплетены в косу. На ней нет ни капли косметики, так что я отчетливо вижу те милые маленькие веснушки у нее на щеках и носу.

— Эй, я принимаю это за оскорбление, мисс, — ругает ее бабушка, но затем ухмыляется. — Мы с твоим дедушкой редко ссорились, разве что из-за пульта дистанционного управления или из-за того, кто сядет за руль, или из-за того, кому сгрести

снег с подъездной дорожки... — Ее улыбка становится шире. — Ладно, может быть, ты и права.

— Я всегда права. — Иза зевает, вытягивая руки над головой. Майка, которая на ней, задирается, обнажает живот. — Самое время тебе это усвоить.

Я незаметно разглядываю ее, но, по-видимому, это слишком очевидно, потому что Индиго бросает на меня взгляд «ты-попался-приятель».

Я пожимаю плечами и улыбаюсь, бросая на нее свой лучший невинный взгляд и она смеется.

Руки Изы опускаются и она быстро оборачивается, чтобы посмотреть, над чем смеется Индиго.

— О, ты проснулся. — Она грызет ноготь большого пальца, очевидно, нервничая. — Я проверяла тебя полчаса назад, ты так крепко спал, что я думала, ты проспишь весь день.

— Бекон разбудил меня.

Боже, я так много хочу ей сказать. Я хочу тысячу раз поблагодарить ее, обнять за то, что она заботилась обо мне прошлой ночью, поцеловать ее. Но когда ее бабушка и кузина стоят там и наблюдают за нами, я чувствую себя не в своей тарелке. Не то, чтобы я стесняюсь, но это тот разговор, который я вроде как хочу провести без аудитории.

— Вы, ребята, перестанете быть такими странными? — Иза умоляет свою бабушку и сестру. — Он еще не привык к вашим ярким личностям.

— Да, я на это не куплюсь, — ее бабушка бросает взгляд в мою сторону. — После некоторых вещей, которые он сказал прошлой ночью, я предполагаю, что он такой же странный, как и мы.

Ладно, я могу смириться с тем, что меня называют странным, но что, черт возьми, я сказал прошлой ночью?

— Они классные, Иза. — Я жестом приглашаю ее подойти ко мне. — Сядь рядом со мной. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Ты слишком много болтал прошлой ночью, — говорит Индиго, ухмыляясь мне. Когда Иза бросает на нее умоляющий взгляд, она поднимает руки перед собой. — Отлично. Я умолкаю. — Она подходит к холодильнику и начинает копаться в нем, игнорируя лекцию своей бабушки о том, чтобы держаться подальше.

— Привет. — Иза обходит кофейный столик и останавливается передо мной. — Извини, если они тебя разбудили.

— Все в порядке. Это их дом. — Когда она не садится рядом со мной, я беру ее за руку и притягиваю к себе. — Иди сюда. Ты слишком далеко.

Она нерешительно садится, отклоняясь от меня, и не отрывая глаз от пола.

Дерьмо. Насколько сильно я облажался прошлой ночью?

— Ладно, просто хочу извиниться за все, что я сделал или сказал прошлой ночью. — Я прочищаю горло. — Мало что помню, но у меня такое чувство, что я, возможно, был идиотом.

— Ты не был идиотом. — Она толкает меня плечом, слегка улыбаясь. — И даже если бы это было так, у тебя сотрясение мозга, так что все, что ты сделал, совершенно не считается.

Я хмурюсь, прикасаясь к своей голове.

— Черт. Я почти забыл о сотрясении мозга. — Роняю руку на колени. — Насколько плохо я сейчас выгляжу по шкале от одного до десяти?

— Даже не знаю... — Она прикусывает нижнюю губу, обдумывая это. — Ты всегда

хорошо выглядишь. Все это знают. Ты сам знаешь это. — Она начинает нервничать. — Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Она действительно сейчас такая очаровательная, что я почти не могу этого вынести. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы не протянуть руку и не провести пальцем по ее покрасневшей щеке.

— Технически я имел в виду, насколько плохо выглядит мое лицо, но приятно знать, что я всегда хорошо выгляжу. — Я подмигиваю ей. — И что ты так думаешь.

— О, Боже мой. — Ее щеки становятся ярко-красными, когда она опускает голову, позволяя волосам упасть вперед и скрыть лицо. — Мне неловко, ясно? Ты можешь просто забыть, что я это сказала?

— Ни за что. Ты не можешь взять свои слова обратно. — Мой рот растягивается в самодовольной улыбке. — Как только ты скажешь что-то подобное, я всегда буду повторять это снова и снова. И поверь мне, я буду повторять это снова и снова.

— Я уверена, что ты это сделаешь. — Она морщится, заправляя прядь волос за ухо. Это движение пробуждает воспоминание о прошлой ночи: я... лежу у нее на коленях... играю с ее волосами... говорю ей, что она великолепна.

Ладно, может быть, именно поэтому она смущается.

Кажется, что я должен чувствовать себя виноватым за то, что заставил ее смущаться, но это не так. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что я был немного не в себе, когда положил голову ей на колени и запустил пальцы в ее волосы. Я даже не могу вспомнить, каково это было.

Я почти протягиваю руку и убираю волосы с ее лица, но краем глаза замечаю, что ее бабушка наблюдает за нами, как ястреб.

— Итак, ты собираешься рассказать мне, что ты делал в Мейплвью? — спрашивает Иза, меняя тему. — Ты не совсем ясно выразился об этом прошлой ночью. Ты сказал пару вещей о Большом Дуге, но ничего конкретного.

Я почесываю подбородок. — Это довольно длинная история.

— Ну, у нас впереди весь день. — Она сдерживает ухмылку. — Потому что мы с тобой едем в город за покупками вместе с Индиго.

Я выгибаю бровь.

— О, все вместе?

Она кивает, ухмыляясь.

— А это значит, что у нас будет достаточно времени в дороге, чтобы ты мне все рассказал.

Судя по всему, под словом «все», она имеет в виду действительно все, включая и Ти. Мне ненавистна сама мысль обо всем рассказывать. Зная Изу, она захочет мне помочь, а я не хочу, чтобы она вмешивалась. Наверное, мне не следовало даже звонить ей вчера вечером. Но ее номер был единственным контактом в моем телефоне, который я запомнил.

— Ты же не думаешь о том, чтобы солгать мне, не так ли? — внезапно спрашивает Иза, подозрительно оглядывая меня. — Потому что у тебя такое выражение лица, как будто ты пытаешься придумать какую-то чушь собачью, чтобы напеть мне в уши.

— Нет... Дело не в этом.

— Хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты мне доверял.

— Я доверяю тебе. — И я действительно, черт возьми, доверяю ей больше, чем кому-либо.

То, что Иза сделала для меня прошлой ночью: предложила забрать меня, а затем попросила врача приехать сюда и осмотреть меня, потому что я вел себя как заноза в заднице и отказывался ехать в больницу, — было одной из самых добрых, заботливых вещей, которые кто-то делал для меня. Она так чертовски удивительна, но я думаю, она сама даже этого не понимает.

— Хорошо, потому что я тоже тебе доверяю. — Улыбка, озаряющая ее лицо, заставляет меня чувствовать себя полным придурком.

Я думаю о вчерашнем разговоре с Большим Дугом и о том, что я до сих пор не рассказал Изе о ее маме. Не знаю, когда наступит подходящее время и есть ли оно вообще. Что я знаю точно, так это то, что чем дольше я буду ждать, тем хуже будет. Возможно, пришло время просто сказать ей, пока она здесь со своей бабушкой и кузиной, в кругу близких. Хотя я бы сначала хотел посмотреть, что в папке, которую мне дал Большой Дуг. Он сказал, что там может оказаться полезная информация. Возможно, это смягчит удар.

— Я случайно не захватил с собой папку? — Я спрашиваю. Боже, надеюсь, я не оставил ее в своей машине, в которой нет окна. В машине, с которой я понятия не имею, что делать. Я в таком беспорядке.

Иза кивает.

— Да, она была у тебя ночью. Я думаю, ты оставил ее в машине бабушки. Тебе нужно забрать ее?

Кивнув, я встаю. Комната кружится вокруг меня, пока кровь отливает от моей головы, а я покачиваюсь в сторону.

Должно быть, это пугает Изу, потому что она вскакивает на ноги и ее пальцы обхватывают мою руку.

— Кай, доктор сказал, что тебе нужен покой. Ты должен двигаться медленно и не перенапрягаться. — Взяв меня за руку, она встает передо мной и смотрит мне в глаза. — Я принесу тебе папку. Ты останешься здесь и пока что-нибудь поешь.

— Нет, мне нужно ее забрать.

— Почему?

— Потому что... — Я с трудом подбираю слова, зная, что как только я их произнесу, это сломит ее. Мне придется быть тем, кто сломает ее. — Пойдем вместе, хорошо?

Я могу сказать, что она чувствует, что что-то не так и поэтому не настаивает.

Схватив ее за руку, я направляюсь к двери. Она идет рядом со мной, когда мы выходим на улицу. Прохладный утренний воздух вынуждает ее вздрогнуть, я высвобождаю свои пальцы из ее, снимаю куртку и предлагаю ей.

— О, посмотрите какой джентльмен, — шутит она, надевая мою куртку. — Если бы бабушка увидела это, она, вероятно, попыталась бы поженить нас на месте. Она любит парней, которые ведут себя как джентльмены.

— Я мог бы смириться с этим. На самом деле, это может быть сбывшейся моей мечтой. — Я подмигиваю ей, обнимаю ее за плечи и веду к стоянке.

— Ха! Ты такой лжец! — говорит она, указывая на меня пальцем. — Это больше похоже на твой худший кошмар.

— Перестань себя принижать. Ты не самый страшный образ для кошмаров. На эту роль подходит кто-то вроде Ханны. — Я намеренно провожу взглядом вверх и вниз по ее телу. — Из тебя вышла бы довольно горячая женушка.

Она закатывает глаза, затем отводит взгляд, то ли чтобы скрыть улыбку, то ли

покраснев.

— Кстати, о Ханне. — Она снова обращает свое внимание на меня. — Что случилось два лета назад? Потому что мне до смерти хотелось спросить тебя. Она выглядела такой встревоженной, когда ты бросил ей это в лицо, так что я догадываюсь, что это должно быть что-то плохое.

Два лета назад... По большей части это было такое дерьмовое лето. Мой отец часто злился на меня, потому что я не тратил достаточно времени на подготовку к предстоящему сезону, по крайней мере, не так много, как Кайлер.

— Я не понимаю, — сказал он мне. — Не понимаю, как один из моих сыновей может быть таким ленивым, в то время как другой так мотивирован.

Ленивый означал, что я тренировался пять дней вместо семи и единственная причина, по которой я не тренировался семь, заключалась в том, что я устроился на неполный рабочий день, чтобы накопить немного денег на машину. В его глазах это не имело значения. По его мнению, я все еще должен ходить на тренировку семь дней и при этом работать.

Однако ближе к концу лета, когда Ханна случайно раскрыла свой секрет, все стало не так уж плохо, в основном потому, что я знал, что однажды этот секрет может пригодиться.

Я улыбаюсь при этом воспоминании.

— Я расскажу тебе. — Но затем моя улыбка гаснет. — Но сначала я должен сказать тебе кое-что еще, кое-что важное.

— Это про Ти?

Я убираю руку с ее плеча, чтобы взять ее за руку.

— На самом деле это кое-что о тебе... и, ну, о твоей маме.

Ее рука дрожит в моей.

— Это что-то плохое, да?

Беспокоясь о том, что она может сделать, когда я сообщу ей эту новость, я еще крепче сжимаю ее руку.

— Может быть.

В ее глазах мелькает непонимание.

— Что значит может быть? Либо это плохое, либо нет.

Она начинает паниковать и мне хочется взять свои слова обратно, сказать ей, что я пошутил, что ничего не узнал. Я хочу солгать, чтобы не разбить ей сердце, но я ненавижу лгать, и я знаю, что она возненавидит меня, если когда-нибудь узнает об этом.

— Сначала это казалось плохим. — Я притягиваю ее ближе к себе. — Но вчера Большой Дуг дал мне еще один файл и сказал, что, возможно, все не так плохо, как он первоначально думал.

Ее замешательство усиливается.

— Подожди, как давно ты знаешь об этом?

— Пару дней. Я собирался рассказать тебе, когда нашел тебя плачущей на тротуаре. Я хотел сказать тебе тогда, но ты была так расстроена и я... Я просто не хотел причинять тебе еще больше боли.

Я не уверен, как она это воспримет. Многие разозлились бы за то, что им не сказали об этом в ту же секунду, как узнали. Хотя Иза не выглядит сердитой, просто встревоженной.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, заправляя прядь ее волос за ухо свободной рукой.

— Я не знаю. — Ее нижняя губа дрожит. — Ты еще не сказал мне, что узнал.

Боже, как бы я хотел не быть тем, кто должен так поступить с ней. Хотел бы, чтобы то, что узнал Большой Дуг, было неправдой. Я хотел бы, чтобы у нее была нормальная жизнь в замечательной семье, которая знала бы, какая она удивительная.

Я делаю глубокий вдох.

— Твоя мама в тюрьме, Иза.

Ее глаза широко распахиваются, когда она инстинктивно отшатывается, но я крепче сжимаю ее руку.

— За что? — кричит она, вздрагивая от громкости своего голоса.

Я с трудом сглатываю. — По обвинению в убийстве.

Я ожидаю, что она еще немного поорет. Попсихует. Будет в панике. Вместо этого она ничего не делает, только стоит и смотрит на дорогу. Это может быть даже хуже, чем кричать. По крайней мере, я бы знал, что она чувствует. Но так... Я понятия не имею, о чем она думает.

— Я знаю, это звучит плохо, — говорю я, когда тишина становится невыносимой. — Но папка, которую мне дал Большой Дуг... Он сказал, что все может быть не так плохо, как кажется, и что она подала на апелляцию. Я не знаю всех деталей, но я думаю, что мы должны пойти и посмотреть, что в папке.

Она качает головой, на глазах у нее выступают слезы.

— Неудивительно, что мой отец ненавидит меня. Он, наверное, думает, что я стану такой же, как она.

— Никогда, нахрен, не говори так! — огрызаюсь я, мгновенно чувствуя себя плохо из-за того, что потерял с ней хладнокровие. Я осторожно тяну ее за руку, притягивая ближе к себе. Это так неожиданно, что она, спотыкаясь, идет вперед. Я пользуюсь возможностью обхватить ее руками и прижать к себе. Она напрягается в моих объятиях, но я не отпускаю ее. — Сделала это твоя мать или нет, твой отец не имеет никакого права обращаться с тобой как с дерьмом. Твоя мама совершила ошибку, а не ты. — Я беру ее за подбородок и поднимаю голову вверх, заставляя ее посмотреть на меня. — И ты самый добрый, заботливый человек, которого я когда-либо встречал. Ты вытерпела столько дерьма и все же ты такая удивительная. Не позволяй никому изменить это, хорошо? — Мой голос тверд и требователен.

Она неуверенно кивает.

— Я просто не знаю, что думать... это... Я этого не ожидала.

— Знаю. Но я думаю, что мы должны пойти и посмотреть, что в этой папке, прежде чем сделать выводы, хорошо?

Неровное дыхание срывается с ее губ.

— Хорошо.

Я немного расслабляюсь. По крайней мере, она готова сотрудничать.

Я отступаю, беру ее за руку и иду по траве к стоянке. Она цепляется за меня всю дорогу до машины, как будто я единственное, что удерживает ее от падения.

Все еще держа ее за руку, я открываю дверь, и тут начинается паника.

— Здесь ничего нет. Ты уверена, что я взял ее с собой?

— Да. Я помню, как ты достал ее из машины перед тем, как мы уехали с заправки. — Она высвобождает свои пальцы из моих и отталкивает меня в сторону, чтобы забраться на заднее сиденье. Она обыскивает машину, прежде чем выскочить с озадаченным выражением на лице. — Я знаю, что она была у тебя. Ты обнимал ее, как плюшевого мишку, большую

часть поездки.

— Тогда куда же она делась?

— Я не знаю... Может быть, Индиго взяла ее в дом. — Ее голос дрожит от беспокойства.

— Давай пойдем и выясним. — Я снова хватаю ее за руку, надеясь, что это поможет ей успокоиться, когда мы возвращаемся в квартиру.

Как только мы переступаем порог, Иза спрашивает Индиго и ее бабушку, видели ли они папку. Они обе отрицательно качают головами.

— Я помню, как Кай держал ее в машине, — говорит Индиго, ставя тарелку с яйцами и беконом на стол. — Но я почти уверена, что он не приносил ее с собой.

— А что случилось? Что в ней было? — спрашивает бабушка, отодвигая стул к столу.

— Кое-что важное. — Паника наполняет глаза Изы, когда она беспомощно смотрит на меня. — Ты же не думаешь, что кто-то взял ее?

— Я не знаю, кому бы она могла понадобиться. — Я провожу пальцами по волосам. — Может быть, машину взломали, и кто-то забрал ее, думая, что это что-то другое.

— Что? — их бабушка роняет вилку и хмуро смотрит на Индиго. — Сколько раз я говорила тебе запирать мою машину? У меня там есть компакт-диски и прочее дерьмо, которые незаменимы.

— Незаменимы, потому что они больше не выпускают компакт-диски, — парирует Индиго. — Я всегда запираю машину. И я точно знаю, что закрыла ее прошлой ночью.

— Она была заперта, — тихо произносит Иза. — Не волнуйся, бабушка Стефи, больше ничего не пропало. Твои диски на месте.

— Значит, единственная вещь, которая пропала — это папка? — Я спрашиваю.

Это странно. Типа, действительно странно. Сначала вчерашний конверт, а теперь это? Почему у меня такое тревожное чувство, что это не совпадение?

Иза теребит подол своей рубашки.

— Это странно, правда? Что кто-то мог взять ее?

— Да, очень странно. — Что, черт возьми, было внутри папки? Мне нужно связаться с Большим Дугом и выяснить.

— Я думаю, вы, ребята, забываете самую важную часть, — говорит Индиго, поднимаясь со стула. — Как кто-то смог отпереть машину, когда у нас единственных есть ключи?

Иза кусает ногти, уставившись в пространство.

Я вынимаю ее пальцы изо рта и переплетаю их со своими, чтобы она не грызла ногти.

— У меня есть идея.

Я просто надеюсь, что они не будут судить меня за то, откуда я это знаю.

Изабелла

Я чувствую себя такой потерянной, когда Кай выводит меня на улицу и ведет к машине, а бабушка Стефи и Индиго следуют за нами по пятам.

Растерянность.

Это все, что я чувствую.

Не злость. Не грусть. Не боль.

Только растерянность.

Ничто не имеет смысла. И под этим я имею в виду: себя, свою жизнь, все вокруг меня. Я чувствую, что плыву, как будто мое тело каким-то образом осталось на земле, а мои ноги двигаются, но мой разум улетел в небо, где он может сидеть и пытаться осмыслить то, что только что сказал мне Кай. Но слишком многое нужно обдумать, слишком много вопросов проносится у меня в голове одновременно.

Моя мама в тюрьме за убийство.

Моя мама — убийца?

Моя мама жива, но я, вероятно, никогда больше ее не увижу.

Линн была права: моя мама — плохой человек.

Делает ли это меня плохим человеком?

— Я бы хотела, чтобы кто-нибудь объяснил мне, что происходит, — говорит бабушка Стефи, когда мы подходим к ее машине. Она надевает солнцезащитные очки и скрещивает руки на груди, осматривая машину снаружи. — Почему эта папка так важна?

Кай бросает на меня косой взгляд, в его глазах читается безмолвный вопрос: ты собираешься ей рассказать?

В конце концов, я это сделаю. Мне просто нужно несколько минут, чтобы разобраться в своих мыслях.

Пальцы Кая разъединяются с моими, когда он обходит машину. Индиго отодвигается на несколько футов, чтобы зажечь свет. Я хочу схватить Кая за руку, потому что это помогает мне чувствовать себя немного лучше, но я не знаю, как это сделать, не получая вкрадчивых взглядов от моей бабушки и Индиго. К тому же, прилипчивость может вывести Кая из себя.

После того, как Кай осматривает машину снаружи, он останавливается возле багажника. Скрестив руки на груди, он наклоняется вперед и, прищурившись, смотрит на замок. Его глаза загораются, когда он протягивает руку и открывает багажник.

— Какого черта? — Бабушка Стефи подходит к нему. — Как ты это сделал без ключа?

— Замок был взломан. — Кай отряхивает руки. — Багажник на самом деле намного легче взломать, чем двери.

Она поджимает губы.

— И откуда ты это знаешь?

Кай перемещает свой вес, почесывая затылок.

— Эм... Случайная догадка?

— Не прикидывайся дурачком, молодой человек. — Но она откладывает выговор и указывает на багажник. — Но как они попали из багажника на заднее сиденье?

Кай наклоняется вперед, чтобы осмотреть внутреннюю часть багажника.

— Я предполагаю, что сиденье не было закреплено. По крайней мере прошлой ночью, если я правильно помню.

Через заднее стекло машины я вижу, как верх заднего сиденья откидывается вперед.

— Защелка сломалась недавно, — признается бабушка Стефи, когда Кай выпрямляется. — Я хотела починить ее, но, честно говоря, я думаю, что это портит характер машины.

Кай смотрит на меня, и я бросаю на него взгляд «а-я-что-говорила».

Я протискиваюсь между ними двумя.

— Но зачем кому-то взбрело в голову залезть в багажник и пробраться через заднее сиденье, когда можно было просто разбить окно?

— Так менее заметно. — Взгляд Кая скользит по парковке. — Особенно, если вокруг есть люди или камеры. Можно сделать так, чтобы это выглядело, как будто ты что-то достаешь из багажника или как будто заперла свои ключи в машине.

И снова моя бабушка бросает на него суровый взгляд, но Кай игнорирует его, его внимание приковано к камере, установленной в углу парковки.

— Они есть по всему сообществу, — говорит моя бабушка Стефи. — Их установили всего пару месяцев назад, после того как у нас случилось несколько взломов.

— Человек, который взламывал машину, вероятно, видел их. — Взгляд Кая перемещается от камер к багажнику. — С открытым багажником легче скрыть то, что делаешь, от камер.

— Но зачем кому-то понадобилось столько хлопот только для того, чтобы получить папку? — Я обмахиваю лицо руками, когда облако сигаретного дыма от Индиго кружит в воздухе вокруг меня.

Последние пару минут она была такой тихой, снимая стресс, подпитывая свою никотиновую зависимость. Я хотела бы, чтобы у меня было что-то, что помогало также и мне, что-то успокаивающее. Думаю о том, чтобы снова вложить свою руку в руку Кая, но не могу найти в себе мужества сделать это.

— Ну, это все зависит от обстоятельств. — Бабушка Стефи смотрит на меня сверху вниз, скрестив руки на груди. — Что было в папке?

Не знаю почему, но я бросаю взгляд на Кая, как будто он должен помочь мне не рассказывать ей. Я еще не готова рассказать, не готова сказать это вслух.

Хотя Кай, кажется, не поддерживает меня в этом. Он сочувственно смотрит на меня и говорит одними губами: «Я думаю, тебе следует сказать ей».

Я хмуро смотрю на него и открываю рот в ответ «предатель».

Уголки его губ приподнимаются.

— Изабелла Андерс. — В голосе бабушки Стефи звучит предостережение. — Перестань пялиться на своего друга-джентльмена и просто скажи мне, что происходит. — Ее тон немного смягчается. — Я знаю, что ты пережила много трудностей за прошедший месяц, но я обещаю тебе, что, что бы это ни было, даже если ты попала в какую-то беду, я с тобой. Но я не смогу тебе помочь, пока ты не скажешь мне, в чем именно тебе нужна помощь.

Я массирую виски кончиками пальцев, чувствуя, как начинает болеть голова. Я знаю, что она права. Она не сможет мне помочь, если я ей не скажу. Тем не менее, мне трудно произнести эти слова, потому что стоит их сказать вслух, они становятся очень реальными.

Зная, что я сильнее этого, делаю глубокий вдох и срываю пластырь. Я рассказываю ей, что Кай узнал от моей мамы и что в папке содержалась какая-то информация о том, почему

она оказалась в тюрьме. К тому времени, как я заканчиваю объяснять, у меня такое чувство, будто мне сдавливают грудь. Мне трудно набрать в легкие хоть немного кислорода.

— Иза, тебе нужно успокоиться, — говорит бабушка, когда я хватаю ртом воздух. Она кладет руку мне на плечо. У нее дрожат пальцы. Она напугана. Из-за меня? — Я думаю, у тебя может быть приступ паники, дорогая.

Я сгибаюсь, упираясь руками в колени.

— Я в порядке... Мне просто нужна минутка.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Моя мама. Убийца. Она убила. Кого-то. Неудивительно. Никто. Не хочет тебя.

— Иза.

Я чувствую другую руку на своей спине, как чьи-то пальцы осторожно рисуют узоры вверх и вниз по позвоночнику.

— Сделай пару вдохов, — говорит Кай, чуть приобнимая меня. Он что-то тихо говорит моей бабушке Стефи, а затем призывает меня пойти с ним.

Сделав глубокий вдох, я встаю и иду рядом с ним.

— Я не знаю, что со мной не так... У меня просто так сильно сдавило грудь.

— Я думаю, твоя бабушка права. У тебя паническая атака. — Его голос тихий, осторожный, как будто он боится, что громкость может заставить меня сломаться.

— Куда мы направляемся? — шепчу я, когда он уводит меня от апартаментов к дороге.

— На прогулку.

— На прогулку? — И это все?

Он с любопытством смотрит на меня.

— Что? Ты ведешь себя так, будто это странно. Мы раньше все время так делали, помнишь? Просто гуляли в парке. Это всегда помогало мне чувствовать себя лучше.

Я облизала пересохшие губы языком.

— Правда?

— Да. Это была единственная вещь, когда я чувствовал себя спокойно. Я всегда отключался от всего и просто сосредотачивался на том, чтобы быть собой.

— Это немного грустно. Я имею в виду, что это случилось с тобой только тогда, когда мы гуляли.

— Я знаю, но это была моя собственная чертова вина. Я позволил всему идти своим чередом.

Мы достигаем края жилого комплекса, и я думаю, что мы собираемся развернуться, но вместо этого он смотрит налево, потом направо, прежде чем переплести свои пальцы с моими и перебежать через дорогу.

Прямо напротив нас находится голое поле длиной не менее мили, окруженное коротким деревянным забором. Когда мы подходим к забору, он отпускает мою руку, чтобы перелезть через него. Затем протягивает мне ладонь.

Я указываю на табличку, прибитую к забору.

— Здесь сказано, что посторонним вход воспрещен.

— С каких это пор тебя волнуют правила? — Он поднимает брови, глядя на меня. — Да ладно тебе, Иза, ты же знаешь, что правила приятно нарушать.

— Нет, я не хочу, — говорю я, но все равно беру его за руку.

После того, как наши руки переплетаются, я перекидываю ногу через забор. Затем он помогает мне спуститься, хотя мы оба знаем, что я не из тех девушек, которым нужна

помощь, чтобы перелезть через забор. Как только я опускаю ноги на землю, мы пересекаем поле, двигаясь к линии деревьев в задней части участка. Некоторое время никто из нас ничего не говорит. Единственные звуки, окружающие нас, — это мягкое дуновение легкого ветерка и хруст сухой травы под нашими ботинками.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашивает он меня через пару минут.

Я киваю.

— Немного.

— Хорошо. — Он обнимает меня одной рукой и морщится. Он обхватывает свободной рукой живот и прижимает ее к боку с возможно сломанным ребром. — У меня уже было несколько приступов паники раньше. Свежий воздух и движение обычно помогают.

— У тебя были приступы паники? — ошеломленно спрашиваю я. У Кая? У находившего-юмор-во-всем, Кая?

— Сейчас уже нет, но, когда я был младше, такое случалось.

— Что их вызывало? — Поднимается ветер и сдувает пряди волос мне в лицо.

Его челюсть сжимается.

— Это долгая история, в которую я не хочу сейчас вдаваться

Я вынимаю несколько прядей волос изо рта.

— Ты постоянно так говоришь.

— Знаю.

— Кай, ты же знаешь, что можешь мне многое рассказать, верно? Мы проводим все время, разговаривая обо мне, и мне кажется, что мы никогда не говорим о тебе.

Он одаривает меня улыбкой.

— Это потому, что я заурядная личность, не как ты.

— Ха. И ты тоже. Я знаю, что у тебя действительно захватывающая жизнь, о которой ты никогда не говоришь со мной.

— На самом деле это не так уж и интересно.

— Пройшей ночью ты получил сотрясение мозга от парня размером с борца сумо. Я загибаю пальцы. — С Ти происходит что-то такое, в чем я еще не совсем разобралась, но я знаю, что из-за него у тебя, вероятно, сломано ребро. И даже не заставляй меня начинать про Большого Дуга.

Его бровь выгибается.

— Что не так с Большим Дугом?

— Ничего, кроме того факта, что он каким-то образом знает, как искать людей. К тому же у него были все эти компьютеры... Я предполагаю, что он делает какие-то сомнительные, вероятно, незаконные вещи. — Когда он не спорит, я добавляю: — Кстати, как вы с ним познакомились?

Он пожимает плечами, уставившись в землю.

Я вздыхаю.

— Дай-ка угадаю. Еще одна долгая история.

Он останавливается посреди поля, увлекая меня за собой.

— Я знаю, ты думаешь, что я что-то скрываю от тебя и это так, но только потому, что я не хочу втягивать тебя в свои неприятности.

— Но ты почти рассказал мне о том, что происходит между тобой и Ти.

— Да, но только потому, что я чувствовал себя уязвимым.

— По поводу чего?

Он бросает на меня многозначительный взгляд, который я не могу до конца расшифровать.

— Не бери в голову.

Я надуваю губы.

— Ты должен мне что-нибудь рассказать. Пожалуйста. Все, что угодно, лишь бы отвлечь меня.

Он пристально смотрит на мою выпяченную губу, словно раздираемый чем-то.

— Хочешь услышать, что произошло между мной и Ханной два лета назад? — Он отрывает свое внимание от моих губ и его взгляд останавливается на моих глазах.

Я предпочла, чтобы он рассказал мне, что происходит с Ти, но я киваю.

— Если это все, что ты готов рассказать, я слушаю.

Он снова двигается к деревьям, обнимая меня за плечи.

— Итак, мы были на вечеринке, и Ханна была действительно пьяна, серьезно, в одном шаге от того, чтобы начать блевать повсюду.

Я почти улыбаюсь.

— Мне уже нравится эта история.

— О, она станет еще лучше. — Он перепрыгивает через большой камень на своем пути и натывается на меня в процессе

— Прости, — говорит он, ухватившись за мои бедра.

Когда его кончики пальцев скользят под подол куртки и слегка касаются моей кожи, по мне пробегает дрожь. Я могу сказать, что он тоже это чувствует, по тому, как он смотрит на меня в замешательстве, но все же с любопытством. Это безумие, что мое тело все еще может так реагировать, когда мой разум потерян в живом кошмаре.

К счастью, Кай дает мне передышку и не замечает этого момента. Вместо этого он переплетает свои пальцы с моими, разворачивает нас и идет к забору.

Этим утром он часто держал меня за руку, и я не знаю, должна ли я позволять ему это или нет. Я имею в виду, мы держались за руки еще в седьмом классе, когда были друзьями, но сейчас все по-другому. Может быть, это потому, что мы больше не дети?

— Итак, Ханна была навеселе и приставала ко всем, — продолжает он. — И когда я говорю ко всем, я не преувеличиваю. Она даже приставала к маме парня, который устраивал вечеринку.

Мои глаза расширяются.

— Святые долбаные единороги!

Он хихикает, размахивая нашими переплетенными руками, пока мы идем.

— В ее защиту скажу, однако, она думала, что мама была отцом.

— Она выглядела настолько мужественно?

— Нет, Ханна была просто настолько пьяна.

— Она всегда так напивается на вечеринках?

— Она много выпивает, но я никогда раньше не видел ее такой пьяной, — говорит он. — В ту ночь ее что-то беспокоило.

— Действительно? — Мне трудно в это поверить. — Потому что Ханну обычно ничего не беспокоит.

— Она ни о чем не задумывается, да? — Он приподнимает бровь, глядя на меня. — Как вчера утром, когда у нее случился дерьмовый припадок, потому что Кайлер отшил ее ради тебя?

— Он отшил ее не ради меня, — отвечаю я. — Она попросила его кое-что сделать за пару дней до того, как мы с Кайлером составили планы.

— Эм, нет, все было не так, — говорит он. — Разве ты не слушала, что сказала Ханна?

— Честно говоря, я часто отключаюсь от ее болтовни. — Ветер целует мои щеки, и я потираю их рукой, пытаюсь согреть. — Это своего рода рефлекс.

— И это хорошая привычка. — Он проводит большим пальцем по костяшкам руки, которую держит. — Но я знаю своего брата, и он отшил ее, потому что надеялся, что свидание с тобой пройдет великолепно. И под великолепно я подразумеваю нечто вроде «закончится на следующий день».

Требуется секунда, чтобы осознать его слова.

— Нет, он бы так не сделал. — Мой голос звучит как мышинный писк. — Он бы этого не сделал.

Он таращится на меня, как на сумасшедшую.

— Да, он бы сделал это. Это то, что он делает, Иза. Он игрок. Ты наблюдала за ним, наверное, целую вечность. Ты должна его знать.

— Он не игрок. Он просто... — Но я не знаю, какое слово подходит Кайлеру. Да, он флиртует. Да, у него было много подруг. Вчера он говорил, что встречался с девушками, которых на самом деле не знал. — Возможно, он и делал это в прошлом, но я точно знаю, что он не хочет торопиться.

Его пристальный взгляд впивается в мой.

— Он тебе это сказал?

Я киваю.

— Он сказал, что не хочет торопиться и я знаю, что он говорил правду, потому что он даже не поцеловал меня в губы.

Он скрипит зубами.

— Но он поцеловал тебя в другое место?

Дерьмо.

— Эм... Что-то вроде... Он поцеловал меня рядом с моими губами... — Боже, это так неловко. Мне следовало просто соврать и сказать «нет».

Кай замолкает. Я не могу сказать, раздражен ли он, расстроен, зол, сбит с толку или что-то еще.

— Ты хочешь, чтобы я закончил рассказ? — тихо спрашивает он.

Я киваю, более чем обрадованная тем, что ушла от темы, когда Кайлер почти поцеловал меня.

— Да, я умираю от желания услышать, закончила ли она тем, что поцеловала маму.

— Она пыталась, но мама не принимала в этом никакого участия, поэтому она перешла к отцу и парню, устраивающему вечеринку, его друзьям, их друзьям, почти всем.

— Кто-нибудь поцеловал ее в ответ?

— Пара человек, — говорит он. — Но многие из них отшили ее, потому что она была слишком пьяна.

— Я знаю, что это делает меня плохим человеком, — говорю я, — но мне нравится мысль о том, что ее отвергли.

— Это не делает тебя плохим человеком. На самом деле, я почти уверен, что ты никогда не сможешь быть плохим человеком. — Он сжимает мою руку. — У тебя в теле нет ни одной плохой кости.

Пару дней назад я, возможно, и согласилась бы с ним, но сейчас я не могу до конца убедить себя, что это так.

— Итак, что случилось? — Я отказываюсь позволять себе слишком много думать о своей маме, иначе я утону в этих мыслях. — Она пошла домой одна?

Он останавливается перед забором, но не перелезает через него.

— Нет, на самом деле она пошла домой со мной.

Внезапное, безумное, иррациональное чувство собственности овладевает мной. Ханна пошла домой с Каем? Ханна была с Каем? Каем? Моим другом Каем? Нет! Эта мысль заставляет меня безумно ревновать. Я не знаю, почему. Он просто мой друг. Но то, что он был с ней... вот так... Тьфу. У меня сводит живот при одной мысли об этом.

— Не так, — говорит он, словно читая мои мысли. — Кайлер заставил меня отвезти ее домой после того, как парень, устроивший вечеринку, сказал, что она слишком пьяна и раздражает всех.

Моя ревность утихает.

— Почему он заставил тебя везти ее домой?

— Потому что его друзья так сказали, — отвечает он, пожимая плечами. — Потому что я был самым молодым. Они все время делали такое дерьмо и, если бы я стал спорить, они превратили бы мою жизнь в сущий ад.

То, что он говорит, заставляет меня задуматься, не поэтому ли он превратился из популярного спортсмена в плохого парня-наркомана. Но прежде, чем я успеваю спросить, он прислоняется к забору и продолжает свой рассказ.

— Но, в любом случае, я отвез ее домой, как и должен был. Только, когда я припарковал машину на подъездной дорожке, она не вошла внутрь. Я спросил ее, не нужна ли ей помощь, и она ответила «да». Потом она попыталась поцеловать меня, — говорит он. — Когда я отодвинулся в сторону, она начала рыдать, а потом ее вырвало на землю. Она начала лепетать о том, какой у нее был дерьмовый день, как твой отец пропустил одно из ее соревнований по чирлидингу. Очевидно, он сказал, что это из-за работы, но она узнала, что он тайно ходил на какую-то ярмарку искусств, в которой ты принимала участие. И это заставило ее так ревновать тебя.

— Ханна ревнует меня? — Я сомневаюсь в этом. — Это не похоже на то, что она сказала бы или почувствовала.

— Эм, да, но это так. Подумай над этим. Ты талантлива, милая, и ты намного сильнее, чем она. В глубине души, я думаю, она всегда знала, что ты превратишься в красивую маленькую бабочку, какой ты сейчас являешься. — Он ослепляет меня очаровательной улыбкой.

Я закатываю глаза, но мое сердце совершает всякие странные вещи в моей груди.

— Но у нее идеальная жизнь. Зачем ревновать к кому-то вроде меня?

— У нее не идеальная жизнь, Иза. Она фальшивый человек, который прожил фальшивую жизнь и чувствует себя фальшивкой. Она и мне в этом призналась.

То, что он говорит, заставляет меня сомневаться во всем. Все эти годы жизни с Ханной я наблюдала за тем, как она становится популярной и получает все, что хочет, а теперь Кай пытается сказать, что она завидует мне. В этом нет никакого смысла. Все, что он сказал, не имеет никакого смысла.

— Ярмарка искусств, о которой она упоминала, — говорю я. — Я помню ее, но моего отца там не было. Никто из моей семьи никогда не ходил ни на одну из них.

— Она сказала что-то о том, что он подглядывал за тобой, потому что Линн взбесилась бы, если бы узнала, — объясняет он, — точно так же, как Ханна.

Я не знаю, что сказать. Мысль о том, что отец отправился на одну из моих художественных ярмарок, кажется безумной. Даже если бы он это сделал, я не уверена, что меня это волнует, так как он сделал это втайне, все еще ставя меня на второе место после Линн. И, как Линн сказала ранее, он ненавидит меня. Но если бы он ненавидел меня, зачем бы ему тайно ходить на ярмарку искусств?

Я прикрываю глаза от солнца, которое проглядывает сквозь облака.

— Как тебе удалось заманить Ханну в дом?

— На самом деле это было действительно сложно, потому что она все время пыталась приударить за мной, — говорит он. — Что бы я ни говорил, она не отставала. Наконец, мне пришлось сказать ей кое-что, что ее достаточно разозлило.

— И что ты сказал?

На секунду в его глазах мелькает паника.

— Я не уверен... Я действительно не могу вспомнить. — Он лжет, но прежде, чем я успеваю что-то сказать, он спешит продолжить рассказ. — Что бы это ни было, это заставило ее войти в дом. — Он ковыряется в трещине в заборе. — Но не раньше, чем она пригрозила мне. Она сказала, что, если я когда-нибудь кому-нибудь расскажу, она погубит мою репутацию. Но так как моя репутация давно испорчена, я считаю, что ее угроза сейчас совершенно бесполезна.

— Это немного глупо, что она так испугалась, — говорю я. — Я была смущена гораздо сильнее, чем она.

— Но ты намного сильнее Ханны, — настаивает он, глядя на меня своим безумно напряженным взглядом. — И Ханна не может смириться с мыслью, что люди узнают, что ее отвергли. Она хочет, чтобы все верили, что она идеальна, даже когда это не так.

— Да, я знаю. — Я смотрю вниз на свои пальцы, переплетенные с пальцами Кая. Это прикосновение приносит мне столько утешения. Я просто хотела бы вечно держаться за этот комфорт. — Спасибо тебе, Кай.

— За что?

— За то, что отвлек меня и успокоил.

— Пожалуйста. — Он перемещает свой вес, выпрямляясь. — И теперь, когда ты успокоилась, я расскажу тебе о нашем решении всей этой дилеммы с украденной папкой.

Я немного оживляюсь. — У тебя уже есть решение?

— Конечно, у меня есть решение. Я крутой парень.

— Эгомен спешит на помощь, да?

— Да-да-да-даааа, — поет он и я фыркаю от смеха. Этот звук заставляет его улыбнуться от гордости. — Видишь? Узнаю свою сильную девочку.

Я снова улыбаюсь, но внутри у меня такое чувство: «*воу, воу, воу, полегче*». Он только что назвал меня своей девочкой?

— Итак, каков наш план? Как нам вернуть папку обратно?

— План довольно прост, но не позволяй этому отнять у меня удивительность. — Он подмигивает мне. — Я просто пойду к Большому Дугу и попрошу его дать мне копию информации. Мне все равно нужно с ним поговорить и забрать свой телефон.

— Но ты уверен, что тебе следует это делать? После того, что случилось прошлой ночью... Может быть, тебе стоит держаться на некотором расстоянии от Большого Дуга?! К

тому же, сегодня тебе прописан покой. — Мне неприятно это говорить, но так нужно. Хотя я хочу знать все, что есть о моей маме, я не хочу, чтобы Кай делал сомнительные, возможно, рискованные вещи только для того, чтобы достать информацию.

— Со мной все будет в порядке, я не буду напрягаться, — успокаивает он меня. Когда я продолжаю проявлять свою озабоченность, он добавляет: — Я не сделаю ничего сумасшедшего. Просто возьму свой телефон и бумаги и уйду.

— Могу я пойти с тобой, чтобы не сидеть сложа руки и не волноваться?

Его мышцы напрягаются. — Я не уверен, что это хорошая идея.

— В любом случае, тебя нужно подвезти.

Его губы сжимаются, как будто он только что осознал это.

— Видимо да. Черт. Я совсем забыл об этом. Мне нужно решить, что делать с моей машиной. — Он чешет в затылке. — Хорошо, ты можешь пойти. Но тебе придется посидеть в машине.

— Спасибо за все. — Даже не задумываясь, я обнимаю его. — Ты лучший друг на свете.

— Я знаю, — говорит он, обнимая меня за талию.

Мы обнимаемся секунду или две, прежде чем я начинаю отстраняться, но его руки сжимаются и прижимают меня ближе.

— Еще одну секунду, — бормочет он, утыкаясь лицом в изгиб моей шеи.

Я не знаю, зачем ему нужно больше времени, но я даю ему его.

После того, как он наконец отпускает меня, он перелезает через забор, а затем помогает мне.

Когда мы оказываемся у дома, мои мысли мгновенно возвращаются к маме. Я пытаюсь представить ее сидящей в тюрьме, запертой, ужасным человеком, совершившим ужасные поступки. Хотя это трудно представить, может быть потому, что я даже не знаю, как она выглядит. Я ничего о ней не знаю, кроме того, что ее зовут Белла и что она может быть убийцей. Мысль о том, что это так — все, что я буду знать о ней, — заставляет меня чувствовать тошноту.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть в этих бумагах будет что-то хорошее.

Кай

Я уже начал беспокоиться об Изе. Она выглядела такой бледной, такой запыхавшейся, как будто вот-вот упадет в обморок. Возможно, я облажался, рассказав ей о маме. Однако после того, как я повел ее на прогулку и отвлек рассказом о Ханне, ей удалось немного успокоиться. И это неудивительно. Она всегда была сильной. Через многое прошла в своей жизни и сумела не пасть духом.

Я рад, что смог ей помочь. Тем не менее, когда она спросила меня, что я сказал Ханне, чтобы затащить ее в дом, у меня самого чуть не случился приступ паники. На секунду я, черт возьми, чуть не сошел с ума и почти признался ей. Слава Богу, мне удалось мысленно вбить в себя немного здравого смысла и держать рот на замке. Может быть, я расскажу ей когда-нибудь, но определенно не сегодня. Она уже достаточно пережила за один день и ей не нужно, чтобы я вываливал на нее свои чувства.

— Я не одобряю эту идею, — говорит бабушка Изы после того, как мы возвращаемся на стоянку и Иза рассказывает ей о нашем плане поехать к Большому Дугу и заполучить копию документов. — После такого утра, которое у тебя было... Я бы предпочла, чтобы ты осталась дома, по крайней мере, на один день.

Иза переминается с ноги на ногу рядом с ней.

— Бабушка, это действительно важно. Что, если в этих бумагах есть что-то, что поможет, — она кусает ноготь большого пальца, — например, доказательства, что она невиновна.

Ее бабушка вздыхает и кладет руку на плечо Изы.

— Дорогая, я очень сомневаюсь, что это будет в тех бумагах. Если бы что-то подобное было известно, я уверена, что она не сидела бы в тюрьме.

— Ты думаешь, что она виновна? — спрашивает Иза надтреснутым голосом.

— Нет, я не это имела в виду. — Она сжимает плечо Изы. — Почему бы нам не избежать поспешных выводов, пока у нас нет фактов?

— Это то, что она пытается сделать, — вмешивается Индиго, затем подносит руки ко рту, чтобы закурить еще одну сигарету.

— Я это понимаю, — отвечает их бабушка сквозь стиснутые зубы. — Но я не думаю, что отпраиваться в дом какого-то парня, чтобы увидеть документы по делу, сейчас лучшая идея, особенно когда я ничего не знаю об этом молодом человеке или о том, как ему удалось получить эту информацию о маме Изы. — Ее глаза останавливаются на мне, как будто ожидая объяснений.

— Он мой друг, — говорю я, зная, что мне нужно ее успокоить. Большой Дуг ясно дал понять с того самого дня, как я его встретил, что он не хочет, чтобы люди знали о нем очень много. — И он действительно хорошо разбирается в компьютерах.

— Он хакер? — спрашивает бабушка с недоверием, написанным на ее лице.

— Вы знаете, кто такие хакеры? — шокировано спрашиваю я.

Индиго давится сигаретным дымом.

— Срань господня, Кай. Теперь ты еще влез. Ты просто разозлил ее.

Бабулины глаза сужаются, сначала на Индиго, потом на меня.

— Да, я знаю, кто такой хакер. Может, я и стара, но не глупа.

Я делаю извиняющееся лицо. — Извините. Я просто подумал...

— Ты подумал, что из-за того, что я старая, я ничего не знаю. — женщина смотрит на меня, скрестив руки на груди, с суровым выражением лица. — Но я многое знаю, например, если ваш друг каким-то образом получил записи об этом деле, он, вероятно, получил их незаконно.

— Я не уверен, была ли это информация из дела. — Не знаю, что еще сказать, потому что, честно говоря, зная Большого Дуга, вероятнее всего он взял ее именно оттуда. — То, что он раскопал ранее, не было незаконным. Это были публичные записи.

Лоб их бабушки морщится. — То, что он раскопал ранее?

— Пару дней назад, когда он сообщил мне новость о том, что мама Изы была... — Я замолкаю, бросая взгляд на Изу. Она стоит, обхватив себя руками и опустив голову. — Всю информацию, которую он дал мне тогда, можно найти в Интернете.

— Но как он вообще узнал ее фамилию? — Иза смотрит на меня снизу вверх, печаль в ее глазах почти поглощает меня целиком.

— Возможно, это как раз было незаконно, — признаю я. — Я, честно говоря, не знаю его методов. Я просто передал информацию.

Иза засовывает руки в карманы моей куртки, которая на ней.

— И что там? — спрашивает она так тихо, что я едва слышу ее. — Я имею в виду ее фамилию.

— Белла Лароуз. — Я сжимаю пальцы, чтобы не прикоснуться к ней снова, зная, что сейчас, возможно, не лучшее время для этого.

Иза смотрит вдаль.

— Красивая... слишком красивая, я думаю.

Я не уверен, что именно она имеет в виду, но что-то в том, что она говорит, вызывает нервозность у ее бабушки.

— Хорошо, ты можешь пойти, но при одном условии. Индиго едет с вами, и вы двое сидите в машине, пока он, — она тычет пальцем в меня, глядя на Изу, — разбирается. Я вообще не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Сейчас слишком рискованно, когда все это происходит с твоими родителями. Они все еще твои законные опекуны и последнее, что нам нужно, это чтобы тебя арестовали. Нам нужно вести себя как можно тише. — Она бросает взгляд в сторону Индиго и меня. — Всем нам.

Не знаю, почему я участвую в их семейных решениях, но я ловлю себя на том, что киваю в знак согласия. Последнее, чего я хочу, это чтобы у Изы были неприятности из-за того, что я сделал. Я просто хотел бы, чтобы у меня не было столько проблем.

— Может быть, Каю стоит просто одолжить машину, позволив сесть за руль самому. — Их бабушка снова становится настороженной.

Иза качает головой.

— Он не сможет вести машину. Рекомендации врача, помнишь?

— Черт, совсем забыла об этом. — Прищуренный взгляд их бабушки падает на меня. — Ты проследишь, чтобы она осталась в машине?

Я перекрещиваюсь.

— Клянусь, она и шагу не ступит.

— Я не ребенок, — говорит Иза своей бабушке. — Если я сказала, что не пойду, значит, не пойду.

— Точно так же, как в тот раз, когда вы с Индиго тысячу раз обещали мне, что вернетесь в отель до полуночи, — отвечает она, выгибая бровь.

Иза делает виноватое лицо.

— Эм, я думаю, что это была ночь, когда сломались мои часы, может быть.

— Эй, это не наша вина, что ты не знала, что пять часов — это новая полночь, — прерывает Индиго и облако дыма окружает ее лицо.

Их бабушка тяжело вздыхает.

— Пожалуйста, просто поторопись. Чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее я смогу расслабиться. Пока тебя не будет, я поговорю со своим другом-полицейским и посмотрю, может ли он нам что-нибудь рассказать. Я также собираюсь спросить его о взломе, чтобы узнать, следует ли мне сообщить об этом. — Она бросает связку ключей Индиго. — Возьми другую машину на случай, если он будет осматривать эту.

— Вы еще могли бы узнать, есть ли у него доступ к камерам видеонаблюдения, — говорю я, наклоняясь, чтобы завязать шнурок. — Было бы неплохо выяснить, кто взломал машину.

Бабушка открывает рот, чтобы что-то сказать мне, но потом решает этого не делать и поворачивается к Изе.

— Будь осторожна, — предупреждает она, прежде чем уйти.

— Мне не нравится, что она так переживает, — бормочет Иза, когда ее бабушка находится вне пределов слышимости. — Это слишком вредно для ее здоровья.

Я иду рядом с ней.

— Тебе нужно попытаться расслабиться.

Она, кажется, только еще больше напрягается.

— Я могу попытаться, но не думаю, что это произойдет, пока я не буду знать наверняка... И даже тогда я, возможно, не смогу... В зависимости от того, как все это обернется.

Индиго бросает сигарету на землю и топчет ее ботинком.

— Хочешь знать мое мнение?

Иза смотрит на нее.

— Да, конечно.

Она берет Изу под руку.

— Я думаю, что, что бы ни случилось, в конце концов ты снова будешь в порядке.

— Я не уверена в этом, — говорит Иза. — Мне кажется, что все уже никогда не будет как прежде.

— Согласна, — отвечает Индиго. — Но это вышедшее из-под контроля, больше не имеющее смысла чувство, которое ты испытываешь прямо сейчас, исчезнет.

— Откуда ты знаешь, что я так себя чувствую? — спрашивает Иза. — Я в тупике.

— У всех нас это было в то или иное время.

— За этим стоит нечто большее. У тебя есть история. — Иза пристально смотрит на свою кузину. — Рассказывай.

— Сейчас не лучшее время для моих историй. — Индиго спрыгивает с тротуара и направляется к машине, припаркованной на стоянке напротив нас. — Лучше нам сосредоточиться на том, чтобы выяснить, что, черт возьми, было в этой папке.

Я следую за ними, скрестив пальцы, чтобы Большой Дуг не стал занозой в заднице и выдал еще один экземпляр. Я не думаю, что возникнет проблема, но иногда он становится

странным без причины.

Как только мы садимся в машину, Индиго выезжает с парковки и едет к выходу из жилого комплекса. Когда выезжаем на главную дорогу, Индиго спрашивает меня, куда ехать. Указываю ей повернуть направо и некоторое время двигаться прямо. Я дам ей знать, когда сделать следующий поворот. Затем я откидываюсь на спинку и пытаюсь расслабиться, но с моей раскалывающейся головой и растущим беспокойством за Изу это практически невозможно.

Я хочу утешить Изу или хотя бы попытаться отвлечь ее, но я сижу на заднем сиденье, а она впереди на пассажирском сиденье. Она не посмотрела ни на меня, ни на Индиго с тех пор, как мы сели в машину. Я знаю, что означает эта тишина. Это значит, что она молча тонет в своих собственных тревогах. Я знаю ее достаточно, чтобы понять это. Единственный способ остановить это — отвлечь внимание.

Я подаюсь вперед на сиденье.

— У меня есть одна идея.

Индиго встречает мой взгляд в зеркале заднего вида.

— Стоит ли мне волноваться?

Я кладу руки на консоль.

— Мои идеи всегда потрясающие.

— Я не знаю об этом, — говорит она. — Прошлой ночью ты пытался убедить нас подняться на гору. Ты сказал, что здорово сделать это именно в темноте, потому что мы не знали бы, где находимся, что на самом деле не имело никакого смысла. Но когда Иза спросила тебя, почему это было бы весело, ты сказал: «Потому что опасность — это весело».

Я невинно улыбаюсь ей.

— Это не похоже на то, что я бы сказал.

— Ты был совершенно не в себе. — Она замедляет машину перед знаком «Стоп». — Но все равно, я тебя не знаю. Я допускаю, что ты говоришь что-то подобное и в обычном состоянии.

Моя бровь удивленно приподнимается.

— Ты делаешь преждевременные выводы о моем характере!

Она возится с обогревателем, крутит ручку.

— Судя по твоему поведению, ты кажешься парнем, который любит много шутить.

— Не все время, — возражаю я, притворяясь обиженным. — Иногда я могу быть серьезным.

— Я не видела, чтобы ты вел себя серьезно, так что мне придется поверить тебе на слово. — Она бросает косой взгляд на Изу, которая все еще смотрит в окно, затем снова смотрит в зеркало заднего вида. — Итак, какова твоя идея? Надеюсь, что-нибудь отвлекающее.

— Это очень отвлекает. — Я наклоняюсь вперед и поворачиваю ручку стереосистемы. — Нет, нет и нет, — говорю я, просматривая станции в поисках идеальной песни.

После того, как я нахожу подходящую, я откидываюсь на спинку сиденья, когда включается песня Isona Pop. Когда ритм набирает обороты, я начинаю танцевать, раскачиваясь на сиденье и покачивая головой. Индиго присоединяется, постукивая пальцами по рулю. Мы уже делали это раньше, в ту ночь, когда она забрала нас с Изой с вечеринки. Изе тогда потребовалось некоторое время, чтобы проникнуться, но в конце концов она

начала раскачиваться вместе с нами. Однако сегодня она не сдвинулась с места. Ее руки сложены на коленях, взгляд прикован к окну, тело напряжено, как струна.

Ладно, тяжелые времена требуют решительных мер.

Отстегнув ремень безопасности, я бросаюсь вперед и перекидываю ногу через перегородку.

— Какого черта, Кай! — Индиго вскрикивает, ее пальцы сжимают руль. — Мы попадем в аварию из-за тебя.

— Нет, если ты будешь смотреть на дорогу, — говорю я, неуклюже ныряя на сиденье рядом с Изой.

Когда мое бедро натывается на ее, она поворачивает голову в мою сторону, ее глаза огромные.

— Что ты делаешь? — она бормочет сквозь судорожный вздох.

— Очевидно, вызываю всеобщую панику. — Я просовываю руку, чтобы отстегнуть ремень безопасности. — Не могу поверить, что вы двое так удивляетесь. Как будто никогда не видели, чтобы парень пытается быть внимательным.

— Внимательным? — Индиго бросает на меня обвиняющую ухмылку. — Станный выбор слов.

Я не совсем уверен, в чем она меня обвиняет, но я сглаживаю эту тему.

— Ну, я странный парень. — Я бросаю улыбку в ее сторону, обнимая Изу. — Станные парни употребляют странные слова.

— И это все? — спрашивает она. — Потому что мне кажется, что ты пытаешься произвести впечатление на определенного человека.

— Мне не нужно пытаться произвести впечатление, — язвительно замечаю я, хватая Изу за бедра и сажая ее к себе на колени. — Это неизбежно.

Иза начинает ерзать, пытаясь слезть.

— Ни за что. Ты никуда не пойдешь. — Я спешу и обхватываю ее руками за талию, оттягивая ее назад, пока она не устраивается у меня между ног, прижимаясь спиной к моей груди. Затем я протягиваю руку назад, пристегиваю нас ремнем безопасности к сиденью. — Ты обещала мне, что положишь голову мне на колени, помнишь?

— Да, но это не моя голова, — подчеркивает она. — Это намного больше, чем моя голова.

— О, я знаю это. — Я нежно поглаживаю ее бедро, заставляя ее мышцы сжиматься. — Но разве это ненамного лучше? — Я притягиваю ее ближе и кладу подбородок ей на плечо. Боже, она так вкусно пахнет. Как печенье. — Здесь так уютно и расслабляюще.

Она отвечает не сразу. Я думаю, может быть, она думает, как ей слезть с меня, но потом ее тело начинает вздрагивать. Я понимаю, что она плачет одновременно с Индиго.

— Иза. — Индиго протягивает руку и гладит Изу по плечу. — Все будет хорошо.

Покачив головой, Иза поворачивается всем телом и утыкается лицом мне в грудь. Ее руки находят низ моей рубашки, и она сжимает ткань в кулаках, когда ее плечи дрожат.

— Я пытаюсь быть сильной, — хрипит она. — Но я чувствую, что схожу с ума. Я не могу перестать думать о ней, о своей жизни и о том, как все взаимосвязано. Если она плохой человек, это значит, что я тоже могу быть плохой, верно?

Я провожу рукой по затылку, пытаюсь придумать, что сказать, но в голове пусто. Индиго смотрит на меня, молча умоляя сделать что-нибудь. Я чувствую себя таким же беспомощным, как и она.

Не зная, что еще делать, я просто начинаю говорить.

— Ты помнишь тот день в седьмом классе, когда мы шли домой, но я не разговаривал с тобой всю дорогу? — спрашиваю я, покачивая Изу взад-вперед. — Шел дождь, и я был в очень плохом настроении, потому что друзья Кайлера заперли меня в шкафчике в качестве шутки. Ты, наверное, подумала, что я веду себя как придурок, потому что я не сказал тебе, что меня беспокоит. По крайней мере, я так думал, пока мы не добрались до моего дома.

— Я помню тот день. Ты казался очень грустным, — шепчет Иза. — Я ненавидела, когда ты выглядел грустным. Ты всегда казался слишком хорошеньким, чтобы быть таким печальным.

Индиго прикрывает рот рукой, а ее плечи вздрагивают, когда она пытается беззвучно рассмеяться.

Я хихикаю.

— Хорошенький, да? Я не уверен, следует ли воспринимать это как оскорбление или комплимент.

— Это комплимент, — уверяет она меня, ее голос едва слышен.

— Мне придется поверить тебе на слово. — Я рисую сердечки на ее спине кончиком пальца. — Но на самом деле я не это имел в виду. Я имею в виду то, что ты сказала прямо перед тем, как я вошел в свой дом.

Она вырывается из моих объятий и садится прямо, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Я не помню, чтобы говорила тебе что-нибудь.

Вероятно, потому, что ее слова значили для нее не так много, как для меня. В тот день я здорово огреб. Друзья Кайлера обращались со мной как с дерьмом, мой отец кричал на меня в то утро, потому что я пролил сок на пол, и я получил наказание за опоздание на урок только потому, что был заперт в шкафчике.

— Ты сказала, что, что бы со мной ни случилось, завтра будет другой день, что не бывает двух одинаковых дней. — Я вытираю несколько случайных слез с ее щек большим пальцем. — Тогда ты сказала, вероятно, одну из самых очаровательных вещей, которые я когда-либо слышал от тебя. Ты сказала, что не все дни могут быть дерьмовыми, иначе счастья бы не существовало. А оно должно существовать; иначе сказки, мечты и комедии не придумали бы.

— Комедии? — Индиго озадаченно смотрит на меня. — Это кажется лишним.

— Нет, это не так, — возражает Иза, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Комедии смешны и заставляют людей смеяться, поэтому они связаны со счастьем так же, как сказки и мечты.

— Я на самом деле не связываю сказки или мечты со счастьем, — говорит Индиго, кладя руку на рычаг переключения передач. — Я предпочитаю секс и шоколад. Однажды ты поймешь, о чем я говорю.

Щеки Изы краснеют, когда ее взгляд скользит по мне.

— Это к делу не относится. — Обычно я бы не упустил возможность подразнить ее, но, учитывая, что она рыдает в мою рубашку, я решаю отпустить ситуацию. — Суть в том, что ты сказала. Что не все дни плохие. И я знаю, что сейчас думать об этом безумно, потому что вся эта история с твоей мамой все еще очень болезненна, но, в конце концов, эта боль исчезнет.

— Но она может не исчезнуть полностью, — шепчет Иза, потирая руки вверх и вниз.

— Нет, возможно, что нет, — честно отвечаю я. — Но определенно станет легче.

Она изучает меня так долго, что мне становится не по себе.

— Ты довольно мудр, когда хочешь быть таким, — наконец говорит она.

Я пожимаю плечами. — Просто повторил твои слова.

— Ты сделал больше, чем это. — Она выглядит так, как будто хочет сказать что-то еще, но вместо этого она прижимается ко мне.

Она больше ничего не говорит, пока мы едем, но она уже не такая отстраненная. Я начинаю водить пальцами вверх и вниз по ее руке, пытаюсь успокоить ее, насколько это возможно. Затем я замечаю красные отметины на ее запястье.

— Откуда у тебя это? — спрашиваю я, закатывая рукав куртки, чтобы лучше рассмотреть.

Она хмурится, глядя на отметины.

— Они, наверное, остались после того, как Линн схватила меня вчера.

По моему телу пробегает волна гнева. — Она сделала это с тобой?

— Да, мы спорили, и она схватила меня. Не знаю, намеренно ли она это сделала или нет. — Иза пожимает плечами. — Ведь это не имеет значения, не так ли? Я больше не живу с ней, так что она не может сделать этого снова.

— Не делай этого, — говорю я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. — Не отмахивайся от этого как от пустяка. Не занижай свою самооценку.

— Я не занижаю свою самооценку, — шепчет она, ее большие глаза широко раскрыты, показывая боль, которую она чувствует внутри. — Я просто... не хочу придавать этому большого значения. Итак слишком много всего происходит.

Я сжимаю руки в кулаки. — Если это снова случится, мы это так не оставим.

— Хорошо, но у нее больше не будет такой возможности, потому что меня не будет рядом. — Она понижает голос. — И мне, вероятно, следовало бы сказать тебе то же самое.

Может быть, она и права. Мой отец никогда не бил меня, но пару раз он переходил черту и оставлял на мне отметины и синяки. Я никогда ни с кем не говорил об этом, в основном потому, что его гнев часто казался оправданным. Я совершал глупости. Я понимал это. Никогда не был таким, как Кайлер, который просто делал все, что говорил наш отец. Мне всегда приходилось подвергать сомнению все, что он хотел от нас. Я все портил. Я защищался. Я для него сплошное разочарование, в то время как Кайлер — идеальный сын.

— Бабушка Стефи знает об этих отметинах? — спрашивает Индиго у Изы.

— Я сказала ей, что она схватила меня, — говорит она Индиго. — Это одна из причин, по которой Линн и мой отец больше не спорили с ней и позволили мне съехать.

Индиго ненадолго замолкает.

— Я действительно ненавижу эту женщину, — наконец говорит она. — Я просто рада, что тебе больше не нужно быть рядом с ней.

— Я тоже, — бормочет Иза, прислоняясь ко мне спиной.

Остаток пути мы проводим в молчании. После того, как Индиго паркуется перед домом Большого Дуга, я отстегиваю ремень безопасности, а Иза вылезает из машины, чтобы я мог выйти.

Она внимательно рассматривает простой дом в стиле ранчо.

— Так вот как выглядит дом хакера, да? Я представляла себе нечто большее... Ну не знаю, большой и броский.

— Я никогда не говорил, что он хакер, — напоминаю я ей, вытягивая руки над головой.

Моя рубашка на дюйм задирается с поднятыми руками, и я замечаю, что Иза украдкой

смотрит на мой живот, прежде чем ее взгляд сталкивается с моим.

Она трет покрасневшие глаза и несколько раз моргает, приспособиваясь к солнечному свету.

— Но никогда и не говорил, что он не хакер.

Подавляя улыбку, я подталкиваю ее к машине. — Тащи свою милую попку обратно в машину. Я вернусь через минуту.

Она закусывает нижнюю губу.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я пошла с тобой?

На долю секунды все мое внимание сосредотачивается на ее губах. Но потом я вспоминаю, как она сказала мне, что Кайлер поцеловал ее. Черт возьми, поцеловал ее. Гадство. Я знаю, что не имею права расстраиваться, но это так. Я ненавижу, что он поцеловал ее первым. Я ненавижу, что он вообще целовал ее.

— Кай. — Иза машет рукой перед моим лицом. — Ты в порядке? У тебя что-то болит? Или закружилась голова?

— Я в порядке. — Я выкидываю из головы мысли о том, как они с Кайлером целовались, кладу руки ей на плечи и мягко подталкиваю ее к машине. — И я ни за что не позволю тебе пойти со мной. Твоя бабушка надрала бы мне задницу.

— Ты серьезно боишься мою бабушку?

— Черт возьми, да, это так. У женщины ястребиные глаза.

Иза хихикает, но звук перерастает во вздох.

— Ну, ей не обязательно знать. Это может быть нашим маленьким секретом. — Она подмигивает мне, как будто мы заключаем молчаливое соглашение.

— Посмотри на себя, пытаешься быть такой милой и хитрой, — говорю я и снова подталкиваю ее к машине. — Но мой ответ — нет. Я не поведу тебя туда. И не только потому, что я в ужасе от твоей бабушки. Это слишком опасно.

— Но ты позволил мне поговорить с Большим Дугом на вечеринке.

— Это было в домике у бассейна у Брэндона. Здесь... Здесь он проводит больше времени.

Я вижу, что вопросы вертятся у нее на кончике языка, но она сдерживается и садится в машину. Я жду, пока она закроет дверь, прежде чем направиться по подъездной дорожке. Следуя правилам Большого Дуга, я огибаю дом сбоку, чтобы не попадаться на глаза его соседям. Когда я стучу в дверь, она со скрипом открывается сама по себе, и я сразу чувствую, что что-то не так. Большой Дуг никогда не держит свою дверь незапертой, не говоря уже об открытой. Если бы он это сделал, сработала бы сигнализация.

Я думаю о том, что сказал мне парень на парковке перед тем, как вырубить меня: скажи Большому Дугу, что его три попытки закончились.

Я толкаю дверь и захожу внутрь. В доме тихо, свет выключен, шторы задернуты. В воздухе плавают так много пыли, что я начинаю кашлять. Прикрыв рот рукой, выхожу из фойе и направляюсь к лестнице, ведущей в подвал.

Проходя мимо гостиной, я замечаю, что вся мебель перевернута, а книжные полки выглядят так, словно к ним поднесли бензопилу. Учитывая, сколько пыли плавают в воздухе, мне интересно, когда это произошло. Вероятно, не так давно.

Черт, а что, если тот, кто это сделал, все еще здесь?

Я резко останавливаюсь в дверях кухни, когда замечаю, что сигнализация отключена. Я раньше такого не замечал. Он всегда отключает ее, чтобы открыть дверь, а затем сразу же

включает. Я обдумываю, что мне делать. Выбраться и бежать обратно к машине? И что потом? Позвонить в полицию? Если Большой Дуг здесь, его легко могут арестовать, если появится полиция. Я слышал, как он пару раз упоминал о том, что у него проблемы с законом. Честно говоря, я даже не знаю его настоящее имя.

Я решаю собраться с духом и спешу к лестнице. Стараюсь не шуметь, ступая как можно тише. Добравшись до подвала, я сразу понимаю, что произошло что-то плохое. Комната, которая когда-то была заполнена компьютерами, принтерами и картотеками, совершенно пуста. Осталась только пара картотечных шкафов и письменный стол, но и они опустошены. Если бы я не тусовался здесь с Большим Дугом кучу раз, я бы предположил, что дом заброшен.

Я подхожу к столу и заглядываю в открытые ящики. Пусто. Я заглядываю в картотечный шкаф. И снова ничего.

— Черт, черт, черт. — Я опускаюсь в компьютерное кресло, грубо запустив пальцы в волосы. Как, черт возьми, я должен пойти туда и сказать Изе, что все, что было в этих бумагах, исчезло? Я знаю, что надежда — единственное, что удерживает ее от полного развала.

— Боже, здесь такой беспорядок. — Я прислоняюсь к спинке стула и откидываю голову назад.

Что-то на потолке привлекает мое внимание. На одной из потолочных плиток есть серебряная наклейка в форме звезды — знак Большого Дуга, как он выразился. Однажды он сказал мне, что прятал вещи по всему дому на случай чрезвычайной ситуации. Я действительно не знал, что он имел в виду в то время или что он вообще скрывал, но все же я должен посмотреть.

Я поднимаюсь со стула и тащу его в угол комнаты. Забираюсь на него, протягиваю руку и отодвигаю плитку до упора в сторону. Затем просовываю руку в отверстие и ощупываю пространство, пока мои пальцы не натыкаются на что-то пластиковое. Джекпот.

Я спрыгиваю со стула, затем открываю пакет с наклейкой смайлика на ней. Внутри мой телефон, флешка и записка. Сначала я выуживаю записку.

Кай,

Извини, что втянул тебя в эту историю и извини, что сбежал без объяснений, но мне нужно ненадолго залечь на дно. Я почистил твой телефон на случай, если он прослушивался. И я уверен, ты надеялся, что я узнаю больше о маме Изы. Я нашел кое-что довольно интересное. Эта флешка все объясняет. Я свяжусь с тобой, когда смогу. А до тех пор помолчи, парень.

Большой Дуг

Я не знаю, кто за ним гонится, но если Большой Дуг сбежал, это довольно дерьмово.

Оглядываю комнату, засовывая флешку и записку в ботинок. Затем поднимаюсь по лестнице, проводя пальцем по экрану телефона, чтобы проверить свои сообщения. Неудивительно, что от моих родителей нет никаких звонков. У меня есть одно голосовое сообщение, поэтому я ввожу свой пароль, чтобы прослушать его.

Это сообщение, которое Иза оставил вчера, с просьбой подвезти. Это было в то время, когда она была с Кайлером и она кажется расстроенной. Наверное, в то самое время, когда он повел ее на футбольное поле. Я все еще не могу поверить, что он сделал это с ней — привел ее в круг своих друзей и друзей Ханны. Он знает, какими стервозными могут быть

эти девушки, но, вероятно, он пытался произвести на нее впечатление своими футбольными навыками, что просто чертовски глупо. Если бы он знал Изу, то знал бы, что она не любит футбол, никогда по-настоящему не любила.

Сейчас это не имеет значения. Что важно, так это добраться до компьютера и открыть все, что находится на этой флешке. Я скрещиваю пальцы, что это будет какая-то хорошая новость, может быть, даже луч надежды. Изе действительно необходимо хоть что-то хорошее прямо сейчас, и я сделаю все, чтобы убедиться, что так и будет.

Изабелла

— Ты бы перестала грызть ногти. — Умоляет Индиго, опуская зеркало перед собой. — Они будут уродливые и неровные, если ты продолжишь в том же духе.

— Я ничего не могу с этим поделать. — Поджимаю кисти рук под ноги, чтобы остановиться. — Слишком нервничаю. Кай там уже много времени. Вдруг что-то случилось? Что, если Большой Дуг не даст ему еще один экземпляр? Или что, если он отдал его, но там настолько все плохо, что Кай не хочет выходить и сообщать мне новости?

Она роется в сумочке в поисках тюбика губной помады.

— Перестань беспокоиться о том, что, если, и просто подожди, чтобы увидеть, что произойдет. — Она наносит слой помады на губы и складывает их вместе. — Нет ничего хорошего в том, чтобы беспокоиться о том, чего может и не случиться.

— Да, я знаю. — Откидываюсь на спинку сиденья, снимаю кроссовки и подтягиваю ноги к груди. Я думаю о том, что сказал мне Кай — завтра будет другой день, и сосредотачиваюсь на этом. Это единственное, что я могу сделать, кроме как снова начать плакать, мои глаза и так на мокром месте. — Могу я задать тебе вопрос?

Она бросает помаду обратно в сумочку. — Ты знаешь, что можешь спросить меня о чем угодно.

— Да, но это довольно странный вопрос.

— Иза, почти каждый вопрос, который ты задаешь, странный, как в тот раз, когда ты спросила меня, мое мнение о том, могут ли гномы оживать ночью и танцевать во дворе.

— Эй, я все еще сомневаюсь в этом. — Я кладу подбородок на колени. — Никогда не знаешь... ни о чем наверняка.

— Вот именно. Так что перестань беспокоиться о том, что делает Кай. Я уверена, что он скоро появится ... — Она поворачивает голову в сторону дома. — Смотри, вот и он.

Я сажусь и смотрю, как Кай приближается к нам по подъездной дорожке. При виде его мои нервы начинают сдавать. Я пытаюсь понять, как он себя чувствует, но выражение его лица остается непроницаемым, когда он обходит машину спереди и открывает пассажирскую дверь.

— Выйди, чтобы я мог забраться внутрь, — говорит он, оглядывая дома, выстроившиеся вдоль улицы.

— Ты действительно хочешь снова так сесть? — спрашиваю я, опуская ноги на пол.

Не то чтобы мне не понравилось сидеть у него на коленях, но теперь, когда я перестала всхлипывать, это вроде как кажется... Я не знаю, неуместно. Теперь, когда я не разваливаюсь на куски, я слишком хорошо понимаю, что не принимала душ пару дней. В этот момент, наверное, мой запах довольно стойкий.

Он насмешливо поднимает брови, и, вздохнув, я вылезаю из машины. Делаю шаг назад и позволяю ему скользнуть на пассажирское сиденье. Как только он устраивается поудобнее, то протягивает руку, хватая меня за подол рубашки и тащит к себе. Будучи самой собой, я в конечном итоге спотыкаюсь о свои ноги и падаю ему на колени. Он сдавленно стонет, когда моя задница ударяется о его колени, вероятно, раздавливая его мужские части.

Я быстро оборачиваюсь.

— О, Боже мой. Ты в порядке?

— Да, просто замечательно. — Его лицо искажено от боли, когда он закрывает дверь.

Он выглядит в разрез со своими словами. На самом деле, он выглядит бледным. Интересно, как он себя чувствует, не из-за сотрясения ли это, не связано ли это с тем, что он только что узнал.

— Думаю, тебе следует немного отдохнуть, — говорю я первой, потому что его самочувствие важнее всего.

— Так и сделаю немного погодя. — Он перемещает свой вес, прижимая мою спину к своей груди. Затем пристегивает нас и обнимает меня. — У меня есть хорошая новость и плохая. Какую хочешь услышать в первую очередь?

Когда я начинаю снова грызть ногти, Индиго вопит:

— Иза, прекрати сейчас же.

Я вынимаю пальцы изо рта.

— Давай начнем с плохих новостей, — говорю я Каю.

Он колеблется.

— Большой Дуг... Ну, он ушел.

— Что значит ушел? — Я спрашиваю. — Как будто он пошел в магазин? Или как будто он собрал свое барахло и сказал: «Прощай, Саннивейл»?

— Как будто он бежал-спасая-свою-жизнь, — торжественно говорит Кай. — Половина его вещей все еще там, но его дом разгромлен. И он забрал все свои компьютеры.

— От чего ему убегать? — Я стараюсь не паниковать, но слышу, как колотится сердце в груди. Стук. Стук. Стук. Стук. Ты. Никогда. Не. Узнаешь. Могла ли... Она. Быть. Невинной.

— Много причин, — говорит Кай, потирая глаз тыльной стороной ладони. — Когда я впервые встретил Большого Дуга, он предупредил меня, что однажды может просто исчезнуть.

Я двигаюсь, пока моя спина не прижимается к консоли, так мне легче смотреть на Кая.

— Как ты вообще с ним познакомился?

Он смотрит вперед, когда Индиго выезжает на дорогу.

— На вечеринке. Это была своего рода случайность, что мы стали друзьями. На самом деле у нас не было ничего общего, но мы оба были не в адекватности... — Его взгляд скользит к Индиго, затем возвращается ко мне. — Пьяны. И он проговорился о том, чем занимается, даже сказал мне, что, если я захочу подработать, он может меня нанять. У меня были кое-какие проблемы и его предложение быстро заработать, практически ничего не делая, звучало идеально не только из-за денег, но и из-за перемен... риска... Что ж, все звучало по-другому. И я хотел другого. Я хотел быть парнем, который был бы не просто младшим братом Кайлера.

— Ты никогда не был просто младшим братом Кайлера. — Я понимаю, о чем он говорит. Даже сейчас люди называют меня сестрой Ханны. — Многие знают тебя не только по школе, Кай. У тебя есть друзья.

— Теперь да, — говорит он. — Но год назад... Все мои друзья были связаны с Кайлером и я ненавидел это. Ненавидел, что он всегда был лучше меня во всем, так что я хотел иметь что-то, в чем он не был хорош.

Я бросаю на него взгляд.

— Итак, ты подумал, что это что-то — работа на хакера?

— Я никогда не говорил, что он хакер, — напоминает он мне, рассеянно играя с низом моей рубашки. — И да, я понимаю, как глупо это звучит — ввязаться в неприятности, чтобы вырваться из тени своего брата, — но в то время это казалось потрясающей идеей.

— Может быть, это была трава, которая заставила тебя так думать, — предполагаю я, борясь с дрожью, когда его костяшки пальцев касаются моей кожи.

— Я уже сказал тебе, что больше так не делаю. — Его взгляд снова устремляется на Индиго.

— Она не будет осуждать тебя, — говорю я ему. — Так как тоже баловалась.

— Я не волнуюсь, что она осудит меня. — Когда он оглядывается на меня, его губы изгибаются в дразнящей усмешке. — Я беспокоюсь, что она расскажет твоей бабушке и тогда она больше не позволит мне общаться с тобой.

— Она не расскажет, — обещаю я и оглядываюсь через плечо. — Верно, Индиго?

— Конечно, я не скажу, — отвечает Индиго, закатывая глаза. — Вам двоим нужно проводить время вместе. Вы слишком идеальны.

Кай усмехается, но затем улыбка исчезает.

— Вы готовы услышать хорошие новости? — он спрашивает.

На долю секунды я даже не понимаю, о чем он говорит. Его способность заставлять меня забывать обо всем удивительна.

— Эм, да? — Это больше похоже на вопрос, в основном потому, что он, кажется, не слишком рад хорошим новостям. — Но если это хорошие новости, почему ты кажешься таким подавленным?

— Потому что я думаю обо всех проблемах, которые могут возникнуть с этой хорошей новостью, — говорит он, а затем вздыхает. — Итак, Большой Дуг оставил мне флешку и записку, в которой говорилось, что на флешке есть информация о твоей маме. И я был действительно взволнован примерно минуту назад, когда понял, что, более чем вероятно, у этой чертовой штуки будет система безопасности, пароли и прочее дерьмо, чтобы никто не мог получить к ней доступ.

— Звучит проблематично, — говорю я, хмурясь.

— Все так и есть, — объясняет он. — Он осторожен во всем, что делает.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто может взломать эти пароли, систему безопасности и прочее? — спрашиваю я, скрепя пальцы на руках и ногах.

Он качает головой из стороны в сторону, размышляя об этом.

— Возможно, я смогу это сделать, но это займет некоторое время.

Моя челюсть чуть не ударяется о колени.

— Ты знаешь, как взламывать пароли?

— На самом деле это не взлом. — Он пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного. — Больше похоже на решение головоломки.

Я внимательно изучаю его.

— Что еще ты умеешь делать, о чем я не знаю?

— Есть много вещей, которые я умею, о которых ты не знаешь. — Его губы угрожающе приподнимаются. — Пока что.

Я чувствую, как краснеют мои щеки. *Возьми себя в руки. Перестань быть странной. Он не это имел в виду.*

— Да, боже ты мой, — резко кричит Индиго, хлопая рукой по рулю. — Не могли бы вы двое уже просто поцеловаться? Я больше не могу выносить этого сексуального напряжения.

Я поворачиваю голову в ее сторону и бросаю на нее свой лучший смертоносный взгляд. Она мило улыбается мне и невинно пожимает плечами. Собравшись с силами, я снова обращаю свое внимание на Кая, гадая, что, черт возьми, он собирается сказать по поводу замечания Индиго.

Он смотрит на меня с любопытством, а затем его взгляд падает на мой рот. Мое сердце буквально замирает в предвкушении. Но потом я начинаю слишком остро осознавать действительность. Ждать. Он же не собирается целовать меня прямо здесь, перед Индиго, не так ли?

Но как только он наклоняется, мои тревоги вылетают в окно. Я помню ту ночь, когда он поцеловал меня на подъездной дорожке. Его губы были такими мягкими и нежными, и от соприкосновения наших губ по моему телу пронесся фейерверк.

Но Кай останавливается на полпути и внезапно откидывается назад.

— Какой у тебя компьютер?

Что, черт возьми, он только что сказал?

— А?

— Ты же забрала свой к бабушке? — спрашивает он, освобождая еще больше места между нами.

Мне приходится очень сильно постараться, чтобы не выпятить губу. Это уже второй раз, когда он почти поцеловал меня. Сколько раз это будет происходить между нами? И разве я не должна положить этому конец? Я о том, что между нами с Кайлером ...

Святое дерьмо, я только вчера целовалась с Кайлером! Что со мной такое? Я должна это прекратить!

Боже, я действительно плохой человек.

— Или ты оставила его у себя дома? — спрашивает Кай, когда я ничего не говорю.

— Я, гм... Что? Нет, я взяла свой компьютер. — Я заставляю себя сосредоточиться на разговоре. — Но он довольно старый.

— А как насчет твоей бабушки? — он спрашивает. — У нее есть что-нибудь поновее?

Индиго хихикает:

— О, Кай, ты вроде неглупый парень. У стариков нет компьютеров. Ты должен это знать.

— Я знаю об этом, — говорит Кай. — Но я однажды встретил парня, которому было около семидесяти и который знал, как взломать записи DMV.

Индиго смотрит на него «какого черта, чувак?» И Кай возражает с выражением лица «ой-я-не-хотел-этого-говорить».

— Но, в любом случае. — взгляд Кая фокусируется снова на мне, он кладет руку мне на бедро. — Может быть, нам стоит заехать ко мне домой и забрать мой. У меня есть убийственная программа, которая может пригодиться.

Я изумленно смотрю на него. — Серьезно, кто ты такой?

— Не слишком волнуйся, — говорит он. — Как я уже сказал, я не настолько велик, и определенно далеко не так хорош, как Большой Дуг. И это займет некоторое время.

— Сколько ты думаешь? — спрашиваю я, слишком хорошо осознавая, что его пальцы начали легко прокладывать дорожку вверх и вниз по моему бедру.

Да, на мне пижамные штаны, но почему-то это ощущение почти такое же сильное, как если бы он прикасался к голой коже.

Он пожимает плечами. — Несколько дней, несколько недель. Трудно сказать

наверняка.

— Несколько недель. — Мою грудь снова сдавливает, почти ослепляющей болью. Как я могу ждать так долго? Мне нужно знать, что произошло. Что она сделала. Кем она была. Жила ли я с ней, когда она...? — Может быть, мне стоит просто поискать в Интернете информацию о ней.

Кай быстро качает головой, когда его пальцы обхватывают мое запястье, в месте, где прощупывается пульс.

— Обещай мне, что ты этого не сделаешь.

Мой пульс бьется о кончики его пальцев.

— Почему?

— Потому что то, что ты найдешь... Я не хочу, чтобы ты это видела.

— Ты видел это?

Он сглатывает и один раз кивает.

— В первом пакете документов, который мне дал Большой Дуг, было много статей и прочего о том, что произошло.

— И это действительно плохо? — Я качаю головой, глядя на себя. — Конечно, это было плохо... Она... убила кого-то. — У меня сдавленный голос.

— Эй, — предупреждает он, мягко дергая меня за запястье. — Я хочу, чтобы ты пообещала не только не искать ничего в Интернете, но и перестать переживать по этому поводу, пока я не получу доступ к файлам на этой проклятой флешке. — Когда я начинаю открывать рот в знак протеста, он обрывает меня. — И я не хочу слышать никаких «но». Просто перестань нервничать и позволь мне все исправить.

Хотя это мило, что он думает, что может это исправить, я не уверена, что мою маму, сидящую в тюрьме за убийство, можно исправить. Тем не менее, я киваю и складываю свои тревоги в маленькую коробочку, которую прячу внутри себя. Это та же самая коробка, в которой содержится боль, когда мой отец перестал со мной общаться, первый раз, когда Линн сказала мне, что я уродина и тот раз, когда Ханна убедила своих друзей прижать меня к шкафчику и написать непристойности на моем лбу перманентным маркером.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы отвезли тебя в твой дом? — спрашиваю я и он кивает. — А как же твои родители? Разве они не спросят тебя, где твоя машина и об этом? — Я провожу кончиками пальцев по синякам на его пострадавшей щеке, стараясь не давить на них.

— Я быстро, одна нога здесь, другая там, — говорит он напряженным голосом. — В любом случае, их там может и не быть. Они иногда навещают мою бабушку по воскресеньям.

— Может быть, мы могли бы просто одолжить у кого-нибудь компьютер, — предлагаю я, не желая, чтобы на него накричал отец.

Он наклоняется ко мне ближе. — Я большой мальчик, Иза. Со мной все будет в порядке.

— Прошлой ночью, когда ты пытался уложить меня спать с собой на диване, ты об этом не вспоминал, — поддразниваю я, пытаюсь поднять ему настроение.

— Я думаю, что мне следует получить бесплатный пропуск на все, что я сказал прошлой ночью, — возражает он. — Это как когда ты пьян и делаешь что-то глупое; это не считается.

— Да, попробуй сказать это моей подруге Дженне, — говорит Индиго, приоткрывая окно со своей стороны. — Однажды ночью она напилась, переспала с каким-то случайным чуваком и подхватила герпес.

Мы с Каем одновременно корчим гримасу отвращения.

— И, к вашему сведению, я делаю этот выбор за вас, ребята. — Она крутит руль и поворачивает вниз по улице, которая ведет к нашему с Каем жилому району. — Мы заберем компьютер, чтобы Кай мог взломать эту флешку и, надеюсь, дать тебе какое-то душевное спокойствие.

— Но что, если то, что на ней, не даст мне покоя? — Я наклоняюсь, пока не слезаю с колен Кая и не сажусь между его ног, прижимаясь спиной к его груди.

Она тянется за пачкой сигарет, лежащей на приборной панели.

— Мы разберемся, когда достигнем этой точки. — Она сует сигарету между губ. — Тебе лучше пересесть на заднее сиденье и лечь. Последнее, что нам нужно, это чтобы Линн, Ханна или твой отец увидели тебя здесь и устроили еще больше драмы.

Я отстегиваю ремень безопасности и двигаюсь, чтобы запрыгнуть на заднее сиденье. Кай держится за меня секунду или две, прежде чем неохотно выпустить меня из своих объятий. Затем я ложусь на сиденье, и следующие пару минут молчу.

Когда машина останавливается, Кай бормочет:

— Черт, они дома.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, чтобы он не уходил, но он уже выходит из машины.

Индиго начинает возиться с радио, предпочитая молчать. Чем дольше в воздухе повисает тишина, тем беспокойнее я становлюсь. Пытаясь отвлечься, я пишу бабушке Стефи.

Я: Привет, как там дела? Есть успехи с камерами наблюдения?

Бабушка Стефи: Извини, милая, но тот, кто вскрыл машину, знал, что делал.

Я: Что ты имеешь в виду?

Бабушка Стефи: Он был в маске.

Я вздыхаю.

Я: Вот отстой. Что сказал по этому поводу твой друг-полицейский? А синяя машина? Ты рассказала ему о ней?

Бабушка Стефи: Он сказал, что взлом был действительно странным, особенно потому, что на самом деле они ничего не украли, кроме бумаг. Мы мало что можем с этим поделать, кроме как сообщить об этом. Он сказал то же самое о синей машине, и, если мы не сможем узнать номерной знак, заявление об этом мало что даст. Я думаю, что сейчас нам просто нужно держать глаза открытыми. И я не хочу, чтобы ты куда-то уходила одна... Где ты сейчас находишься? Вы уже возвращаетесь?

Я: Да. Мы только заехали к Каю домой, чтобы он мог кое-что забрать.

Бабушка Стефи: Что случилось в доме его друга? Он получил то, что ему было нужно?

Я: Вроде того.

Бабушка Стефи:???

Я: Парень исчез. Он оставил флешку, но Кай должен ее взломать.

Бабушка Стефи: Иза, я доверяю твоему суждению и всему остальному, но ты уверена, что хочешь возиться с этим? Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Это бабушка Стефи? — спрашивает Индиго, и я киваю. — Что она пишет?

Я перекатываюсь на бок, чтобы посмотреть на нее. — Она думает, что мне не следует возиться с подозрительными флешками.

— Напиши ей в ответ, что не будешь, — говорит Индиго, удивляя меня.

— Ты хочешь, чтобы я солгала ей?

— Это не ложь. Ты не будешь с этим возиться. Кай будет.

Мои пальцы зависают над кнопками.

— Но Кай делает это для меня.

Она поворачивается на своем сиденье так, чтобы посмотреть на меня, вынимая сигарету изо рта.

— Послушай, Иза. Иногда лучше не быть до конца честным, когда дело касается бабушки. Она старше и когда она нервничает, это имеет последствия, знаешь ли.

— Тогда, может быть, мне не стоит возиться с флешкой, если это вызовет так много проблем.

— Нет, тебе нужно это сделать, иначе ты останешься в стрессе. — Когда я все еще кажусь не совсем убежденной, она разочарованно выдыхает. — Послушай, ты можешь делать все, что захочешь, но я действительно думаю, что ты должна просто позволить ей думать, что мы не участвуем в этом. Попроси ее, чтобы ее друг-полицейский занялся этим делом. В любом случае, было бы неплохо иметь запасной план просто на случай, если Кай не сможет воспользоваться своими крутыми навыками взлома кода, которые, по его словам, у него есть. — Она почесывает лоб тыльной стороной ладони. — Хорошо, здесь полная смена темы, но разве это не прозвучало круто, когда Кай сказал, что может взломать эту флешку?

— Ты думаешь, что такие навыки — это круто? Потому что тебе обычно нравятся парни, которые вроде как ... — Как бы мне лучше выразиться? — Не очень умные.

— Да, но они горячие. И кроме того, я не собираюсь выходить замуж ни за кого из них. Я молода и мне весело. — Дым окутывает ее лицо, когда она затягивается сигаретой. — Тебя беспокоит, что я нахожу Кая горячим?

— Нет. — Но моя губа инстинктивно дергается, а она это замечает.

— Это так и мне это нравится. Я буду продолжать делать это до тех пор, пока ты не признаешься, что влюблена в него. — Она вытягивает руку в сторону, чтобы стряхнуть пепел с сигареты в окно и улыбается мне, когда я хмуро смотрю на нее. — Ты же знаешь, что он почти поцеловал тебя, верно? Он был так... — Она держит большой и указательный пальцы на расстоянии дюйма друг от друга — ... так близко.

Я хочу отрицать, отрицать, отрицать, как обычно, но это вроде как бессмысленно, так как она была свидетелем произошедшего.

— Не знаю, что делать, — признаюсь я, приподнимаясь на локте. — Еще вчера я была с Кайлером и он был действительно милым и весь день пытался отвлечь меня от всей этой семейной драмы. Мы флиртовали и мне это нравилось... А потом был тот почти поцелуй... Это было... — Я пытаюсь найти слово, чтобы описать, но первое, что приходит мне в голову, — приятным. И, сказав это вслух Индиго, я знаю, что она закатит глаза. — Но сегодняшний день с Каем, он такой потрясающий... Ну, серьезно, кто перелезает через сиденье только для того, чтобы обнять человека, который вот-вот заплачет? А потом он повел меня на прогулку и рассказал мне эту историю о Ханне... Дело даже не только в этом. Здесь много всего. Например, когда он держит меня за руку, это успокаивает меня. — Я потираю лоб тыльной стороной ладони. — Но я все еще думаю, что Кайлер мог бы мне понравиться. — Я делаю еще один вдох. — Я самый худший человек на свете. Что со мной не так? Кто так думает?

— Хм, много людей. Твое замешательство совершенно нормально. Поверь мне. Я встречалась сразу с несколькими парнями, а ты еще не переступила черту.

— Разве? Потому что я могла бы позволить Каю поцеловать меня, если бы он не отступил.

— Иза, Кайлер и ты не взяли на себя никаких обязательств. Вы пару раз немного потусовались, и он пригласил тебя на свидание. Вот и все. Пока у вас не будет эксклюзивного разговора, ты можешь делать все, что пожелает твое маленькое сердечко. Кроме того, не похоже, что ты их обманываешь. Ты рассказала Каю о почти поцелуе с Кайлером, но он все равно почти поцеловал тебя. И Кайлер знает, что ты общаешься с Каем. Если он видел вас двоих вместе, он знает, что между вами есть химия. — Кусочки пепла плавают в воздухе, когда она подносит сигарету к губам. — И мне неприятно это говорить, но после всего, что ты рассказал мне о Кайлере, мне кажется, что он игрок и, вероятно, все еще встречается с другими девушками.

Я думаю о Джесмин и ее бесконечных объятиях. Может быть, она и права, но это не значит, что я чувствую себя комфортно на уровне свиданий с ними обоими. Это странно и...

— Но они братья и на самом деле они не любят друг друга. — Я стряхиваю пепел с руки. — Кажется, это очень странно — думать о том, чтобы поцеловать их обоих.

— Послушай, ты можешь делать все, что захочешь. Целовать Кая. Не целовать Кая. Сходить на свидание с Кайлером. Посмотрим, к чему это приведет. — Она закатывает глаза. — Ты вроде бы вообще ни с кем не встречалась. Тебе нужно это сделать. Это обряд посвящения. — Когда я начинаю кивать, она добавляет: — Но...

Я морщусь. Ужасное «но».

— Эта ситуация с Каем, я не думаю, что ты должна игнорировать ее. — Она снова затягивается сигаретой и выдыхает облако дыма. — То, как он смотрит на тебя... — В ее глазах появляется мечтательное выражение. — Я почти уверена, что он влюблен.

— Эм, нет, это не так, — протестую я писклявым голосом, как будто только что высосала гелий из воздушного шара.

— Возможно, это только зарождается, но он почти на грани, — говорит она. — Парни просто так не оказывают подобные услуги девушкам, с которыми они вроде как дружат.

Не зная, что сказать, я держу рот на замке. Я ни на секунду не верю, что Кай влюблен в меня. Конечно, мы друзья, и да, мы флиртуем. Но это всего лишь Кай. Это у него в крови.

— И в конце концов ты тоже в него влюбишься. — Она выбрасывает окурок в окно. — Может быть, не прямо сейчас, но определенно в этом году.

— Что? Твои экстрасенсорные способности снова проявляются или что-то в этом роде? — Я шучу в попытке отвлечь ее от разговора о любви.

Она берет меня за руку и наклоняется, делая вид, что читает по моей ладони.

— Да, ты определенно влюбишься в этом году.

Влюблюсь? Действительно? Я никогда раньше не была влюблена. Меня никогда не любили. Единственная любовь, которую я когда-либо испытывала, исходила от моих бабушки и дедушки, а иногда и от Индиго, но эти случаи были прямо посреди ненависти, которая наполняла мою жизнь.

Линн, Ханна и мой отец так усердно работали, чтобы доказать, как мало я стою. Они взяли себе за правило показывать мне, что я для них ничего не значу. И теперь я узнаю, что моя мама могла кого-то убить... Так что, да, называйте меня пессимисткой или кем там еще, но я просто не верю, что могу влюбиться в ближайшее время или кто-то влюбится в меня.

— Кстати о влюбленности, вот идет мистер, который скоро станет любовью всей твоей жизни. — Она смотрит вперед.

Секундой позже Кай открывает заднюю дверцу машины. Он отодвигает мои ноги в сторону, ставит сумку на пол, а затем садится на сиденье рядом со мной. Он переоделся в другую толстовку с капюшоном и джинсы и щеголяет серой вязаной шапочкой. Не знаю почему, но я ловлю себя на том, что разглядываю его лицо в поисках свежих ран. Однако единственные травмы, которые я вижу, — это вчерашние.

— Все в порядке? — Я сажусь, когда Индиго выезжает на дорогу.

— Да, все хорошо, — говорит он, не глядя на меня. — Я захватил кое-какие вещи... одежду и прочее. Я надеюсь, что все в порядке.

— Все в порядке. — Я украдкой бросаю взгляд на свой дом, прежде чем мы уезжаем. Машины моего отца нет, а дом выглядит таким мирным и тихим. Интересно, где они, ходили ли они на один из своих шоппингов/обедов, которые иногда практикуют по воскресеньям. Я не знаю, почему меня это волнует. Не похоже, чтобы они когда-либо брали меня с собой. И все же какая-то часть меня заботится об этом.

— Ты вообще разговаривал со своими родителями?

— Мой отец был там.

Я хочу расспросить его подробнее, но прежде, чем я успеваю, он подскакивает вперед на сиденье.

— Эй, сделай погромче, — говорит он Индиго. — Это моя любимая.

Когда Индиго прибавляет звук, Кай тянется, хватая меня за руку и тянет через сиденье, пока я не оказываюсь рядом с ним. Затем он начинает петь, танцевать и щекотать меня и на безумную, дикую секунду все кажется нормальным. Но потом песня заканчивается и включается другая, которую никто не знает. Все, что нам остается, чтобы отвлечь нас, — это тишина.

И тишина говорит слишком много, нашептывает мне мои худшие опасения, говорит, что с Каем не все в порядке.

Говорит мне, что я не в порядке.

Изабелла

Когда мы паркуем машину перед жилым комплексом бабушки Стефи, я сообщаю Индиго и Каю, что решила слукавить и написала бабушке, что ничего не буду делать с флешкой. Она ответила улыбающимся смайлом и написала, что рада, что я приняла это решение и что она попросит своего друга-полицейского в отставке разобраться в этом, может, он что-нибудь узнает.

— Но ты все еще хочешь, чтобы я взломал ее, верно? — спрашивает Кай, открывая дверь машины, чтобы выйти.

Я киваю, двигаясь к краю сиденья.

— Я просто думаю, что ей будет легче, если она не будет знать, что ты это делаешь.

Он понимающе кивает, поднимая с пола свою сумку. Я еще не спрашивала его, как долго он пробудет здесь или что его родители сказали ему о состоянии его лица, но я планирую разобраться в этом, как только мы останемся вдвоем.

Не говоря больше ничего, мы втроем входим в квартиру. В тот момент, когда мы оказываемся внутри, мои ноздри наполняются свежим ароматом ...

— Печенье! — Я визжу при виде бабушки Стефи на кухне, в фартуке, которая с помощью лопаточки перекладывает печенье со сковороды на тарелку.

— Я подумала, что тебе не помешает немного сахара, — говорит она мне.

Я бросаюсь на кухню. — Мне бы не помешала куча сахара.

— Не ешь слишком много. — Она пододвигает ко мне тарелку с печеньем через стол. Это мой любимый сорт — сахарное с глазурью из сливочного крема. — На ужин я приготовлю куриные рулеты, которые ты любишь.

Здорово. Теперь я чувствую себя еще более виноватой из-за того, что сказала ей, что не буду заниматься флешкой.

Хватаю печенье с тарелки и откусываю его. Оно еще теплое и тает у меня во рту. Я издаю стон, когда поворачиваюсь, чтобы предложить Индиго и Каю печенье. Когда я замечаю, что Кай наблюдает за мной с заинтересованным, напряженным выражением лица, я вспоминаю о словах Индиго, сказанных в машине о том, что Кай, возможно, влюблен в меня.

Я протягиваю ему тарелку с печеньем.

— Хочешь одно? Они бесподобны.

— Да, я вижу. — Он что-то обдумывает, прежде чем взять печенье с тарелки, при этом не сводя с меня глаз. Откусывает кусочек и делает о-Боже-как-вкусно лицо. — Ты права. Они потрясающие. — Он слизывает каплю глазури с губы.

Я не могу перестать пялиться на его рот.

Черт возьми Индиго и чертову силу внушения. Если бы я не знала, я бы поклялась, что она сделала это нарочно.

— Я действительно рада, что ты решила позволить моему другу разобраться с этим, — говорит мне бабушка, ставя миску для смешивания в раковину. — Думаю, будет лучше, если никто не будет делать ничего противозаконного. — Ее взгляд скользит по нам троим. — Это относится ко всем вам.

Я почти сдаюсь и готова признаться ей во всем.

— Мы не будем, — говорит Индиго, закатывая глаза. — Отдай нам должное. Мы не так уж плохи.

— Я знаю, что это не так, — говорит бабушка Стефи, — но, когда дело доходит до того, чтобы помогать друг другу, вы с Изой готовы на все.

Мы с Индиго обмениваемся улыбками, пока бабушка Стефи занята уборкой на кухне.

— Бабуль, не возражаешь, если мы посмотрим фильм? — внезапно спрашивает ее Индиго, что кажется странным. Индиго редко просит разрешения. Она просто делает это. — Мы подумали, что Изе было бы неплохо отдохнуть и немного расслабиться.

Что? Вот это новость! Какого черта она задумала?

Я пытаюсь поймать ее взгляд, но она не сводит глаз с бабушки Стефи.

— Звучит неплохо, — говорит бабушка, открывая кран. — Может быть, я тоже посмотрю один с вами.

— Звучит круто. Но к твоему сведению, фильм выбирает Иза и, скорее всего, это будет фильм о зомби, — говорит Индиго. — Что означает много криков, крови и мозгов. Я просто подумала, что должна предупредить тебя, потому что знаю, ты не очень-то любишь такое.

— Тогда, может быть, я просто приглашу Гарри на вечер кино. Вы, ребята, можете посмотреть свой фильм в комнате Индиго, а мы останемся в гостиной. — Она одаривает Индиго приторно-сладкой улыбкой. — Таким образом, все, что ты запланировала, не выйдет за пределы этого дома.

Индиго притворяется глупой.

— Почему ты думаешь, что у нас что-то запланировано?

— Потому что я знаю все. — Она ухмыляется Индиго. — И я могу прочитать твою дерьмовую историю насквозь.

— Я просто пыталась спасти тебя от кровавой ночи, потому что знаю, что ты это ненавидишь, но неважно. — Индиго поворачивается к коридору, жестом приглашая нас с Каем следовать за ней. — Только не забудь повязать шарф на дверную ручку.

— Я не обязана следовать правилам колледжа, — кричит ей вслед моя бабушка Стефи. — Это мой дом, и я могу заняться сексом на диване, если захочу.

Я смотрю на Кая, жутко смущенная. И он, кажется, действительно интересуется своим печеньем.

— Эм, нам стоит пойти и включить фильм. — Я скрещиваю пальцы, чтобы успеть вытащить его из комнаты, прежде чем моя бабушка снова заговорит о сексе.

Кай кивает, выглядя так, словно изо всех сил старается не рассмеяться.

Мы выходим в коридор, и я уже собираюсь извиниться перед Каем за то, что ему пришлось это услышать, когда бабушка зовет меня обратно. Я говорю Каю, чтобы он шел вперед и возвращаюсь на кухню.

— Все в порядке? — спрашиваю я ее, открывая холодильник, чтобы взять несколько бутылок содовой.

Она достает из шкафа банку соуса альфредо. — Я просто хотела узнать, как у тебя дела.

Я пожимаю плечами. — Я крепкий орешек. И знаю, как с этим справляться.

— Я знаю, что ты можешь с этим справиться, — говорит она, ставя банку с соусом на стойку. — Но я хочу знать, как у тебя дела.

Слезы жгут мне глаза, когда те эмоции, которые я сдерживала, угрожают вырваться наружу. — Я не понимаю, что ты хочешь услышать.

— О, милая. — Она обнимает меня, когда я начинаю плакать.

Мы стоим так несколько минут, пока я плачу у нее на плече, а она качает меня взад-вперед, как делала, когда я была ребенком. Как, когда я получила травму, упав с дерева или разбившись на велосипеде, она была рядом, чтобы сказать мне, что все в порядке, а затем она обнимала меня и качала взад и вперед, пока я не чувствовала себя лучше.

Когда мои глаза высыхают, я отстраняюсь.

— Спасибо. Мне это было нужно.

— Если тебе что-нибудь понадобится, я всегда здесь, Иза, — говорит она мне. — Я знаю, что ты не привыкла к такому, но я не такая, как твой отец. Я хочу, чтобы ты обратилась ко мне, если тебя что-то беспокоит, хорошо? Даже если тебе просто нужно поплакать.

Я шмыгаю носом:

— Хорошо, я так и сделаю.

— Хорошая девочка. — Она жестом показывает, чтобы я шла восвояси. — А теперь иди и немного расслабься со своими друзьями. Только убедись, что планы Индиго не заставят вас лечь спать поздно или не потребуют, чтобы вы улизнули из дома.

Я киваю и направляюсь обратно в спальню Индиго. Когда я открываю дверь, я нахожу Кая, растянувшегося на кровати с открытым ноутбуком.

— Где Индиго? — спрашиваю я, входя и закрывая дверь.

— Кто-то позвонил ей и она пошла в ванную, чтобы поговорить. — Он нажимает пару клавиш, затем смотрит на меня. Он взглядом скользит по мне и выражение его лица резко меняется. — Что случилось?

Я присаживаюсь на край кровати.

— Я в порядке. Честно. Мне просто... нужно было немного времени.

Он выглядит так, словно хочет что-то сказать, но затем просто возвращается к компьютеру. Его пальцы постукивают по клавишам, пока он смотрит на экран.

Любопытствуя о том, что он делает, я ползу по кровати, пока не оказываюсь рядом с ним. — Итак, насколько все плохо?

— Пока не знаю. — Он пару раз щелкает мышью и на экране появляется поле с паролем.

Я наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть экран и мои волосы касаются его лица.

— Это все, что тебе нужно выяснить?

— Вероятно, нет. Если я взломаю пароль, есть вероятность, появится еще какая-нибудь защита. — Его голос звучит напряженно.

Интересно, почему. Может, он беспокоится, что не сможет этого сделать?

— Иза. — Его голос мягок, когда он убирает мои волосы со своего лица. — Я люблю тебя до смерти, и ты фантастически пахнешь, но мне очень трудно сосредоточиться.

— Ой. Извини. — Я отодвигаюсь назад, давая ему немного пространства, в моей голове проносятся вопросы. Он любит меня до смерти? Я фантастически пахну? — Я просто нервничаю из-за всего этого.

— Я понимаю. — Он поворачивается лицом ко мне и приподнимается на локте. — Я сделаю все возможное, чтобы достать эти файлы, но пока я пытаюсь это сделать, мне кое-что нужно от тебя.

— Ладно. — Моя тревога зашкаливает. — И что же?

Он наматывает прядь моих волос на палец.

— Мне нужно, чтобы ты расслабилась.

Я выдыхаю, освобождаясь от напряжения, которое застряло у меня в легких.

— Я постараюсь.

Он слегка дергает меня за волосы, на его губах играет легкая улыбка.

— Я думаю, нам следует включить фильм. Таким образом, тебе будет на чем сосредоточиться, кроме того, что делаю я, а если твоя бабушка решит проверить нас, это не будет выглядеть так, будто мы ей наврали.

— Это хорошая идея. — Я встаю с кровати и направляюсь к телевизору, стоящему на угловом комод. Открываю верхний ящик, где Индиго хранит свои DVD-диски и начинаю искать что-нибудь подходящее.

Не знаю как, но я чувствую, что он следит за каждым моим движением, как будто все мои чувства связаны с ним. Я виню Индиго за то, что она забила мне голову мыслью, что он может быть влюблен в меня.

— Эм, Кай, могу я задать тебе вопрос?

— Конечно, — говорит он неохотно.

— Когда ты был у себя дома... — Я просматриваю DVD-диски, опустив голову, не зная, как он отреагирует. — Ничего не случилось, верно?

— Что ты имеешь в виду?

— Я про твоего отца. Я знаю, ты переживал, что он расстроится из-за этого... И ты казался отстраненным, когда вышел. Я просто хотела убедиться, что он... ничего тебе не сделал.

Он некоторое время молчит, и я начинаю беспокоиться, может быть, я слишком сильно надавила на него. Но потом я слышу, как скрипит матрас. За этим следует легкий глухой стук, а затем шаги приближаются ко мне. Мгновение спустя тепло его тела охватывает меня.

— Ты слишком сильно беспокоишься обо мне. — Он так близко, что я чувствую, как его дыхание ласкает мою шею сзади.

— Ты беспокоишься обо мне так же сильно. — Мои глаза прикованы к названиям DVD-дисков, но, если бы вы спросили меня, что на них, я бы не смогла сказать. Я слишком сосредоточена на том, как его грудь едва касается моей спины, почти прижимаясь ко мне.

— Ничего не знаю. — Он делает паузу, его дыхание щекочет мою кожу. Мгновение спустя его пальцы касаются моей шеи сзади, и он рисует мягкую линию на моей коже. — Я очень беспокоюсь о тебе.

— Н-ну, а я очень беспокоюсь о тебе. — Я не могу дышать. Не могу думать. Не чувствую ничего, кроме того, как сильно бьется мое сердце в груди.

— Может быть, Индиго права, — говорит он с ноткой веселья в голосе. — Мы действительно похожи.

— Да, мы оба слишком сильно беспокоимся.

— Да, мы определенно это делаем.

Я собираю все свое мужество и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Он так близко, что его губы почти касаются моих.

Я слегка откидываюсь назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Ты так и не ответил на мой вопрос о том, что сказал твой отец.

— Он сказал то, что всегда. Что он не удивлен, что я облажался. — Он отступает назад, снимает свою шапочку и бросает ее на кровать. Затем он проводит пальцами по волосам, отчего светлые пряди выбиваются набок. — Он выгнал меня.

Я полностью поворачиваюсь.

— Что? Серьезно.

Он пожимает плечами:

— Это назревало давно и, честно говоря, я чувствую некоторое облегчение. Я просто хотел бы, чтобы у меня было место, где я мог бы жить.

— Ты можешь остаться здесь на некоторое время. — Я кладу руку ему на плечо, пытаюсь успокоить его. — Моей бабушке все равно.

Он улыбается, но улыбка не доходит до его глаз.

— Я люблю тебя до смерти за эти слова, но мне нужно найти свое собственное место. Мне восемнадцать лет. Мне следует привыкать к самостоятельности.

— Нет, тебе не следует этого делать. Тебе восемнадцать, но ты все еще учишься в средней школе. Тебе еще рано заботиться о себе.

— Я мог бы сказать о тебе то же самое.

— Я знаю.

Мы обмениваемся взглядами или, скорее, понимаем друг друга. Хотя наши ситуации не совсем одинаковы, мы оба можем понять, через что проходит другой.

Я замечаю, как его взгляд снова скользит по моим губам и думаю, что он хочет поцеловать меня. Совет Индиго крутится у меня в голове, но я все еще не уверена, что согласна с ней и я та девушка, которая может встречаться с двумя парнями одновременно. Я даже не знаю, как встречаться, не говоря уже о том, чтобы быть игроком.

Но не буду лгать, я хочу, чтобы Кай поцеловал меня.

Он резко отступает назад, хрустя костяшками пальцев и нарушая момент.

— Хорошо, пришло время попытаться сотворить какое-нибудь волшебство.

Он возвращается к кровати, и его пальцы начинают барабанить по клавишам. Я включаю случайный фильм и ложусь на кровать рядом с ним, сохраняя некоторую дистанцию между нами, в основном потому, что не уверена, чего он хочет. Или чего я хочу. Путаница пронизывает каждую мою мысль и мне жаль, что я не могу прогнать туман из своей головы.

Пару минут спустя в комнату входит Индиго.

— Мне ненавистно так поступать с тобой, — объявляет она, открывая ящик комода. — Но мне придется уехать на несколько дней. Моя мама только что звонила. Очевидно, отец снова сбежал со своей секретаршей. Она казалась пьяной, так что мне нужно съездить домой и проверить, как она.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он снова сбежал со своей секретаршей? — Я спрашиваю. — Сколько раз это случилось?

— Слишком много раз. — Она сгребает стопку одежды, бросает ее на пол, а затем достает из шкафа чемодан. — Он делает это уже много лет, и моя мама по глупости принимает его обратно, потому что у нее совсем нет чувства собственного достоинства, и она не думает, что бывает лучше. — Она расстегивает чемоданы и засовывает одежду внутрь. — Я думала, вся родня знает об этом.

— Ты же знаешь, что моя семья никогда по-настоящему не разговаривала ни с кем из родственников. — Напоминаю я ей, потянувшись за подушкой. — Линн всегда думала, что она слишком хороша, чтобы с кем-то общаться.

— Точно. — Она пододвигает открытый чемодан к туалетному столику и рукой сгребает все средства для макияжа с края, чтобы они беспорядочно упали в чемодан.

— Ты всегда была ужасным упаковщиком, — замечаю я, подсовывая подушку под голову.

Она улыбается мне.

— Это мой дар. Не каждый может быть таким талантливым в беспорядке.

Я смеюсь, но затем делаю серьезное лицо.

— Тебе нужно, чтобы я что-нибудь сделала?

Она качает головой.

— Нет. — Ее взгляд намеренно перемещается в направлении Кая. — Хотя, ты могла бы просто поцеловать...

— Я могу пойти и забрать твои вещи из ванной. — Я вскакиваю с кровати, благодарная Каю за то, что он по-прежнему занят и, кажется, не обращает внимания.

Она улыбается, как чеширский кот.

— Да, иди и сделай это.

Когда я выхожу из комнаты, я мысленно загадываю на падающую звезду, чтобы она не сказала ничего странного Каю, пока меня не будет.

Оказавшись в ванной, я начинаю собирать ее шампуни и лаки для волос. Когда я беру ее щетку, мой телефон звонит. Кладу вещи обратно и достаю телефон из кармана пижамных штанов.

Кайлер: Я просто хотел проверить, все ли с тобой в порядке.

Я: Да, я в порядке. Спасибо, что интересуешься.

Кайлер: Я же говорил тебе, что сделаю это. Хотел позвонить тебе, но застрял в спортзале и мой тренер устроит дерьмовый припадок, если я буду звонить по телефону. Хотя я скучаю по разговорам с тобой. Не могу дождаться следующих выходных.

Мне требуется секунда, чтобы понять, о чем он говорит. Свидание.

Я: Я тоже. Надеюсь, я выберу идеальный фильм о зомби. Просто достаточно крови и внутренностей, чтобы ты получил полноценный опыт.

Кайлер: Не могу дождаться.;)

Я: Ха — ха, держу пари.

Кайлер: Что? Я действительно не могу. Я очень взволнован этим. Я даже провел вторую половину дня в магазине мороженого, пытаюсь найти новую смесь, которую ты могла бы попробовать.

Я: Ты сделал это без меня? Звучит опасно.

Но, честно говоря, я немного тронута.

Кайлер: Это было определено интересно. Позволь мне просто сказать, что жевательная резинка и шоколадное мороженое никуда не годятся.

Я: По — моему, это звучит не так уж плохо. Твои вкусовые рецепторы просто слишком разборчивы.

Внезапно звонит телефон и на экране появляется имя Кайлера. Я нажимаю «ответить» и подношу телефон к уху.

— Мне показалось, ты сказал, что у твоего тренера случится дерьмовый припадок, если ты позвонишь, — говорю я, прислоняясь к стойке в ванной.

— Так и будет, — отвечает он. — Но это стоит того, чтобы услышать твой голос.

— Фразы из ромкомов.

— Ага. Я сохранил ее для тебя.

— Ну и дела, спасибо, — говорю я саркастически.

— Пожалуйста. Но на самом деле, я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Мой отец и Кай поссорились, и я думаю, он выгнал Кая. Он выглядел таким расстроенным, когда выходил из дома. Я тут же подумал о тебе и о том, как тяжело должно быть, переезжать из своего дома и быть одной.

— Ну, я не одна. Я живу со своей бабушкой и двоюродной сестрой... Ты был дома, когда Кая выгнали?

— Да. Я пытался отговорить своего отца от этого, но он упрямый человек. — Он делает паузу. — Ты ведешь себя так, будто уже знала об этом.

Я тереблю браслет на запястье.

— Я знала.

— Откуда?

— Эм... Потому что Кай здесь, со мной.

— Оу. — Тишина, которая следует за этим, кажется, длится вечно. — Так он, типа, живет с тобой?

Я подумываю о том, чтобы солгать ему, но на сегодня уже хватит лжи.

— Он просто останется на диване моей бабушки, пока не найдет, где жить.

— Ммм... — Еще одна пауза, и я просто начинаю думать, что он раздражен, когда говорит: — Я рад, что ему есть где остановиться. Я боялся, что он в конечном итоге будет ночевать на скамейке в парке или что-то в этом роде.

— С ним все в порядке, — Я уверяю его. — Я не позволю ему уйти, пока ему не будет где остановиться, кроме как на скамейке в парке.

— Если он попытается уйти, не имея другого выхода... Ты обещаешь позвонить мне?

— Конечно.

Он, кажется, беспокоится о Кае, но из-за того, как сильно они не ладят в последнее время, я нахожу его просьбу странной.

— Эй, ничего, если я заеду за тобой завтра на обед? — он спрашивает. — У тебя же будет перерыв на обед, верно? Мы могли бы заехать в закусочную или еще куда-нибудь.

— Да, конечно. Звучит неплохо. — Но я скрещиваю пальцы, надеясь, что не переступаю черту, о которой говорила Индиго. Не хочу никому причинять боль, и я не могу игнорировать голос в моей голове, говорящий мне, что мне просто нужно выбрать одного из них.

— Потрясающе... — Он замолкает, когда кто-то что-то ему говорит.

Звучит женский голос, и я чувствую, что съеживаюсь от ревности. Я ненавижу свою реакцию и напоминаю себе, что мы не встречаемся, что он может общаться с девушками, как я с Каем. Он не мой. И кроме того, может быть, это его тренер-девушка.

Затем я слышу, как она произносит мое имя или, скорее, насмехается над ним, и моя ревность превращается в замешательство.

— Эй, Иза, прости, но мне нужно идти, — говорит мне Кайлер. — Это был мой тренер, который хочет надрать мне задницу. Если я сейчас не положу трубку, завтра утром мне придется пробежать лишнюю милю.

— Ладно.

Он прощается и вешает трубку, оставляя меня в еще большем замешательстве.

Задумываюсь, почему я так себя чувствую. Это второй раз, когда я испытываю смутную ревность к Кайлеру и девушке, а я встречалась с ним только дважды. Так вот как все будет

происходить? Смогу ли я когда-нибудь преодолеть свою неуверенность, когда я с ним... Мои мысли возвращаются к Каю и к тому, как легко у нас с ним все складывается...

Выбросив эту мысль из головы, я беру с собой средства для волос и возвращаюсь в комнату.

Когда я вхожу, Индиго почти закончила собирать вещи. Я бросаю средства для волос в чемодан, а она застегивает его.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится, — говорит она, обнимая меня на прощание. Затем она шепчет мне на ухо: — И я имею в виду все, что угодно, особенно если ты путаешься в парнях.

Когда я киваю, она отступает и выходит из комнаты, волоча за собой чемодан.

Я на мгновение замираю в дверях, раздумывая, стоит ли мне позвать Кая, а потом иду в гостиную. Находиться с ним в одной комнате пугающе. Я не знаю, почему это так. Несмотря на то, что прошлой ночью мы спали вместе на одном диване. Но это комната с кроватью, стенами и дверью... она кажется слишком интимной.

Но потом я слышу, как моя бабушка Стефи разговаривает с Гарри, решаю перестать быть трусихой и лечь на кровать рядом с Каем.

Уголки его губ приподнимаются, но он не отрывает взгляда от компьютера. — На секунду я подумал, что ты собираешься улизнуть.

— С чего бы мне это делать? — спрашиваю я, поправляя подушки. — Мы просто тусуемся.

— Потому что мы остались вдвоем. На этой кровати. Подумай обо всех возможностях. — Он подмигивает мне.

Я качаю головой, как бы говоря: «Ох, Кай». Но в глубине души я тоже думаю о возможностях. И, Боже милостивый, мой разум может создать несколько довольно креативных.

— Ты такая милая, когда краснеешь, — говорит он, прежде чем снова переключить свое внимание на компьютер. Я пытаюсь сосредоточиться на фильме, но мои мысли заняты другим: о моей маме, Линн, моем отце, Ханне, синей машине, Кае, Кайлере. Список бесконечен и заставляет меня задуматься, смогу ли я когда-нибудь снова расслабиться.

Следующее, что я помню, это то, что меня внезапно будит от очень глубокого сна громкое жужжание. Я сбита с толку. Я даже не помню, как заснула. С моими переживаниями я думала, что никогда не смогу заснуть.

Мне требуется секунда, чтобы осознать, что меня окружает в темноте. Я лежу в постели, лунный свет проникает в окно и мои ноги переплетены с чьими-то еще.

Мое внимание переключается на человека, лежащего рядом со мной и меня охватывает паника. Потом я вспоминаю, что произошло прямо перед тем, как я заснула.

Кай выключил компьютер на ночь и лег рядом со мной, чтобы досмотреть фильм. Когда я не могла усидеть на месте, он прижался своим лбом к моему.

— Ты такая беспокойная, — сказал он.

— Знаю. — Я вздохнула. — Мне жаль. У меня просто слишком много мыслей в голове.

В его глазах плясало веселье:

— У меня есть лекарство от этого.

Немного насторожившись, спрашиваю.

— Правда? Какое?

Он ухмыльнулся, а затем начал петь мне колыбельную самым мягким, самым

успокаивающим голосом на свете.

— Засыпай, Иза, — сказал он, вставив в текст свои собственные слова. — Иначе я поцелую тебя.

Я хихикнула, когда мое сердце подпрыгнуло в груди. Я хотела сказать ему что-нибудь язвительное, пошутить, как мы обычно делаем, но я была слишком взволнована. Я не думала, что смогу заснуть с таким бодрым и напряженным умом, но, должно быть, я отключилась всего минуту спустя, потому что это последнее, что я помню.

Но как моя бабушка позволила нам заснуть вместе в постели, выше моего понимания. Я предполагаю, что она увлеклась... общением с Гарри.

Кай крепко спит на боку, подложив руки под голову. Он выглядит таким очаровательным и расслабленным, его губы слегка приоткрыты, когда он вдыхает и выдыхает, его волосы торчат во все стороны. Возникает желание запустить пальцы в его волосы. Я хочу прикоснуться к нему очень, очень сильно, до такой степени, что это ненормально. И наблюдение за тем, как он вот так спит, делает меня еще более странной.

Прежде чем я осознаю, что делаю, я начинаю тянуться к нему. Но потом мой телефон жужжит, почти пугая меня до смерти, и я понимаю, что это то же самое жужжание, которое разбудило меня.

Зевая, я беру свой телефон с прикроватной тумбочки и читаю сообщение, полагая, что оно, вероятно, от Индиго, сообщающей мне, что она добралась домой нормально.

Неизвестный: Ты получишь то, что заслуживаешь.

Неизвестный: Просто подожди.

— Что за дерьмо? — Я протираю усталость с глаз, затем протягиваю руку и включаю лампу, прежде чем снова прочитать сообщение.

Кай шевелится рядом со мной, его веки открываются и моргают от света. Он бросает один взгляд на мое лицо и переходит от сонного состояния к пробуждению.

— Что не так? — спрашивает он, садясь.

Протягиваю ему свой телефон.

— Я только что получила это сообщение.

Кай читает сообщение и его челюсти сжимаются.

— Это, должно быть, Ханна. Боже, она такая злая сука.

— Но как она пишет с неизвестного номера?

— Это не так уж сложно. — Он кладет телефон на тумбочку. — И его довольно легко отследить. Я займусь этим завтра.

Я грызу ноготь большого пальца.

— Мне неприятно это говорить, но, если это Ханна, я немного беспокоюсь о том, что она запланировала.

Он обнимает меня и тянет за собой, ложась на спину.

— Я не позволю ей ничего с тобой сделать. — Он кладет руку мне под голову и играет с моими волосами. — Однажды я остановил ее от распространения слухов; я могу сделать это снова.

Я хочу верить, что у него есть такая сила, но ...

— Что, если это она украла документы из машины? Что, если она знает, что моя мама кого-то убила и расскажет об этом всем в школе?

— Этого не случится, — обещает он мне. — Я этого не допущу.

Я хочу спросить его как, но он целует меня в лоб, заставляя замолчать.

— Поспи немного, — шепчет он, затем протягивает руку и выключает лампу.

Он устраивается рядом со мной, обнимая меня изо всех сил и заставляя меня чувствовать себя в безопасности.

Я хотела бы сохранить этот момент навсегда, но я знаю, что утром мне придется проснуться и столкнуться с реальностью.

Изабелла

Следующие пару дней проходят на удивление без происшествий. Со всей драмой, которая произошла в выходные и угрожающими сообщениями, я ожидала, что ад развернется. Но ничего не происходит.

В понедельник я беру машину, на которой Индиго обычно ездит на работу, чтобы отвезти нас с Каем в школу. Кайлер пишет мне утром, сообщая, что должен отменить наше свидание за ланчем. Хотя я не сошла с ума, это все равно отстой, потому что в каком-то смысле я чувствую, что моя мечта о том, чтобы встретиться с ним, медленно угасает.

Вторник и среда пролетают в мгновение ока и не успеваю я опомниться, как уже четверг. Я не видела никаких признаков таинственной синей машины, но это все еще не значит, что я забыла о ней. Я все жду, что она где-нибудь появится и беспокойство заставляет меня нервничать.

В четверг днем я работаю над домашним заданием, пока Кай пытается взломать флешку. Индиго все еще не вернулась и так как моя бабушка часто встречается со своими друзьями, обычно мы с Каем остаемся в квартире одни. Это дает ему достаточно времени, чтобы повозиться с компьютером, чтобы моя бабушка не стала слишком подозрительной.

Ему удалось взломать несколько кодов, но каждый раз всплывают новые. Я действительно начинаю сомневаться, что там может быть. Почему Большой Дуг поместил столько блокировок на флешку, которая предположительно содержит только информацию о деле моей мамы.

В перерывах между попытками взломать коды Кай тратит время на то, чтобы отследить неизвестный номер, с которого мне пришло сообщение.

— Думаю, они воспользовались одноразовым телефоном, — говорит он мне, откидываясь на спинку дивана с разочарованием, написанным на его лице. — Я не знаю, что еще можно сделать.

— Может быть, нам стоит сделать перерыв, — предлагаю я, когда замечаю, каким измученным он выглядит. Синяки под его глазами указывают на то, что он явно плохо спал. Хотя некоторые порезы и синяки исчезли, у него все еще есть несколько порезов вдоль линии роста волос и около глаза. — Мы могли бы взять тайм-аут и заняться чем-нибудь другим.

Он упрямо качает головой.

— Нет, мне нужно сделать это для тебя.

Я откусываю краешек печенья.

— Кай, это не будет концом света, если ты не взломаешь флешку. Ты говорил, что Большой Дуг узнал, что моя мама подала на апелляцию... — Я проглатываю боль, всегда так делаю, когда думаю о ней. — В конце концов, информация об этом будет обнародована.

— Но я не хочу, чтобы тебе приходилось беспокоиться. — Страстный взгляд, который он бросает на меня, заставляет меня снова растаять в кресле. — Я хочу, чтобы у тебя было немного душевного спокойствия во время всего этого.

Последние несколько дней он так на меня смотрит, черт возьми, уже тысячный раз. И я начинаю еще больше верить в то, что ему нужен перерыв.

— Извини, я веду себя, как сумасшедший, — говорит он, когда я бросаю на него взгляд «пожалуйста, остынь, парень». — Я просто хотел бы понять это. Если бы Большой Дуг был здесь, он бы смог вот так все понять. — Он щелкает пальцем.

— Если бы Большой Дуг был здесь, мы бы с самого начала этого не делали. — Я запихиваю остаток печенья в рот, стряхиваю крошки с рук и беру трубку телефона, когда он жужжит.

Я колеблюсь, прежде чем открыть сообщение. Так происходит каждый раз с тех пор, как пришло сообщение с угрозами.

Лили: Привет! Просто хотела проверить, все ли еще ты заинтересована в работе. Мой менеджер собирается нанять какого-то идиота, который, я почти уверена, пришел на собеседование, сойдя с ума.

— Кто такая Лили? — спрашивает Кай, читая сообщение через мое плечо.

— Я встретила ее, когда мы с Кайлером играли в футбол, — говорю я. — Она младшая сестра Уэса... Не уверена, что ты знаешь, кто такой Уэс.

— Да, я знаю, кто он такой. Тот еще засранец. — Кай убирает мои волосы с плеча и кладет на него подбородок. — Я не знал, что ты ищешь работу.

— На самом деле не ищу. Лили предложила мне работать с ней. Она кажется очень милой... Я не думаю, что она на самом деле дружит с Кайлером.

— Я тоже так не думаю. По крайней мере, я никогда не слышал о Лили. — Он делает паузу. — Что между вами двумя происходит?

— Ты про что? Я и Лили? — Но я знаю, что он имеет в виду не Лили.

— Ты и мой брат. — Он снова делает паузу, и я чувствую, как он изучает меня. — Ты вообще о нем не говоришь. Насколько я знаю, вы не разговаривали с ним с субботы. И как раз тогда, когда ты произнесла его имя сейчас... У тебя был такой тон.

— Я не знаю, почему я это сделала, но клянусь, ничего не происходит, — говорю я, но чувствую себя такой лгуньей.

Но с нами на самом деле ничего не происходит! В этом-то и проблема. Однако, говоря с Каем о моих оговорках, я чувствую, что это неправильно.

— Я собираюсь подать заявление на эту работу, — резко объявляю я, проводя пальцем по экрану своего телефона.

Я: Мне определенно все еще интересно.

Лили: Ура! Ты можешь приехать прямо сейчас?

Я: Да. Уже в пути.

Я опускаю взгляд на свои черные джинсы с украшениями на молнии, красный топ с открытыми плечами и босоножки на каблуках.

Я: Подожди. Что мне надеть?

Лили: Неважно. На самом деле это не имеет значения. Я имею в виду, что он собирался нанять парня, который выглядел, как полный козел.

Я улыбаюсь ее сообщению, засовываю телефон в задний карман и беру ключи от машины с кофейного столика.

Кай поднимается на ноги и вытягивает руки над головой.

— Хочешь компанию?

Я киваю, направляясь к двери.

— И я хочу, чтобы ты сделал перерыв, так что это два к одному.

Он улыбается мне, его руки опускаются по бокам.

— На самом деле, это три к одному, потому что это дает мне шанс провести время с красивой девушкой.

Я закатываю глаза, но, когда я выхожу за дверь, глупая улыбка застывает на моем лице.

Кай хватается свою серую вязаную шапочку и натягивает ее, прежде чем выйти со мной на улицу. После того, как я запираю дверь, мы направляемся к машине. На полпути вниз по тротуару он кладет руку мне на поясницу, его взгляд скользит по парковке.

— На что ты смотришь? — спрашиваю я, пытаюсь проследить за его взглядом.

Его взгляд падает на машину, припаркованную на углу улицы.

— Синяя машина.

Воздух вырывается из моих легких, когда я замечаю синюю машину с наклейкой Супермена. Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть номерной знак, когда вдруг Кай кидается к ней.

— Кай, нет, не надо! — в панике кричу я.

Что если человек в машине опасен? Что, если он пострадает?

Еще до того, как Кай успевает приблизиться, машина набирает скорость, шины вращаются и оставляют следы на дороге. Хотя я хочу знать, кто следит за мной, я испытываю облегчение, что он уехал до того, как Кай сделал что-то иррациональное, что могло причинить ему боль.

— Черт возьми, — ругается он, пиная камень на траве. — Я сойду с ума, черт возьми, гадая, кто это, черт возьми, такой.

— Знаю, — говорю я, подходя к нему. — Но, если мы увидим ее снова, ты должен пообещать мне, что не будешь пытаться что-либо сделать, кроме как узнать номер машины.

Он качает головой, его взгляд полон ярости.

— Ни за что.

— Кай, — Начинаю я, в моем тоне слышится предупреждение. — Я не хочу, чтобы ты пострадал.

— Я не пострадаю, — уверяет он меня. — Только они.

Я ударяю костяшками пальцев по ногам.

— Я не хочу, чтобы ты ввязывался в эту историю. Ты и так уже зашел слишком далеко.

Выражение его лица смягчается.

— Иза, поверь мне, когда я говорю, что этот беспорядок незначителен по сравнению с теми проблемами, в которых я нахожусь, значит так и есть.

— Под проблемами ты имеешь ввиду поиск дома? Или как найти способ отбуксировать машину обратно в Саннивейл? — Я спрашиваю. — Или эта история с Ти? Потому что ты до сих пор не объяснил мне, в чем дело.

— И я не собираюсь этого делать. — Он обнимает меня за талию и ведет к машине.

— Это нечестно. Почему ты помогаешь мне, а я не могу отплатить тебе тем же?

— Потому что ты слишком хорошенькая.

Я резко откидываю голову назад.

— Это самое глупое оправдание, которое я когда-либо слышала.

— Ну, это правда. И я бы не смог простить себе, если бы с тобой что-то случилось.

Я не знаю, что ответить. Я хочу сказать много чего, но мое сердце колотится слишком сильно. Я боюсь, что мой голос будет дрожать.

Вместо этого я беру свой телефон и пишу бабушке о том, что только что произошло. Она отвечает, что попросит своего друга-полицейского все осмотреть вокруг, как только он

вернется домой.

Бабушка Стефи: И я хочу, чтобы ты оставалась внутри и держала двери запертыми, пока я не вернусь домой.

Я: На самом деле я собираюсь устроиться на работу.

Бабушка Стефи: Я не знала, что ты ищешь работу.

Я: Я хочу помочь.

Бабушка Стефи: Ты не должна этого делать, Иза. Я счастлива, что могу заботиться о тебе.

Я: Мне все равно нужна работа. Хотя бы для того, чтобы накопить на колледж.

Бабушка Стефи: Хорошо, если ты хочешь это сделать, тогда все в порядке. Но ты сохраняешь каждый заработанный пенни... И Кай с тобой, верно? Я не хочу, чтобы ты ехала одна.

Я: Да, он прямо здесь.

Бабушка Стефи: Хорошо. Это меня успокаивает. Этот парень всерьез принял бы пулю за тебя.

Я: Слишком драматично.;

Бабушка Стефи: Я просто защищаю тебя. Оставайся в безопасности и возвращайся домой как можно скорее.

Защищает? Странно думать о том, что кто-то хочет защитить меня. Я смотрю на Кая, думая о том, что сказала моя бабушка. Неужели он действительно так сильно заботится обо мне? По словам Индиго, вероятно.

Когда мы подходим к машине, Кай открывает для меня водительскую дверцу. Обычно я бы подразнила его за то, что он пытается быть джентльменом, но он спешит на пассажирское место раньше, чем я успеваю.

Поездка на машине по большей части проходит в тишине. День пасмурный и к тому времени, как мы подъезжаем к магазину, начинается дождь.

Прежде чем мы выходим, Кай снимает свою толстовку и протягивает ее мне.

— Надень ее и накинь капюшон, чтобы волосы не намокли.

— Оу. Всегда присматриваешь за мной, — шучу я, просовывая руки в рукава его куртки. Запах его одеколona и всего, что есть Кай, захватывает мои ноздри. Я ловлю себя на том, что глубоко вдыхаю его.

Кай бросает на меня странный взгляд.

— Ты только что понюхала мою куртку?

— Эм... — Мои щеки горят от неловкости. — Может быть.

Он втягивает нижнюю губу между зубами, сдерживая усмешку.

— Надеюсь, пахнет хорошо?

Я думаю о том, чтобы покачать головой, но ловлю себя на том, что киваю.

Его улыбка прорывается наружу.

— Отлично. — Он протягивает руку и натягивает капюшон мне на голову, его взгляд все время прикован ко мне.

Мне хочется поежиться и отвернуться, потому что дышать становится очень трудно, но я не могу найти в себе сил сделать это. Так что вместо этого я заканчиваю тем, что смотрю на него с отвисшей челюстью, как идиотка.

— Готова? — спрашивает он, отстраняясь от меня.

Я киваю, затем нащупываю ручку двери и выхожу из машины. К счастью, свежий воздух и запах дождя успокаивают мои нервы. Я жду Кая и мы бок о бок входим в магазин.

Колокольчик над дверью звякает, когда мы входим и я снимаю капюшон с головы, оглядываясь вокруг. Место очень неорганизованное, полки в беспорядке, а плакаты на стенах висят криво. Но вокруг есть довольно крутые вещи: проигрыватели, книги, украшения.

Лили сидит за захлавленной передней стойкой и читает книгу. Ее волосы снова стянуты в косу, на ней кроссовки, дырявые джинсы и клетчатая рубашка поверх черной футболки.

Она поднимает глаза, когда мы входим.

— Да. Ты сделала это. — Она отскакивает от стойки, ее взгляд устремляется прямо на Кая. — И ты привела с собой друга.

— Это Кай. — Я указываю на него. — Он брат Кайлера.

— Ой. — На ее лице появляется любопытное выражение, затем она поднимает бровь, глядя на меня так, как будто ждет объяснений.

Я уверена, что этот взгляд вызван тем фактом, что всего неделю назад я встретила ее, когда была с Кайлером. Я не хочу объяснять ей это в присутствии Кая. И, кроме того, я понятия не имею, как это объяснить.

— Готова? — спрашивает она меня, опуская взгляд.

Я киваю, снимаю куртку Кая и расправляю плечи.

— Удачи, — говорит мне Кай, когда я протягиваю ему куртку.

Я улыбаюсь, но нервничаю, как и в первый день, когда я пошла в школу со своим новым макияжем.

— Тебе не нужно нервничать, — говорит Лили, когда мы обходим несколько коробок и полок, направляясь к закрытой двери в задней части магазина. — Глен отдыхает. Я уверена, что он наймет тебя сразу же.

Ее слова кажутся безумными. Нанять меня сразу же. И все же в конечном итоге они оказываются правдой. Глен явно немного не в себе. Он задает мне всего три вопроса.

Нравятся ли мне подержанные вещи?

Знаю ли я, как работать с реестром?

И когда я могу начать?

Хотя я не знаю, как работать с реестром, я лгу, полагая, что Лили быстро продемонстрирует мне это.

— Ну что? — Лили практически подпрыгивает на цыпочках, когда я выхожу из кабинета Глена.

Я выдыхаю с облегчением.

— Он сказал мне, что я могу начать на следующей неделе.

Она визжит и быстро обнимает меня.

— Да. Я так рада, что мне не придется работать с этим придурком. Он продолжал пялился на мои сиськи все это время. — Она отступает от меня. — Я пойду принесу тебе несколько бланков, которые тебе нужно заполнить. Я сейчас вернусь. — Она исчезает в кабинете прежде, чем я успеваю вымолвить хоть слово.

Я возвращаюсь в магазин, чтобы рассказать Каю новости. Я нахожу его копающимся в коробке со старыми пластинками, с опущенной головой, все еще в шапочке. Я делаю паузу, отмечая, как очаровательно он выглядит, читая названия. И хотя мне нравятся волосы Кая и

все остальное, ему определенно идет этот аксессуар.

Как будто почувствовав, что я смотрю на него, его взгляд внезапно поднимается и находит меня.

— Ну, что?

Яжимаю плечами, на моих губах появляется слабая улыбка.

— Я получила ее.

Он направляется ко мне.

— Это ведь хорошо?

Я киваю, встречаясь с ним в центре магазина.

— Глен, менеджер, кажется, действительно под кайфом. — Мой взгляд обшаривает беспорядочный магазин. — Может быть, немного слишком расслаблен, но неважно. — Я бреду к витрине и разглядываю ожерелья, браслеты и кольца внутри нее. — Хотя здесь много крутых вещей. Я думаю, что это место просто нужно прибрать и тогда оно будет потрясающим... — У меня перехватывает дыхание, когда я чувствую, как он подходит ко мне сзади.

— С тобой все будет в порядке? — Он откидывает мои волосы в сторону, обнимает меня за талию и кладет подбородок мне на плечо.

Это второй раз, когда он делает это за сегодня и снова мое сердце трепещет, как пойманная в клетку колибри.

— Почему бы мне не быть в порядке? — Черт возьми, да, мой голос прозвучал ровно. Мысленно даю себе пять!

— Просто со всем происходящим. — Он делает паузу, и, о, Боже, его губы касаются моей шеи. — Я не хочу, чтобы ты перенапрягалась.

— Ты часто так говоришь. — Мой голос срывается. Эпический провал для меня.

— Это потому, что я волнуюсь. — Его губы снова касаются моей шеи.

Мои ресницы трепещут. Я, черт возьми, не могу дышать.

— Помнишь ту ночь, когда мы лизали друг друга? — внезапно спрашивает он.

Я кладу ладони на витрину, пытаюсь отдышаться. — Я сделала это только потому, что ты сделал это первым. Мне казалось, что мы ведем себя как собаки.

— Хмм... Собаки, а? Интересно... — Его ответ сбивает меня с толку, особенно когда он просто начинает подпевать песне Аврил Лавин, звучащей через стереосистему магазина.

— Ты и твоя музыка... — Все остальные мои слова теряются, когда его язык скользит вверх по моей шее. Я начинаю открывать рот, чтобы сказать ему остановиться, пока мы в магазине, когда его губы находят мочку моего уха.

Он кусает, нежно касаясь зубами чувствительного места кожи. Мои ладони сильнее прижимаются к витрине, пока я изо всех сил пытаюсь удержаться на ногах. Мои колени дрожат, а веки непроизвольно закрываются.

— Тебе не кажется, что сейчас мы ведем себя, как собаки? — спрашивает он с ноткой веселья в голосе.

Я хочу кивнуть, ответить, сказать ему, что сейчас не время играть, но мой разум отключается.

Мягкое дыхание срывается с его губ, когда он опускает голову и посасывает мою шею сбоку. Его зубы следуют за ней, мягко покусывая.

У меня кружится голова, а в сердце горячий беспорядок. Я волнуюсь, что сейчас упаду в обморок, а это значит, что я должна сказать ему остановиться, верно?

— Тебе это нравится? — он шепчет, его дыхание ласкает мою шею.

Покачай головой, Иза!

Я ошеломленно киваю и сосредотачиваюсь на своем дыхании, когда он опускает голову, чтобы прикусить еще кусочек кожи. Это так удивительно приятно. Лучше, чем долбаные американские горки под небом, полным фейерверков, во время еды сахарной ваты. Мое сердце бешено колотится в груди и все, о чем я могу думать, что это слишком эротично.

Я, вероятно, позволила бы ему делать это и дальше, пока моя шея не покрылась бы засосами, но я отталкиваю его, когда слышу, как где-то внутри магазина закрывается дверь.

Дикие глаза Кая смотрят на меня, когда я поворачиваюсь, прижимая руку к шее.

— Вот бумаги. — Лили выходит из задней части магазина и вручает мне бумаги, словно подарок. — Ты можешь заполнить их прямо сейчас. Или принести их в свой первый день.

— Я принесу их в следующий раз. — Я съеживаюсь от того, как тяжело дышу. — Мне действительно нужно домой. У меня куча домашних заданий.

— Хорошо. — Ее взгляд переходит с меня на Кая.

Кай почесывает затылок и одаривает ее натянутой улыбкой.

Лили еще мгновение пристально смотрит на него, потом снова смотрит на меня и улыбается.

— Дай мне знать, если тебе понадобится какая-либо помощь по любому из вопросов.

Я благодарю ее, затем мы с Каем выходим из магазина и садимся в машину. Половину пути никто из нас ничего не говорит. Я хочу что-то сказать, спросить его, что было с тем сумасшедшим, совершенно неожиданным, совершенно сногшибательным, самым эротичным моментом, который у меня был. Но одна мысль о том, чтобы сказать это вслух, заставляет меня нервничать.

Но, наконец, Кай смотрит на меня.

— Итак, у нас все в порядке, верно?

Я честно киваю. У нас с Каем все более чем в порядке. По крайней мере, я более чем в порядке с тем, что только что произошло.

— Да. Конечно.

— Хорошо. — Кажется, он хочет сказать что-то еще, но поворачивается и усаживается на свое место, оставляя меня в замешательстве.

Мое замешательство удваивается, когда он протягивает руку и убирает одну из моих рук с руля. Мне интересно, что он делает, пока он не переплетает наши пальцы вместе, а затем кладет наши руки на консоль.

Я понятия не имею, что означает этот шаг. Что я точно знаю, так это то, что я почувствовала в магазине, когда он поцеловал меня в шею, это были взрывы и фейерверки, похожие на безумно крутые американские горки. Именно так я всегда представляла себе, должен выглядеть поцелуй. Это заставляет меня понять, что в почти поцелуе с Кайлером определенно чего-то не хватало. Это заставляет меня задуматься, каково будет на самом деле целоваться с Каем по-настоящему.

Мне очень хочется это узнать.

Изабелла

К тому времени, как мы возвращаемся в квартиру, бабушка Стефи уже готовит ужин. Мы втроем садимся и едим, пока она рассказывает, что ее друг-полицейский нигде поблизости не нашел машину. Я не удивлена. У меня такое чувство, что тот, кто издевается надо мной, будет найден только тогда, когда захочет.

Поев и убрав со стола, я иду по коридору, чтобы принять душ.

Кай уже сидит на диване, притворяясь, что делает домашнее задание, в то время как на самом деле он пытается взломать флешку. Он ловит мой взгляд, когда я прохожу мимо и от его взгляда у меня покалывает место на шее, где он кусал и целовал меня.

— Ты заболела? — моя бабушка Стефи встает передо мной, загоразивая мне вид Кая. — Ты выглядишь раскрасневшейся.

— Я в порядке. — Ничего нового. Я девушка, которая только что думала о том, что ее за шею укусил горячий парень.

Она прижимает ладонь к моему лбу.

— Температуры нет. — Она убирает руку. — Я думаю, тебе следует отдохнуть. И завтра тоже. Приходи домой сразу после школы. Особо не напрягайся, например, посмотри фильм. У тебя была тяжелая неделя.

— Звучит неплохо, — говорю я, проводя рукой по шее. — Хотя мне все еще нужно сделать кое-какую домашнюю работу. Приближаются промежуточные экзамены.

Ее взгляд падает на мою руку на шее.

— А это что такое?

Мои пальцы напрягаются:

— Что?

Она наклоняется, пристальнее изучая мою шею.

— Эти отметины у тебя на шее.

Я отодвигаюсь от нее на дюйм.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Изабелла Андерс, — предупреждает она. — Ты ужасная лгунья. Кто это сделал? Это был тот парень Кайлер, о котором ты все время болтала, или это... — Она подозрительно смотрит на Кая.

Кай, кажется, глубоко поглощен чем-то на экране своего компьютера, но я могу сказать, что он на грани смеха.

Рад, что он считает это забавным, потому что я уверена, что это не так.

— Эм, я собираюсь пойти принять душ. — Я разворачиваюсь и, как сумасшедшая, бегу в свою спальню, чтобы взять какую-нибудь одежду и убежать от того, что она собирается сказать дальше.

— Просто убедись, что если ты что-то делаешь, то это безопасно! — она кричит мне вслед.

Я захлопываю дверь и прислоняюсь к ней.

Я до смерти люблю свою бабушку, но, черт возьми, она знает, как поставить меня в неловкое положение.

Я даю себе пару минут, чтобы собраться с мыслями, прежде чем на цыпочках войти в ванную и принять душ. К тому времени, как я прокрадываюсь обратно в свою комнату, усталость овладевает мной.

Я забираюсь в постель, хотя еще рано. Прошлую ночь я не очень хорошо спала. Каждый раз, когда я закрывала глаза, мне снилась либо синяя машина, либо Линн, которая находит способ арестовать меня, либо моя мама с окровавленными руками.

Когда я протягиваю руку, чтобы выключить ночник, я замечаю, что у меня есть один пропущенный звонок и сообщение. Я почти не смотрю на них, беспокоясь, что они будут от того, кто послал мне угрожающее сообщение. Но я отбрасываю страх в сторону и беру свой телефон.

Оба они от Кайлера.

Вздохнув, я открываю сообщение.

Кайлер: Просто интересно, что с тобой происходит. Я не получал от тебя вестей с понедельника. Я много думал о тебе. Все еще в силе в субботу?

Я перечитываю сообщение во второй раз, чувствуя, что не знаю, как ответить.

Эта история с Каем... Кай и этот поцелуй... Кай и то, как он обнимает меня... Кай и то, как он называет меня красивой...

Мне нужно что-то сказать Кайлеру, потому что я не думаю, что хочу тусоваться с ним в субботу, не после того, что случилось с Каем. Но я не знаю точно, что сказать.

Я пишу об этом Индиго, потому что она наверняка знает, что делать. Через двадцать минут без ответа я сдаюсь и откладываю телефон, решив, что напишу Кайлеру утром, после того как поговорю с Индиго.

Потом я закрываю глаза и погружаюсь в свои кошмары.

К тому времени, когда я собираюсь выйти за дверь и отправиться в школу на следующее утро, Индиго все еще не ответила на мое сообщение.

— Бабушка, ты что-нибудь слышала от Индиго? — спрашиваю я, перекидывая сумку через плечо.

Она отрывает взгляд от мытья посуды в раковине.

— Я получила от нее весточку пару дней назад. А что?

Я обхватываю большим пальцем ручку своей сумки.

— Я написала ей вчера вечером, но она до сих пор не ответила.

Я замечаю, как что-то мелькает в ее глазах. Страх? Волнение?

— Я уверена, что с ней все в порядке. — Она протирает тарелку губкой. — Она, наверное, просто занята заботой о своей маме.

Я думаю, что она, возможно, лжет, но пока оставляю это, потому что мне нужно идти в школу.

Я направляюсь к двери вместе с Каем и как только мы выходим на улицу, он протягивает руку и переплетает свои пальцы с моими. Он делает это так небрежно, как будто это самая естественная вещь в мире. Я чувствую себя самой неестественной, неуклюжей девушкой, которая когда-либо ходила по планете. Мои ладони, вероятно, вспотели и я почти уверена, что моя рука дрожит. Я могла бы отстраниться, просто чтобы он этого не заметил, но я ни за что не сделаю этого.

— Итак, твоя бабушка говорила еще что-нибудь о твоей шее? — спрашивает он меня

после того, как мы садимся в машину, и я выезжаю на дорогу.

— Да, сегодня утром она снова заговорила об этом. — Я чувствую себя неловко, просто думая об этом.

Он смотрит в свой телефон, затем начинает набирать сообщение.

— Что она сказала?

Я надеваю темные очки.

— Я не хочу об этом говорить.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Почему нет? Настолько все плохо?

— Конечно, плохо. Ты слышал ее прошлой ночью. Раз в десять больше и вот насколько все было хуже.

Он очень старается не рассмеяться.

— Просто скажи мне, что она сказала.

Я качаю головой.

— Ни за что.

— Да ладно тебе. — Он дуется. — Я обещаю, что не буду смеяться.

— Ага, конечно, — бормочу я. — Ты будешь смеяться, а я буду краснеть. — Когда он продолжает дуться, я вздыхаю. — Ты должен поклясться, что не будешь смеяться.

Он рисует пальцем крестик над сердцем, а затем спокойно ждет, что я ему скажу.

Чувак, я не могу поверить, что собираюсь это сделать. Он никогда не даст мне это забыть.

— Она... дала мне... презерватив, — бормочу я еле слышно.

Он сжимает губы и прижимает сжатую в кулак руку ко рту, его плечо трясется, когда он изо всех сил пытается сдержать смех.

— Ты обещал, что не будешь смеяться, — сердито напоминаю ему.

Это занимает у него мгновение, но ему удается взять себя в руки.

— Она забавная, — говорит он. — Я имею в виду твою бабушку.

Я включаю поворотник, чтобы выехать на главную дорогу.

— В хорошем смысле.

— Определенно в хорошем смысле. — Он проводит пальцем по нижней губе, размышляя о чем-то. — Но настоящий вопрос в том, сохранила ли ты презерватив?

Качая головой, я протягиваю руку и слегка шлепаю его по руке.

— Ты просто не мог устоять, не так ли?

Он злобно смеется.

— Конечно, нет. Смущать тебя — одна из моих любимых вещей. — Я прищуриваюсь, глядя на него, но он продолжает говорить. — Хочешь знать, что мне больше всего нравится?

— Нет, — говорю я, а затем сдаюсь. — Выкладывай.

Его глаза озорно загораются.

— Посасывать твою шею.

Мои пальцы инстинктивно скользят к шее и веселье в его глазах исчезает, когда его взгляд следует за движением.

Его кадык дергается, когда он с трудом сглатывает.

— Иза, я думаю... — Его голос прерывает звук сообщения. Кряхтя от разочарования, он его читает. — Черт возьми, я надеялся, что он это не сделает, — говорит он себе.

— От кого это?

— Мой друг пару месяцев назад сдавал комнату. Я надеялся, что она еще свободна, но нет. — Он кладет телефон на колени и скрещивает руки, напряжение, которое он испытывал в течение нескольких дней, возвращается.

— Что-нибудь слышно от твоих родителей? — Осмеливаюсь спросить.

Он качает головой, глядя в окно.

— Они не звонят мне, Иза. Они рады, что я больше не их проблема.

Я пытаюсь придумать, о чем бы еще поговорить, о чем-нибудь, что выведет его из ступора, но внезапно он вздыхает и поворачивается ко мне.

— Мне очень жаль, — говорит он. — Я не должен был жаловаться тебе.

— Все в порядке. Когда твои родители выгоняют тебя, тебе позволено жаловаться.

— Да, но... ты имеешь дело со всем этим дерьмом со своей семьей, а я дуюсь, потому что мне восемнадцать и я должен начать заботиться о себе. — Он небрежно ударяется головой о подголовник позади себя. — И взломать эту флешку... Я просто очень хотел бы это сделать. Это становится так неприятно. Коды доступа мне уже начали сниться.

Я заставляю себя отрастить пару женских яиц и беру его за руку.

— Я знаю, что это стресс. Вот почему тебе нужно перестать так сильно беспокоиться об этом.

— Не такой стресс, как у тебя. Я просто хочу сделать это, чтобы я мог, не знаю, дать тебе надежду во всем этом безумии. Я хочу, чтобы тебе не приходилось так сильно волноваться, и чтобы ты почувствовала себя в безопасности. Я хочу, чтобы ты, — он пожимает плечами, — снова была счастлива. Я скучаю по твоей улыбке.

— Я все еще улыбаюсь, — говорю я, но внутри все, о чем я могу думать, это «ого, это самая милая вещь, которую я когда-либо слышала».

— Не так сильно, как раньше. — Он начинает поглаживать мою ладонь пальцами. — Я вижу, что это тебя утомляет.

Я вздрагиваю от его прикосновения. Это восхитительно приятно, как растопленный шоколад, взбитые сливки и посыпка.

— И наоборот.

Его губы растягиваются в кривой улыбке.

— Я думаю, мы должны сделать что-нибудь веселое в эти выходные. Нам обоим определенно не помешало бы немного повеселиться.

— Конечно. Я не против. — Подождите? Это свидание? Или как друзья.

Боже!

Прежде чем я успеваю вдуматься в это, мой телефон вибрирует в подстаканнике. Я нажимаю кнопку чтения вслух.

— Сообщение от неизвестного, — произносит автоматический голос через динамик. — Игра началась.

Я вцепляюсь в руль.

— Что, черт возьми, это значит?

— Понятия не имею. — Гнев горит в его глазах. — Но меня действительно тошнит от этого дерьма. Кто бы это ни был, надеру ему задницу, когда найду.

— Что, если это Ханна?

— Тогда я позволю тебе надрать ей задницу. Я должен был позволить тебе сделать это на прошлой неделе. Просто не хотел, чтобы у тебя были неприятности.

Он вздыхает, а затем возится с моим телефоном до конца поездки в школу, нажимая

кнопки и бормоча что-то себе под нос. К тому времени, как я припарковываю машину, он выглядит так, словно хочет разбить его о приборную панель.

Что касается меня, то я — комок нервов, беспокойство жжет меня со всех сторон, когда я повторяю сообщение. Время игры? Что это значит? Это угроза? Угроза для чего?

Как только я переступаю порог школы, я получаю ответ. Почти все прекращают то, что делают и таращатся на меня. Я начинаю съеживаться позади Кая, гадая, что происходит, когда замечаю бумаги в руках людей и сотни разбросанных по полу.

Я наклоняюсь, чтобы поднять одну из них одновременно с Каем. Он начинает читать одновременно со мной.

— Нет, Иза, не читай это, — бормочет он, выхватывая бумагу из моей руки.

Но уже слишком поздно. Я уже достаточно прочитала. Это статья о преступлении моей матери с ее фотографией внизу. И в углу страницы скопирована моя фотография, сделанная в парке в тот день, когда мы играли в баскетбол с Кайлером. Вспышка, которую я видела... Теперь это имеет смысл... Кто-то сделал фотографию.

Мои руки начинают дрожать, когда я поднимаю с пола еще одну бумагу и замечаю, что написано от руки под фотографией:

— Познакомьтесь с дочерью убийцы. Она очень похожа на свою мать, не так ли?

Это не все, что я вижу. Я вижу, что суд проходил в Вирджинии, что автор статьи назвал преступление ужасным. Я также вижу имя человека, в убийстве которого обвинили мою маму.

Джеймисон Андерс.

Я вдруг понимаю, почему Кай не хотел, чтобы я искала что-то в Интернете.

Я стою в шоке, желая, чтобы мой разум забыл то, что я только что прочитала. Но это прямо передо мной, на бумагах на полу, выставленное на всеобщее обозрение.

Я не могу дышать. Я не могу пошевелиться... Я...

Бумагу внезапно выхватывают у меня из рук, а затем меня вытаскивают из школы. Я безжизненно слеую за Каем, позволяя ему дотащить меня до машины. Ничего не говоря, он отпускает мою руку, засовывает пальцы мне в карман и достает ключи. Он открывает дверь и мягко опускает меня на пассажирское сиденье. После того, как он пристегивает меня, он закрывает дверь, забирается на водительское сиденье и заводит двигатель.

Когда он выезжает со стоянки, мне удастся снова обрести дар речи.

— Куда мы едем?

— Прочь. — Одно слово, но почему-то я чувствую себя в безопасности.

Я прижимаю колени к груди и смотрю, как мимо проплывают деревья, дома и магазины, стараясь не думать о том, что я прочитала. Но это все, о чем я думаю. Каждая моя мысль сосредоточена вокруг этого имени. Джеймисон Андерс. Кто он такой? Дядя? Дедушка? Брат? Есть так много возможностей и все, что я хочу сделать, это взять свой телефон и искать, искать и искать, пока не найду ответы на некоторые вопросы. Но я боюсь того, что я найду, боюсь, что это каким-то образом будет хуже, чем то, о чем я думаю.

— Кто он такой? — шепчу я. — Джеймисон Андерс. Кто он?... — Я с трудом сглатываю. — Кем он был?

Кай крепко сжимает руль, костяшки его пальцев побелели.

— Из всего, что я прочитал, я думаю, что он был сводным братом.

— Ты имеешь в виду моего сводного брата? — Мой голос срывается.

— До того, как Линн и твой отец поженились, у Линн был сын. Его звали Джеймисон, и

ваш отец законно усыновил его как своего собственного сына. Хотя я не совсем понимаю, почему. Я думаю, он был на несколько лет старше нас.

— Ох.

У Линн был сын до того, как она встретила моего отца? У Линн был сын, которого убила моя мама? У Линн был сын, а теперь он мертв из-за моей матери?

Слезы щиплют мне глаза.

— Неудивительно, что она ненавидит меня. Я представляю этого человека, который забрал ее сына. Я просто не понимаю... почему. Почему она вообще согласилась позволить мне жить с ней? В этом нет никакого смысла.

— Я знаю, что это не так, — говорит он, резко поворачивая налево. — Это именно то, что я подумал в ту секунду, когда узнал. Почему эта женщина позволила дочери женщины, которая, как она думает, убила ее сына, приехать и жить с ней?

— Может быть, чтобы превратить мою жизнь в сущий ад. — Я крепче прижимаю колени к себе. — Может быть, мучая меня, она выплескивает свой гнев на мою маму.

Он качает головой, резко останавливая машину.

— Я не думаю, что это все. Ну, не все из этого. Когда Большой Дуг дал мне эту папку, он сказал что-то о том, что не может понять, почему твою маму признали виновной и именно поэтому мне действительно нужно залезть в эту флешку. Я думаю, что в ней могут быть некоторые ответы.

— Ответы на что? — Я чувствую себя такой беспомощной, как будто провалилась в яму и не могу найти, за что бы ухватиться. — Если бы были доказательства того, что она этого не делала, то она бы не сидела в тюрьме.

— Это не совсем так, — говорит он, выключая двигатель. — Были случаи, когда люди проводили годы в тюрьме после того, как их обвиняли в преступлении, а затем появлялись новые обстоятельства, доказывающие, что они все это время были невиновны.

— Да, я знаю, но... Сейчас трудно думать об этом таким образом и это похоже на ложную надежду — думать, что это произойдет. — Я провожу пальцами по волосам, дергая их за корни. — Кай, как ты думаешь, кто это сделал? Развесил эти бумаги по всей школе?

— Вероятно, тот же человек, который украл эту папку, — отвечает он едва слышным голосом. — И я предполагаю, что и то, и другое было сделано Ханной или кто-то сделал это для нее.

Я роняю руки на колени.

— Фотография на тех бумагах... Снимок был сделан в тот день, когда я увидела синюю машину, следовавшую за мной по пятам.

— Я так и думал. — Он вынимает ключи из замка зажигания и открывает дверь.

Когда я смотрю в окно, я понимаю, что он поехал в парк с нашим деревом.

— Пойдешь со мной прогуляться? — спрашивает он, глядя на меня через плечо с надеждой в глазах.

Я киваю, выхожу из машины и встречаю его у входа. Он переплетает свои пальцы с моими, и мы начинаем идти по траве, направляясь к дереву. Как только мы оказываемся внутри, садимся бок о бок, наши ноги торчат из входа, Кай обнимает меня и притягивает к себе.

— Я знаю, что сейчас все кажется действительно дерьмовым, но я обещаю тебе, что я все исправлю, — говорит он.

Я приподнимаю подбородок и смотрю в его покрасневшие глаза и темные круги под

ними. Всю последнюю неделю он так беспокоился об этом и это начинает сказываться на нем.

— Кай... Я ценю все, что ты для меня делаешь, но я не уверена, что это можно исправить. — Я смотрю на дыру в дереве, из которой торчат наши ноги. Я помню время, когда мы были достаточно маленькими и оба легко втискивались сюда. Теперь мы почти переросли это место. Это печально, но такова жизнь. Все движется вперед, меняется, что бы ты ни делал. — Я думаю, может быть, пришло время просто смириться и понять, как жить со всем этим. Я знаю, что у тебя есть свои проблемы, о которых нужно беспокоиться; тебе не нужно беспокоиться еще и о моих.

Он кладет палец мне под подбородок и заставляет меня посмотреть на него. — Если ты хочешь принять это и двигаться дальше, то все в порядке. Я понял. Но я собираюсь залезть в эту флешку, чтобы разобраться в этом для тебя. И я собираюсь выяснить, кто разбросал эти гребаные бумаги по школе и превратить их жизнь в сущий ад.

— Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Их не будет. — Он подмигивает мне, пытаюсь казаться спокойным, но я вижу, что он весь взвинчен. — Я знаю, как отплатить кому-то, не попавшись.

— Ты выглядишь таким усталым, — говорю я. — Это начинает меня беспокоить. Ты не дал себе времени по-настоящему оправиться от сотрясения мозга и сломанного ребра. И доктор сказал, что тебе нужно время, чтобы выздороветь.

— Усталость временна — Он отменяет мое беспокойство. — Я смогу спать, когда состарюсь. И мои ребра и голова в порядке. — Он стучит костяшками пальцев по голове, и этот звук вызывает крошечный смешок, срывающийся с моих губ.

Но смех вскоре исчезает и мысли снова наполняют мою голову.

— Может быть, мне стоит навестить ее, — говорю я больше себе. — Мою маму, я имею в виду... Я могу это сделать, верно?

— Может быть, тебе стоит подождать, пока я не соберу больше информации? — осторожно говорит он.

— Зачем? Даже если это ужасно, я думаю, что все равно хочу поговорить с ней. — Я осознаю, что это правда, когда произношу это. Однажды я хочу встретиться со своей мамой лицом к лицу, даже если это будет за решеткой. Хотя я не знаю, что я ей скажу, мне кажется, что мне нужно что-то сделать. — Я хочу получить некоторые ответы. Я хочу знать... почему.

— Возможно, все не так просто. — Он крепче прижимает меня к себе. — Она может не захотеть сказать тебе, почему. Или у нее может не быть ответа. Есть масса способов, как может пойти этот разговор.

— Я знаю, но я думаю, что хочу попробовать.

Тишина окутывает нас. Я чувствую, как он смотрит на меня, но не могу заставить себя посмотреть на него и увидеть жалость в его глазах.

Вместо этого я смотрю на свои туфли. На мне кеды «конверс», которые я купила, когда была в Лондоне. На них серые полоски и заклепки. Помню, я подумала, насколько они отличаются от обычных ботинок, которые я носила. Когда я примерила их, я тоже почувствовала себя по-другому: более уверенно. Эта уверенность позволила мне мечтать о другой жизни, где я была бы другой девушкой, которая не позволяла бы своей семье ходить вокруг нее, которая не пряталась бы в тени, которая была бы счастлива.

Какое-то время у меня был этот свет — ну, вроде того. Теперь я чувствую, что вот-вот провалюсь в пучину отчаяния. Но я знаю, что не могу. Я не могу вернуться к той жизни, в

которой я чувствовала себя ничтожеством. Я должна продолжать идти вперед, меняться, придумывать, как с этим жить.

— Я хочу поговорить с ней, — решительно говорю я Каю. — И я хочу, чтобы ты пошел со мной.

Я осознаю истину своих слов в тот момент, когда я их произношу. Это безумие, как сильно я хочу, чтобы он пошел со мной. Индиго, возможно, была права. Может, я и не влюблена в Кая, но потенциал есть. Кай... Он знает все, что происходит. И я должна спросить, почему это так? Почему Кай — тот, кому я все рассказываю? Да, Кайлер милый и привлекает меня, он мне нравится, но на этом все.

Но мысль о том, чтобы влюбиться в кого-то, и чтобы кто-то любил меня... Это кажется таким недостижимым, чем-то, чего у меня никогда не было. Я не чувствую себя достойной этого и я не уверена, что смогла бы справиться с этим прямо сейчас. Слишком много всего происходит.

Я больше не знаю, что делать... абсолютно со всем.

Кай подносит руку к моему лицу и поворачивает мою голову к себе, пока моя щека не упирается в его плечо.

— Если это то, что тебе нужно, то я согласен, — говорит он.

— Спасибо тебе, — шепчу я.

Мы погружаемся в тишину. Кай смотрит на вход в дерево, его костяшки пальцев скользят по моей щеке, он, кажется, погружен в свои мысли.

Я теряюсь в своих страхах: страхе узнать правду, страхе, что моя мама виновна, страхе влюбиться и быть любимой в ответ. У меня так много страхов. Я просто надеюсь, что смогу справиться со всем этим.

Кай

Я собираюсь взломать чертов код на этой флешке, даже если это, черт возьми, убьет меня. Сейчас около двух часов ночи, а я не сплю уже больше тридцати шести часов подряд. Я выпил, наверное, четыре энергетических напитка и моя кровь движется по венам так быстро, что сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди.

Я знаю, что у меня есть миллион других вещей, о которых нужно беспокоиться, например, о том, чтобы вернуть деньги. У меня осталось всего две недели, чтобы собрать тысячу баксов. К тому же, в конце концов мне придется найти жилье, потому что жить на диване бабушки Изы становится странным для всех.

Но я не могу думать ни о чем другом, пока не получу доступ к этой дурацкой флешке. Я знаю, что апелляция мамы Изы только что была одобрена и рано или поздно Иза начнет узнавать что-то об этом деле, но мне невыносима мысль о том, чтобы заставить Изу ждать того, чтобы убедиться, что ее мама невиновна. Я хочу, чтобы у нее были некоторые факты, особенно до того, как она отправится к ней.

Хотя я думаю, что у нее есть на это полное право, я не уверен, что это хорошая идея. Если ее мама окажется виновной, это может вскружить ей голову. И с учетом того, что происходит с синей машиной и листовками в школе, последнее, что ей нужно, — это еще больше стресса в ее жизни. Она может сломаться. Я видел это в ее глазах, когда она попросила меня поехать с ней в Вирджинию. Однако я не мог сказать "нет". Не тогда, когда она так смотрела на меня своими большими глазами, умоляющими меня быть рядом с ней.

Я хочу быть рядом с ней больше всего на свете. Это то, что я быстро осознаю: я сделаю для нее все, что угодно, даже рискну получить по заднице из-за прихоти, что, возможно, то, что находится на этой флешке, сможет стереть часть боли, которую испытывает Иза.

Я знаю, что это значит. Я знаю, почему я забочусь о ней больше, чем о себе.

Я влюблен в нее.

И тот поцелуй в магазине... тот, что в шею... укусы... Боже, она была такой вкусной. Я даже не знаю, почему я это сделал. Я пообещал себе, что не пойду туда с ней, но внезапно все желание и потребность, которые я держал в ловушке внутри себя, взяли верх. Я думал, что она оттолкнет меня, но она этого не сделала и я начал задаваться вопросом, может быть, она хочет меня так же сильно, как я хочу ее.

Но сейчас определенно не время признаваться ей в моей бессмертной любви. После того, что случилось в школе, она не сможет смириться с тем, чтобы я вывалил на нее свои чувства. Мне придется просто смириться и сдерживать все это, сопротивляться желанию кричать об этом с крыши, быть долбаным придурком, потому что да, вот где я нахожусь. Меня, черт возьми, накрыло. Я это знаю. И мне на самом деле все равно.

Что меня волнует, так это то, как проникнуть в эти файлы.

Яростно щелкая мышью, я в сотый раз запускаю программу взлома паролей. Высвечивается предупреждение и появляется еще одно поле с паролем. Я скоро слечу с катушек.

— Черт возьми! — Я ругаюсь сквозь стиснутые зубы, стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить всех.

Я нажимаю на программу снова и снова. Как раз в тот момент, когда я думаю, что вот-вот сойду с ума, что я не могу больше ни секунды видеть, как появляется окно, мне предоставляется доступ.

— Святое чертово дерьмо. — Я откидываюсь на спинку стула, издавая удивленный смешок, потому что, честно говоря, я действительно не думал, что смогу это сделать.

Я начинаю открывать файлы и просматривать их. Первые десять или около того не относятся к делу и содержат записи случайных людей, карту того, что выглядит как большое здание и ссылки на какую-то систему безопасности.

Я только начинаю задаваться вопросом, может быть, Большой Дуг оставил мне не ту флешку, когда нахожу папку с надписью: Дело Беллы Лароуз. Я сразу же нажимаю на нее, открываю и начинаю читать.

Я даже не уверен, откуда Большой Дуг взял эту информацию. Из материалов дела? Нет, это нечто большее, как будто он провел какое-то расследование по этому делу или знал кого-то, кто тесно с ним сотрудничает, например, адвоката. Он просмотрел файлы, протоколы судебных экспертиз, заметки детектива, показания свидетелей, фотографии. И кое-что из этого определенно указывает на невиновность Беллы Лароуз.

В одном из файлов спрятан отсканированный лист бумаги со списком подозреваемых. Оно написано от руки и выглядит не очень официально, как будто кто-то записывал идеи. Одно особенно бросается в глаза. Я моргаю несколько раз, задаваясь вопросом, не вижу ли я что-то не так. Но имя остается там, притягивая мой взгляд.

Линн Андерс.

Я понятия не имею, почему кто-то мог подумать, что это Линн, какие у них есть доказательства или это просто случайное предположение. Все, что я знаю, это то, что я должен держать Изу подальше от Линн и ее семьи, пока мы не выясним все, особенно после того, что случилось в школе. У меня не хватило духу сказать Изе, но я почти уверен, что та фотография в листовках, разбросанных по школе, — ее фотография на баскетбольной площадке, была сделана кем-то, кто был с ней на баскетбольной площадке. По крайней мере, так это выглядело из-за того, как близко это было и под каким углом. Я не уверен, был ли там кто-то еще в тот день, но, если нет, это может означать, что мой брат-придурак сделал фотографию.

Будь то Кайлер, Ханна, Линн или кто-то еще, кто-то определенно полон решимости превратить жизнь Изы в сущий ад.

Но я не позволю им это сделать.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ